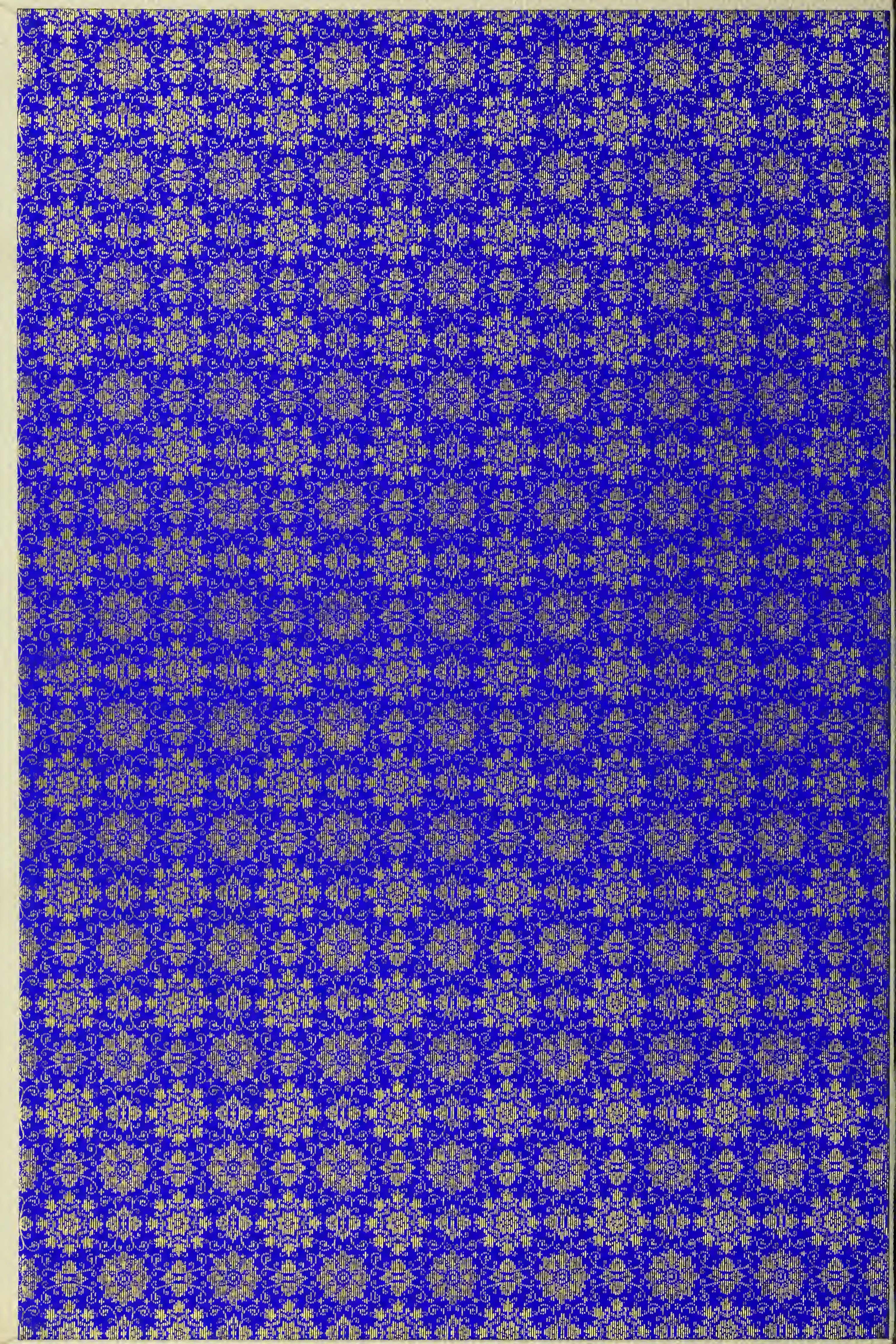
ИСТОРІЯ КНИГИ:

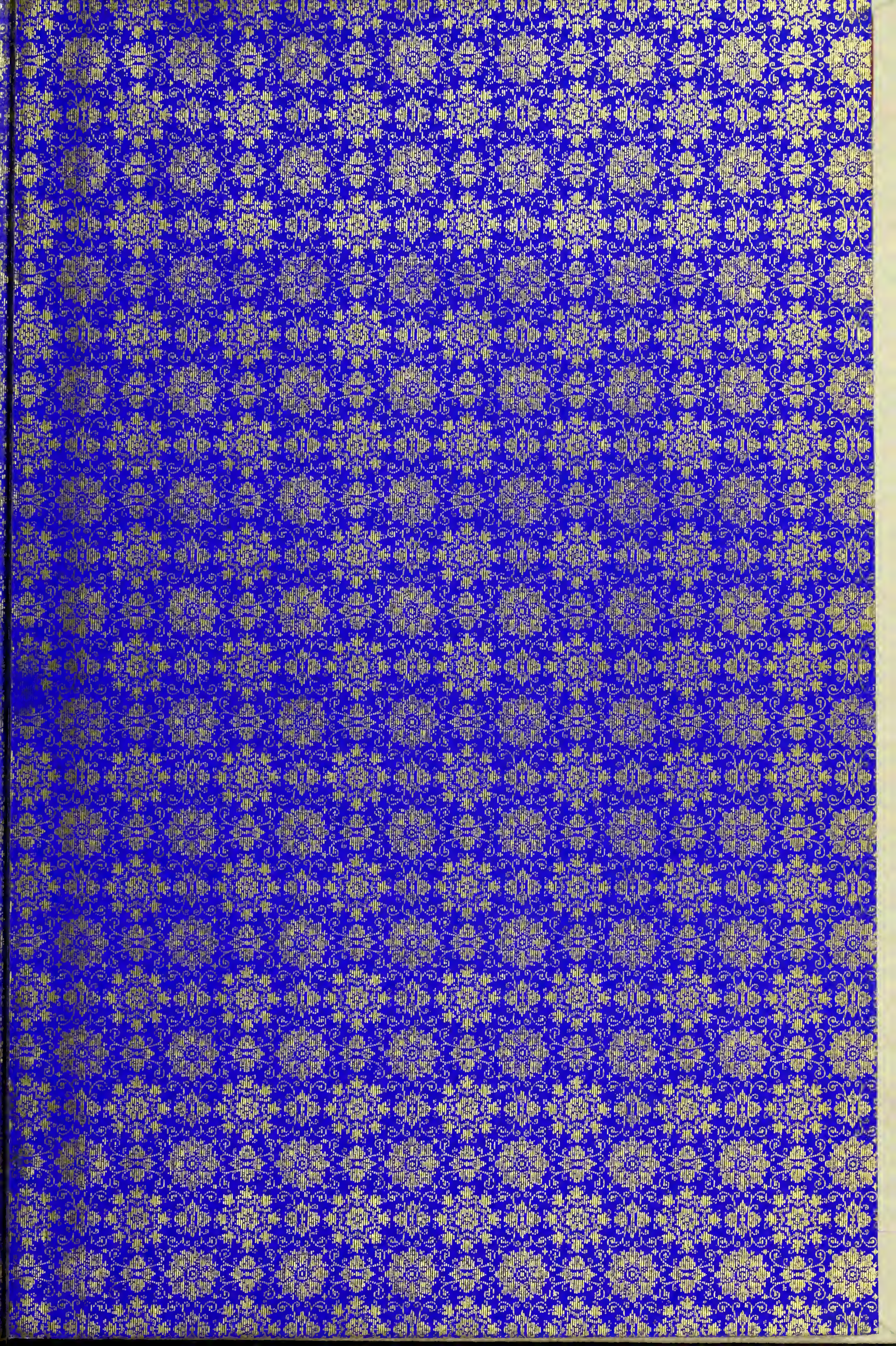
ВИЗАНТІЙСКІЯ ЭМАЛИ

А. В. ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

В. В. СТАСОВЪ

1898

Исторія книги

С. Петербургъ.

1898

Печатано
въ Количествѣ
150
Нумерованныхъ экземпляровъ.
№

Экземпляръ

Французская книга 1855 г.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1856 году, почти при началѣ моей писательской дѣятельности, я напечаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью подъ заглавіемъ: «Новая драгоцѣнность въ Императорской публичной библіотекѣ». Дѣло шло тутъ объ одномъ, совершенно необыкновенномъ, европейскомъ изданіи, производившемъ тогда много шуму въ научномъ и художественномъ мірѣ. Это было знаменитое «Imitation de Jésus-Christ», напечатанное по волѣ Императора Наполеона III, въ Парижской Императорской типографіи, нарочно для всемірной Парижской выставки 1855 года. Это изданіе должно было, по желанію императора, быть «чудомъ» типографскаго и иллюстраціоннаго искусства, и прославить Францію передъ всѣми народами міра. И дѣйствительно, при богатыхъ, необыкновенныхъ матеріальныхъ и художественныхъ средствахъ, которыми владѣла Франція, и ея полновластный и безконтрольный владыка, тогдашній императоръ французовъ, вышло истинное «чудо», на которое вся европейская публика не могла довольно надивиться. Отлиты были новые, изящнѣйшіе шрифты; изготовлена была, нарочно,

особая, неслыханная по своимъ совершенствамъ бумага, каждый листъ которой былъ разсмотрѣнъ въ увеличительное стекло особыми экспертами; первые испытаннѣйшіе мастера парижской (въ теченіе долгихъ столѣтій знаменитой) государственной типографіи назначены были завѣдывать печатаніемъ; первѣйшіе французскіе художники-орнаментисты получили приглашеніе создать всю орнаментацію новой книги, въ краскахъ и съ золотомъ; наконецъ, первѣйшіе парижскіе переплетчики того времени получили задачу украсить новую книгу такимъ переплетомъ, который затмилъ бы, если можно, все до тѣхъ поръ извѣстное по этой части—а, какъ всякій знаетъ, еще со времени Возрожденія, т.-е. съ XVI столѣтія, французскіе переплетчики славились на весь міръ, и оставили много образцовъ своего искусства и вкуса, истинно несравненныхъ. Императоръ Наполеонъ III такъ гордился своимъ созданіемъ и придавалъ ему такое высокое значеніе, что изъ числа всѣхъ напечатанныхъ 103 экземпляровъ, оставилъ для себя самого 75, которые и роздалъ разнымъ коронованнымъ главамъ, изъ числа тѣхъ, съ которыми состоялъ тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ. Россія не попала въ его списокъ: тогда только еще кончалась крымская война, миръ еще не былъ заключенъ, и императоръ еще глядѣлъ на насъ злымъ, враждебнымъ окомъ. Но тогдашній директоръ Императорской публичной библіотеки, баронъ (впослѣдствіи графъ) Мод. Андр. Корфъ не согласенъ былъ на то, чтобъ *его* дорогая библіотека, которою онъ только и дышалъ, которой посвящены были всѣ его думы, силы и стремленія, была навѣки лишена такого художественнаго книжнаго «чуда». Онъ испросилъ

у Императора Александра II особыя деньги, такъ какъ наша библіотека всегда бывала бѣдна на средства, и за 6,000 франковъ купилъ, черезъ франкфуртскаго книгопродавца Бэра (всегдашняго поставщика нашей библіотеки) одинъ изъ немногихъ оставшихся экземпляровъ, пріобрѣтенный первоначально парижскимъ книгопродавцемъ Викторомъ Массономъ. Нашъ экземпляръ носилъ № 78. По моему предложенію, для новаго «чуда» была сдѣлана особая витрина. вся изъ зеркальныхъ стеколъ, такъ что книгу можно было осматривать со всѣхъ сторонъ, сверху, снизу, съ боковъ, и даже класть раскрытою, внутри стеколъ, такъ, чтобы посторонніе зрители не дотрогивались до необыкновенной книги своими руками. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, французское «чудо» было въ самомъ дѣлѣ «чудомъ» и для сотенъ тысячъ посѣтителей нашей петербургской публичной библіетеки, необычайнымъ явленіемъ.

Русская книга 1894 года.

Но вотъ вдругъ, спустя почти полъ-столѣтія, у насъ въ Россіи является свое собственное «чудо» подобнаго же рода, но только безъ участія высшей правительственной власти, безъ государственныхъ тратъ и безъ государственныхъ типографій, является книга, изданная *частнымъ человѣкомъ*, на его частныя средства, но съ такимъ совершенствомъ художественныхъ и техническихъ формъ, которое, быть можетъ, оставляетъ далеко за собою не только многія другія, но даже и парижское «чудо» 1855 года.

Покуда создавалась наша русская необыкновенная книга, я былъ случайнымъ, но близкимъ свидѣтелемъ всего, что̀ предпринималось и дѣлалось для ея совершенства. И потому я подумалъ, что это теперь мое

право и обязанность разсказать исторію ея, она казалась мнѣ истинно стоющею общаго вниманія. Прибавлю только, что какъ и въ 1856 году, витрина для новой необыкновенной книги устроена въ Императорской публичной библіотекѣ по моей мысли и предложенію.

Книга, про которую я говорю, явилась на свѣтъ въ 1894 году. Это: «*Исторія и памятники византійской эмали*». Задумана и выполнена была эта книга по мысли и на средства А. В. Звенигородскаго — всего болѣе на основаніи его изумительно превосходнаго собранія византійскихъ эмалей X и XI вѣка. Это изданіе является до крайности необычайнымъ: *во-первыхъ*, по значительности совершенно новыхъ изслѣдованій, представляемыхъ текстомъ; *во-вторыхъ*, по несравненной роскоши художественной своей внѣшности; *въ-третьихъ*, по тому обстоятельству, что, не взирая на громадныя суммы, употребленныя на его изготовленіе, свыше 120,000 рублей, оно вовсе не назначено для продажи, и всѣ 600 экземпляровъ (200 на русскомъ языкѣ, 200 на французскомъ и 200 на нѣмецкомъ) принесены въ даръ, самимъ издателемъ, библіотекамъ, музеямъ и другимъ научнымъ учрежденіямъ всей Европы, и лишь очень немногимъ отдѣльнымъ личностямъ.

Всѣ эти особенности настолько замѣчательны и исключительны, что необходимо привести главнѣйшія, сюда относящіяся подробности ихъ.

А. В. Звенигородскій.

Въ «Предисловіи» своемъ А. В. Звенигородскій говоритъ: «Изданіе мое кончено. Этимъ выполняется старинная и завѣтная моя мечта: способствовать появленію на свѣтъ такого сочиненія о византійской эмали,—этой средневѣковой отрасли одного изъ древнѣйшихъ искусствъ міра, гдѣ заключалось такъ много красоты, мастерства и разнообразнаго художественнаго и научнаго значенія. Мнѣ всегда казалось, что изслѣдованіе и изданіе созданій византійскаго искусства принадлежитъ, быть можетъ, преимущественно передъ многими другими людьми, къ задачамъ именно человѣка русскаго, то-есть того человѣка, который отъ самой ранней юности окруженъ преданіями и наслѣдіемъ Византіи, который по самымъ историческимъ судьбамъ своего отечества способенъ сочувствовать, особенно сильно, высокимъ художественнымъ и истинно творческимъ сторонамъ византійства, обходя стороны неудовлетворительныя, грубыя, окостенѣлыя и мало художественныя, который, наконецъ, по самому рожденію своему въ средѣ нашего отечества, не можетъ не чувствовать во всей силѣ древнюю коренную связь нашего искусства съ Востокомъ и Византіей».

Проникнутый такою мыслью, А. В. Звенигородскій еще въ началѣ 80-хъ годовъ оставилъ въ сторонѣ собираніе всякихъ другихъ художественныхъ коллекцій, чѣмъ онъ со страстью занимался съ самой юности, и посвятилъ себя исключительно собиранію древнихъ византійскихъ эмалей, въ настоящее время не-

обыкновенно рѣдкихъ, не жалѣя на то никакихъ средствъ. Его глубоко привлекали красота орнаментальныхъ формъ, необычайное изящество и гармонія красокъ, несравненная тонкость и нѣжность работы, наконецъ, типичность и характерность изображенныхъ здѣсь вездѣ человѣческихъ личностей; при этомъ онъ сознавалъ, вмѣстѣ съ другими лучшими знатоками, что эмальерное искусство—одно изъ древнѣйшихъ, любимѣйшихъ, художественнѣйшихъ и значительнѣйшихъ искусствъ человѣчества, сквозь всю его исторію, начиная со временъ сѣдой древности. Поэтому, онъ предпринялъ нѣсколько путешествій, спеціально съ цѣлью увидѣть на самыхъ мѣстахъ, въ разныхъ европейскихъ музеяхъ, потомъ у насъ на Кавказѣ въ различныхъ монастыряхъ и церквахъ, наконецъ, въ Константинополѣ—сохранившіяся до нашего времени роскошныя и высоко-интересныя византійскія эмали; гдѣ къ тому представлялся случай, онъ пріобрѣталъ для самого себя все самое замѣчательное, что̀ только въ этомъ родѣ представлялось. Въ числѣ многихъ рѣдкостей, А. В. Звенигородскому удалось купить, въ разное время, на Кавказѣ, 11 круглыхъ медальоновъ, съ изображеніями Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи и нѣсколькихъ апостоловъ и святыхъ, необычайной драгоцѣнности, но которые оказались впослѣдствіи выломленными, неизвѣстнымъ грабителемъ, съ оклада образа архангела Гавріила, въ Джуматскомъ монастырѣ, въ Грузіи (Табл. IV, № 10). Къ серединѣ 80-хъ годовъ собираніе коллекціи было закончено, и скоро она получила во всей учено-художественной Европѣ великую знаменитость, какъ *первая* по красотѣ и значительности коллекція визан-

тійскихъ эмалей. Эта знаменитость особенно усилилась съ 1884 года, когда коллекція была выставлена въ Ахенѣ. Многіе изъ лучшихъ германскихъ ученыхъ тогда же напечатали о ней статьи и изслѣдованія.

Скоро вслѣдъ за тѣмъ, А. В. Звенигородскій, уступая совѣтамъ этихъ ученыхъ и настояніямъ нѣкоторыхъ друзей своихъ, рѣшился издать свое драгоцѣнное собраніе, и присоединить къ рисункамъ такой текстъ, который объяснилъ бы рисунки эти, но также представилъ бы полную исторію византійской эмали.

Такого собранія въ Европѣ до сихъ поръ еще не было: точно также, и такого изданія въ Европѣ до сихъ поръ еще не было.

Легко понять, что какъ содержаніе книги, такъ и внѣшнее ея проявленіе не могли не выйти въ высшей степени замѣчательными, коль скоро, для совершенства ихъ, издатель принялъ всѣ мѣры, какія только можно было въ настоящую минуту принять, и приложилъ такую массу заботы и старанія, какія лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ на свѣтѣ бываютъ прилагаемы къ изданію книги.

Планъ книги.

«Въ 1886 году,—говоритъ въ «Предисловіи» А. В. Звенигородскій,—я обратился къ профессору Н. П. Кондакову съ просьбой взять на себя трудъ написать для моего изданія текстъ. Громкая извѣстность проф. Кондакова, какъ одного изъ первыхъ знатоковъ византійскаго искусства [1]), всего болѣе условливала мой выборъ, и я могъ вполнѣ надѣяться, что авторъ, про-

[1]) Какъ будетъ указано ниже, многіе европейскіе ученые считаютъ проф. Кондакова рѣшительно *первымъ*, въ настоящее время, знатокомъ византійскаго искусства и его памятниковъ. *В. С.*

славленный въ Европѣ капитальными сочиненіями по части византійской живописи и архитектуры, создастъ нѣчто глубоко основательное и своеобразное также и

Н. П. Кондаковъ. по части византійской эмали. Проф. Кондаковъ принялъ это предложеніе, и, занявшись всестороннимъ изученіемъ эмалеваго дѣла, совершилъ, по моей просьбѣ, два спеціальныхъ путешествія: одно по Европѣ, другое по Кавказу, съ цѣлью видѣть и узнать собственными глазами все, что́ только до сихъ поръ уцѣлѣло изъ неисчислимыхъ, во время оно, сокровищъ византійскаго эмалеваго производства. Ученые Европы, конечно, по достоинству оцѣнятъ новый трудъ профессора Кондакова; мнѣ же кажется, несомнѣнно для всякаго, слѣдившаго за тѣмъ, что́ до сихъ поръ писано о византійскомъ искусствѣ, что ни въ одной европейской книгѣ памятники византійской эмали не были еще обозрѣны и изучены въ такой полнотѣ, и нигдѣ не являлись въ такой поразительной массѣ, какъ въ настоящемъ трудѣ».

Текстъ книги. Выполняя предложенную ему задачу, проф. Кондаковъ изучилъ и изложилъ въ своемъ текстѣ, въ видѣ вступленія, все, что́ только въ настоящее время возможно знать историческаго, фактическаго и техническаго объ эмаляхъ египетскихъ, древне-азіатскихъ, древне-греческихъ, затѣмъ средне-вѣковыхъ (у народовъ происхожденія азіатскаго), наконецъ объ эмаляхъ византійскихъ, грузинскихъ и русскихъ. При этомъ, профессоръ Кондаковъ представилъ въ своемъ сочиненіи, вмѣстѣ со своими объясненіями, образцы такихъ эмалей, которыхъ до настоящаго времени не только никто не видалъ, но о которыхъ даже никто ничего и не слыхалъ въ Европѣ: это эмали средне-азіатскія

изъ Монголіи (провинція Ордосъ), первое извѣстіе о которыхъ, вмѣстѣ съ рисунками, впервые вывезено въ Европу извѣстною нашею путешественницей по Востоку, А. В. Потаниной.

Въ этихъ главахъ авторъ посвятилъ не мало мѣста разсмотрѣнію вопроса о первоначальной родинѣ эмали. Въ настоящее время, не взирая на неполноту свѣдѣній объ эмаляхъ въ Западной Европѣ, тамъ существуютъ *два* мнѣнія объ этомъ происхожденіи: одно—мнѣніе большинства французскихъ ученыхъ (кромѣ одного Линаса), приписывающихъ эмалямъ происхожденіе древне-персидкое, другое — мнѣніе англійскихъ ученыхъ (и вмѣстѣ съ ними француза Линаса), указывающихъ на туранскія или древне-тюркскія племена, какъ на тѣ, среди которыхъ возникло первоначальное эмалевое производство. Проф. Кондаковъ хотя и имѣлъ въ виду эмали средне-азіатскія, и съ ними вмѣстѣ—появляющіяся теперь впервые на научной аренѣ эмали монгольскія, но все-таки примыкаетъ къ мнѣнію большинства французскихъ ученыхъ, и считаетъ родиной эмалей — древнюю Персію. Что касается до эмалей собственно византійскихъ, то проф. Кондаковъ подробно изучалъ все, что̀ о нихъ говорятъ историческіе источники, и далъ богатую картину употребленія этихъ эмалей въ Византіи для цѣлей религіозныхъ и церковныхъ, государственныхъ и царскихъ, наконецъ, обще-бытовыхъ и частно-домашнихъ. Разсматривая же самые памятники эмали, существующіе еще и понынѣ, проф. Кондаковъ подвергаетъ ихъ строжайшей и остроумнѣйшей критикѣ, и доказываетъ принадлежность многихъ изъ числа ихъ, даже самыхъ знаменитѣйшихъ, совершенно дру-

гимъ столѣтіямъ, чѣмъ до сихъ поръ было принято большинствомъ европейскихъ ученыхъ: столѣтіямъ, несравненно болѣе позднимъ.

Послѣ очень богатаго содержаніемъ вступленія, проф. Кондаковъ обращается къ описанію эмалей, собственно изъ коллекціи Звенигородскаго, и даетъ цѣлыя монографіи о византійскихъ изображеніяхъ Христа, Богоматери, апостоловъ, евангелистовъ и многихъ святыхъ, а также о разныхъ родахъ орнаментистки, употребляемой на византійскихъ эмаляхъ. Послѣдняя глава трактуетъ объ эмаляхъ, возникшихъ уже прямо на почвѣ древней Россіи и Грузіи. Здѣсь авторъ тоже совершенно самостоятельно разсматриваетъ новый матеріалъ, до него нетронутый никѣмъ другимъ, и опять пишетъ цѣлыя монографіи о вопросахъ новыхъ, напримѣръ, о значеніи волшебной птицы «Сиринъ» въ древней Руси.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе сочиненія проф. Кондакова. Что оно есть созданіе совершенно самостоятельное, оригинальное и важное, являющееся новымъ словомъ въ европейской наукѣ, то́ было тотчасъ же признано ученой Европой, какъ мы увидимъ ниже. Значитъ, цѣль А. В. Звенигородскаго была вполнѣ достигнута и мечта его молодости осуществилась вполнѣ.

Ропетъ. Что же касается художественной стороны изданія, то и здѣсь А. В. Звенигородскій поступилъ такъ, что его цѣль не могла не осуществиться самымъ блестящимъ образомъ. «Въ то время, когда уже всѣ работы по изданію были въ полномъ ходу, я имѣлъ случай узнать, въ Петербургѣ, многія орнаментальныя композиціи архитектора Ив. Павл. Ропета, и, пора-

женный ихъ талантливостью и необыкновенною способностью ихъ автора къ своеобразнымъ созданіямъ въ стилѣ византійскомъ, русскомъ и восточномъ, я предложилъ ему взять на себя всѣ самостоятельныя работы по моему изданію».

Этимъ художникомъ сочинены слѣдующія части изданія:

Посвятительный листъ.

а) Посвятительный листъ Императору Александру III. На этомъ листѣ имя Государя составлено изъ драгоцѣнныхъ камней, съ бриллiантами въ центрѣ. Надъ посвященіемъ расширяется балдахинъ или куполъ, весь изъ византійскихъ эмалей, съ золотой державой вверху, и съ черными орлами по скатамъ фронтона. Фонъ листа составленъ изъ серебряной филиграни, а вся окружность листа — изъ жемчужной нити съ драгоцѣнными камнями. Надо замѣтить, что поле серебряной филиграни отпечатано большими листами алюминія, нарочно заказанными, и такой значительной величины, какой въ обыкновенной продажѣ не существуетъ (Табл. II, № 2).

Заглавные листы.

б) Большой заглавный листъ, представляющій собою видъ византійскаго портика, на рѣзныхъ орнаментальныхъ колонкахъ. Вверху вставлены, среди роскошной орнаментистики, три круглыхъ образка *Деисуса* (грудныя изображенія Христа, Богоматери и Іоанна Богослова), изъ коллекціи А. В. Звенигородскаго; ниже, посрединѣ, эмалевый крестъ изъ патріаршей ризницы, въ Москвѣ; въ нижнемъ ярусѣ, эмалевая Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ и двумя ангелами позади ея трона—изъ коллекціи И. П. Балашева; по сторонамъ, эмалевыя изображенія, во весь ростъ: св. Димитрій и св. Георгій (первый изъ кол-

лекціи И. П. Балашева, второй по эмалевому грудному медальону изъ коллекціи А. В. Звенигородскаго). Въ самомъ низу, подъ обѣими колонками, изображенъ крестъ, находящійся въ музеѣ Штиглицевской школы рисованія — изъ прежняго собранія А. В. Звенигородскаго (Табл. III, № 2).

в) Малый заглавный листъ, въ стилѣ заставокъ и заглавій въ византійскихъ древнихъ рукописяхъ X и XI вѣка; онъ отпечатанъ весь карминомъ (Табл. II, № 3).

Виньетки. г) Орнаментальныя виньетки (culs-de-lampe), служащія заключеніемъ для каждой главы текста.

Переплетъ. д) Переплетъ книги. На передней доскѣ главное мѣсто занимаетъ изящный «вѣнчикъ», изъ эмалей по золотому фону: подлинникъ его находится въ собраніи Звенигородскаго; вездѣ вокругъ, кверху и книзу отъ заглавія книги, роскошная византійская орнаментація (Табл. II, № 1). На задней доскѣ переплета, среди византійскаго медальона, гербъ фамиліи Звенигородскихъ, съ византійско-грузинскимъ орнаментомъ повсюду вокругъ (Табл. IV, № 2). На корешкѣ переплета, посрединѣ, три византійскія арочки съ монограммой А. В. Звенигородскаго внутри; кверху и книзу, въ нѣсколькихъ горизонтальныхъ полосахъ, разнообразная византійская орнаментація (Табл. II, № 4). Весь переплетъ отпечатанъ, по бѣлому шагрену, золотомъ, съ черными фонами. Толщина досокъ переплета наполнена византійско-русскимъ орнаментомъ, взятымъ изъ числа рисунковъ евангелія XV вѣка, принадлежащаго Звенигородскому монастырю, въ Московской губерніи. Обрѣзъ книги состоитъ изъ византійскихъ узоровъ, выполненныхъ золотомъ и въ

красках, по красному фону: при этомъ замѣтимъ, что для работы этого обрѣза, только однѣ золотые контуры печатаны штемпелемъ, всѣ же разнообразныя краски наложены, на каждомъ экземплярѣ, кистью отъ руки (Табл. III, № 6).

е) Двѣ шелковыя матеріи въ византійскомъ стилѣ, употребленныя въ корешкѣ переплета. Одна изъ нихъ, изъ золотыхъ полосокъ вкось, затканныхъ внутри краснымъ и синимъ шелкомъ (Табл. III, № 5); другая изъ бѣлыхъ колечекъ, съ цвѣточкомъ внутри, по ярко-голубому шелковому фону, и съ разноцвѣтными драгоцѣнными камешками, вытканными изъ шелка въ промежуткахъ между колечками (Табл. III, № 4). *Шелковыя матеріи.*

ж) Закладка въ книгу при чтеніи, въ формѣ широкой ленты, вытканной изъ разноцвѣтнаго шелка и золотыхъ и серебряныхъ нитей. На ней, среди орнаментовъ, вытканъ красными буквами по золотому фону (по византійскому обычаю), текстъ, въ настоящемъ случаѣ стихъ изъ трагедіи Еврипида «Эрехѳей»: «Разверни эти говорящіе листы, прославляющіе мудрыхъ». Эта закладка прикрѣплена къ книгѣ тонкими золотыми шнурочками (Табл. II, № 6). *Закладка.*

з) Шелковая толстая обложка, назначенная быть защитой для изящнаго и полнаго тонкихъ выпуклыхъ деталей переплета, съ именемъ и фамиліей А. В. Звенигородскаго, вытканными краснымъ шелкомъ въ среднемъ ромбѣ (Табл. III, № 3). *Обложка.*

Рисунки подъ буквами: а) б) в) и г), а равно и всѣ прочія хромолитографическія таблицы, числомъ 28, приложенныя къ книгѣ и воспроизводящія, главнымъ образомъ, эмали коллекціи А. В. Звенигородскаго, выполнены въ краскахъ, съ золотомъ и серебромъ, въ

знаменитомъ литографическомъ заведенiи Августа Остеррита, во Франкфуртѣ на-Майнѣ. Переплетъ книги исполненъ не менѣе знаменитою фирмою гг. Гюбель и Денкъ, въ Лейпцигѣ. Издателю пришлось прибѣгнуть къ этимъ двумъ нѣмецкимъ фирмамъ, во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ, потому что никакiя русскiя фирмы, въ томъ числѣ самыя значительныя, не были бы въ состоянiи выполнить со всею тою тонкостью, необыкновенною аккуратностью и поразительнымъ изяществомъ, которыя тутъ непремѣнно требовались, тѣ работы, которыя были въ виду у художника.

Остерритъ, Гюбель и Денкъ.

Шелковыя работы подъ буквами: е) ж) и з) выполнены на фабрикѣ А. Г. и В. Г. Сапожниковыхъ, въ Москвѣ. Эта знаменитая фабрика, по общему признанiю, одна въ цѣлой Европѣ была способна исполнить съ необычайнымъ изяществомъ и глубокимъ совершенствомъ очень трудныя, для тканья, работы въ византiйскомъ стилѣ, подобныя тѣмъ, которыя съ IX и X вѣка были всегда передъ глазами у русскихъ, и еще со времени среднихъ вѣковъ воспроизводились русскими мастерами.

Сапожниковы.

По признанiю лучшихъ знатоковъ Европы, гг. Остерритъ, Гюбель и Сапожниковъ произвели, для изданiя А. В. Звенигородскаго, такiе chefs d'oeuvre'ы мастерства и красоты, которые не превзойдены никакими другими созданiями подобнаго же рода, прежнихъ и новыхъ временъ.

Въ русскомъ изданiи, заглавiе и краткое содержанiе каждой главы помѣщаются внутри византiйскихъ цвѣтныхъ рамокъ, и отпечатаны золотомъ въ мастерскихъ Экспедицiи Заготовленiя Государственныхъ Бумагъ, въ С.-Петербургѣ.

Экспед. Заготовл. Госуд. бумагъ.

Необходимо замѣтить здѣсь, что все, что̀ въ настоящемъ изданіи отпечатано золотомъ, отпечатано не фальшивымъ золотомъ (бронзовымъ порошкомъ), ка̀къ это ныньче, обыкновенно, дѣлается, а настоящимъ червоннымъ золотомъ въ листахъ.

Червонное золото.

Нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ византійскихъ эмалевыхъ работъ воспроизведены въ текстѣ, посредствомъ гравюры на деревѣ, лучшимъ и талантливѣйшимъ изъ русскихъ граверовъ, В. В. Маттэ, и нѣкоторыми другими замѣчательными его товарищами, гг. Творожниковымъ, Шмидтомъ и Кононовымъ. Первому принадлежатъ: Хохульская икона Богоматери въ Гелатскомъ монастырѣ на Кавказѣ (Табл. IV, № 12), переплетъ изъ библіотеки дожей въ Венеціи, окладъ евангелія изъ ризницы собора св. Марка въ Венеціи (Табл. IV, № 11) и Лимбургскій кіотъ (Табл. IV, № 13).

Маттэ, Творожниковъ, Шмидтъ и Кононовъ.

Русскій текстъ печатанъ въ С.-Петербургѣ, въ типографіи М. М Стасюлевича, особо отлитымъ для того шрифтомъ; французскій и нѣмецкій (по переводамъ, первый — Фл. Травинскаго, въ Парижѣ, второй—Эд. Бор. Кречмана, въ С.-Петербургѣ) печатаны во Франкфуртѣ на-Майнѣ, въ типографіи Авг. Остеррита.

Тип. Стасюлевича и Остеррита.

Травинскій и Кречманъ.

Превосходнѣйшая бумага для всѣхъ трехъ изданій отлита, по особому заказу самого издателя, на фабрикѣ страсбургской фирмы: «Neue Papiermanufactur in Strassburg».

Работы по изданію продолжались съ 1882 по 1894 г. Это былъ срокъ продолжительный, но неизбѣжный: онъ былъ условленъ необходимостью разложить на нѣсколько лѣтъ значительныя издержки, а равно и медленностью иныхъ, слишкомъ сложныхъ, работъ.

иногда требовавшихъ большихъ приготовленій, пробъ и техническихъ опытовъ.

За всѣмъ надзиралъ, всѣмъ управлялъ и все направлялъ, отъ самыхъ крупныхъ частей и до послѣднихъ мелочей, самъ собственникъ эмалей, А. В. Звенигородскій.

Зато, когда всѣ эти работы, наконецъ, кончились, получилось въ результатѣ такое изданіе, которое было истинно поразительно для каждаго, начиная съ самаго строгаго ученаго и требовательнаго художника, съ утонченнымъ и изощреннымъ вкусомъ, и кончая самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, привыкшимъ только глотать готовыя пріятныя общедоступныя ягодки, не задаваясь далекими мыслями о томъ, ка́къ много труда, ума, знанія, вкуса, способностей, требуютъ эти спѣлыя ягодки. Всѣмъ оно показалось изданіемъ монументальнымъ, выходящимъ изъ ряду вонъ.

Начиная съ первыхъ же мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ книги «Исторія и памятники византійской эмали», въ 1894 году, и, вслѣдъ за тѣмъ, до настоящаго времени, А. В. Звенигородскій получилъ такую огромную массу заявленій, преимущественно со стороны разнообразнѣйшихъ научныхъ и художественныхъ учрежденій, со стороны ученыхъ и художниковъ, а также, отчасти, со стороны отдѣльныхъ лицъ, —какая не часто бываетъ удѣломъ даже наивысшихъ и совершеннѣйшихъ изданій. Симпатичные, и часто даже восторженные отзывы о книгѣ А. В. Звенигородскаго вполнѣ оправдываютъ слова одного изъ французскихъ ученыхъ, г. Эфрусси, написавшаго, что книга эта есть «*истинное художественное событіе*» (un véritable événement artistique).

Главнѣйшіе изъ этихъ отзывовъ мы приводимъ здѣсь, въ извлеченіи, въ хронологическомъ порядкѣ. Они принадлежатъ четыремъ различнымъ категоріямъ:

А. Рескрипты и письма лицъ царственнаго рода.

Б. Письма и отзывы научныхъ и художественныхъ учрежденій.

В. Печатныя статьи журналовъ и газетъ.

Г. Письма частныхъ лицъ.

АВСТРІЯ.

Товарищъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Вельзерсгеймъ, письмомъ отъ 13-го сентября (н. ст.) 1894-го года, изъ Вѣны, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Величество Императоръ Австрійскій соблаговолилъ принять поднесенный ему, черезъ русскаго посла, князя Лобанова-Ростовскаго, «экземпляръ интереснаго изданія г. Звенигородскаго, и поручилъ графу Вельзерсгейму благодарить его». *Императоръ Австрійскій.*

Директоръ музея «Ferdinandeum» въ Иннсбрукѣ, профессоръ фонъ-Визеръ, въ письмѣ отъ 11-го октября 1894-го года, изъ Иннсбрука, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе—безспорно самое совершенное сочиненіе по исторіи византійской эмали, и, вмѣстѣ, самое художественное и роскошное изданіе новаго времени. Мы считаемъ себя счастливыми, что, благодаря щедрости вашей, мы обладаемъ въ нашей библіотекѣ такимъ высокозначительнымъ изданіемъ и библіографической рѣдкостью. Книга эта тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что въ коллекціяхъ нашего музея *Музей Ferdinandeum.*

находится нѣсколько замѣчательнѣйшихъ памятниковъ эмальной техники. Мнѣ поручено выразить вамъ, отъ лица управленія музея, самую горячую и глубокую благодарность за этотъ дорогой подарокъ».

Музейное Общество въ Боценѣ.

Управленіе Музейнаго общества (Museum-Verein) въ Боценѣ, въ письмѣ отъ 16-го октября (н. ст.) 1894 года, изъ Боцена, говорило А. В. Звенигородскому: «Хотя мы уже выразили вамъ, въ телеграммѣ, нашу всепокорнѣйшую благодарность за вашъ высокорадостный подарокъ, но теперь мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ также и письменно не выразить вамъ горячую нашу признательность за ваше столько-же интересное, какъ и драгоцѣнное изданіе».

Вѣнская Императорская библіотека.

Директоръ Вѣнской императорской библіотеки, профессоръ докторъ В. фонъ-Гартель, въ письмѣ отъ 20-го октября 1894-го года (н. ст.), изъ Вѣны, писалъ А. В. Звенигородскому: «Уже и всякая вообще работа профессора Кондакова была бы драгоцѣнна сама по себѣ, но наша радость увеличивается еще болѣе тамъ, гдѣ такая работа посвящена, какъ въ настоящемъ случаѣ, предметамъ того художественнаго періода, который все болѣе и болѣе выдвигается на передній планъ всякаго изслѣдованія средневѣковаго искусства. Но когда подобная работа посвящена такой коллекціи, которая признана всѣми одною изъ важнѣйшихъ въ своемъ родѣ, да сверхъ того является въ такомъ убранствѣ, какое вы дали своему изданію, то здѣсь соединяется въ вашей книгѣ все, что̀ даетъ ей несравненное значеніе среди всѣхъ остальныхъ».

Управленіе Музея «Carolino-Augusteum» въ Зальцбургѣ, въ письмѣ отъ 28-го октября (н. ст.) 1894, изъ Зальцбурга, говорило А. В. Звенигородскому: «Нашъ музеумъ былъ пораженъ, получивъ въ подарокъ изданіе, которое, какъ внѣшностью своею, такъ и содержаніемъ, превосходитъ все, что̀ до сихъ поръ появлялось на свѣтѣ въ этомъ родѣ. Съ одной стороны, настоящее сочиненіе содержитъ лучшія и обширнѣйшія свѣдѣнія объ исторіи и памятникахъ византійской эмали, и потому составляетъ эпоху для этой отрасли археологіи; съ другой-же, техническое выполненіе переплета и еще болѣе художественная передача представленныхъ въ книгѣ предметовъ, а равно превосходное выполненіе великолѣпныхъ листовъ и приложеній, самыхъ рѣдчайшихъ—соединяютъ въ себѣ все, что̀ только можетъ украсить книгу. Эта исторія эмали является блистательнѣйшимъ доказательствомъ вашего высокаго научнаго смысла, а также тонкаго художественнаго вкуса такого собирателя и такого патріота, который стоитъ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, и который, употребивъ въ дѣло великія денежныя средства и значительныя художественныя силы, осчастливилъ весь образованный міръ результатами своихъ изслѣдованій и знакомствомъ со своими собраніями... Превосходная эта книга будетъ сначала показана нѣкоторымъ выдающимся учрежденіямъ нашего города, съ соблюденіемъ всевозможной осторожности, а потомъ будетъ навѣки тщательно храниться въ музеѣ, на память о милостивомъ дарителѣ и жертвователѣ». *Музей Carolino-Augusteum.*

Директоръ Австрійскаго музея для искусства и промышленности (Oesterreichisches Museum für Kunst und *Австр. музей иск. и пром. въ Вѣнѣ.*

Industrie), докторъ Бухеръ, въ письмѣ отъ 8-го ноября (н. ст.) 1894-го года, изъ Вѣны, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Научнаго изданія съ такимъ солиднымъ великолѣпіемъ и съ такою глубокою стильностью, еще не бывало на свѣтѣ, сколько мнѣ извѣстно»...

Моравскій худож.-пром. Музей.

Губернаторъ Моравіи и Президентъ Моравскаго художественно-промышленнаго Музея въ Брюннѣ, А. Спенсъ-де-Боденъ, въ письмѣ отъ 12 февраля (н. ст.) 1895 года, изъ Брюнна, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Своимъ великолѣпнымъ изданіемъ вы блистательно обогатили нашъ музей, и мы приносимъ вамъ за то горячую нашу благодарность. Ваша книга, возбуждающая всеобщее изумленіе, будетъ украшеніемъ нашего учрежденія».

Австр. собраніе медалей и антиковъ.

Директоръ Императорскихъ австрійскихъ собраній медалей и антиковъ, докторъ Фридрихъ Кеннеръ, въ письмѣ отъ 11-го декабря (н. ст.) 1895 года, изъ Вѣны, писалъ А. В. Звенигородскому: «Отъ имени библіотеки означеннаго учрежденія имѣю честь выразить вамъ благодарность за принесеніе намъ въ даръ вашей драгоцѣнной книги, которая не только по великолѣпію своей внѣшности останется памятникомъ вашего имени, но также и по содержанію своему назначена могущественно содѣйствовать археологическимъ изслѣдованіямъ».

Kwartalnik historyczny.

Профессоръ Краковскаго университета, Леонардъ Лепшій, въ статьѣ, напечатанной въ краковскомъ журналѣ «Kwartalnik historyczny», 1895, 3-я книга,

отзывался съ большимъ сочувствіемъ объ изданіи А. В. Звенигородскаго, и говорилъ, что его собраніе византійскихъ эмалей имѣетъ «славу европейскую», а для изданія ихъ въ свѣтъ онъ «не пожалѣлъ ни времени ни тратъ, только бы книга эта соотвѣтствовала всѣмъ самымъ прихотливымъ требованіямъ.

Вначалѣ, профессоръ Лепшій подробно излагаетъ исторію происхожденія книги, и сообщаетъ обзоръ содержанія ея текста—исторію эмали у народовъ древняго Востока и новой Европы, *впервые* являющуюся во всей ея полнотѣ. Но при этомъ онъ представлялъ нѣсколько собственныхъ своихъ соображеній на счетъ существованія эмали въ Россіи и Польшѣ. Онъ говорилъ: «Намъ кажется, однако, что авторъ текста, профессоръ Кондаковъ, раскрывая передъ глазами читателя великолѣпные византійско-русскіе памятники, не достаточно ясно опредѣлилъ историческое поле ихъ. По нашему мнѣнію, исторія Россіи, а въ особенности въ ея отношеніи къ Византіи, чему эти памятники обязаны своимъ особеннымъ характеромъ, должна была бы быть связана съ художественными памятниками и выдвинута впередъ». Къ сожалѣнію, профессоръ Лепшій не указалъ ближе и подробнѣе, въ чемъ именно состояло это его требованіе.

Въ отношеніи собственно Польши, проф. Лепшій говоритъ: «Вліяніе византійско-русской культуры на сосѣднюю Польшу было, неоспоримо, очень значительное. Достаточно вспомнить, что со времени водворенія, въ Кіевѣ, вліянія польскихъ властителей, каковы были Болеславъ Храбрый, или Смѣлый, несмѣтныя богатства вывозились оттуда, ча́стью въ видѣ податей, въ Польшу. Множество королевъ польскихъ, со вре-

менъ Болеслава Храбраго, водворяли въ польскомъ дворѣ обычаи восточной цивилизаціи. Покровительство всему русскому, со стороны польскихъ королей, продолжалось въ Польшѣ до времени вступленія на престолъ Сигизмунда I. Наконецъ, включеніе многихъ областей русскихъ въ союзъ польскихъ владѣній вовсе не имѣло слѣдствіемъ подчиненіе ихъ вліянію западной культуры, но наоборотъ, особенно въ началѣ основанія польскаго владычества, общественный строй, издавна сложившійся въ этихъ мѣстностяхъ по образцу византійскому во всей полнотѣ своей, долженъ былъ воздѣйствовать на развитіе польской культуры. Поэтому, для насъ, поляковъ, памятники византійской художественной культуры (куда относится и эмаль) представляютъ особенный интересъ».

Что̀ касается слова «колтъ», обозначающаго особенную разновидность древнихъ русскихъ серёгъ, профессоръ Кондаковъ, опираясь на русскую лингвистику, и въ особенности на указанія извѣстнаго слависта, академика Ягича, представилъ цѣлый рядъ филологическихъ производствъ и соображеній. Профессоръ Лепшій замѣчаетъ: «Кажется, если бы почтенный авторъ обратился съ этимъ вопросомъ къ одному изъ польскихъ лингвистовъ, онъ усовершенствовалъ бы свой матеріалъ и пришелъ бы къ новымъ заключеніямъ. Русское слово «колодка» одинаково по произношенію съ польскимъ «клотка» или «клодка» (по-русски «висячій замокъ»). Этимологически оно должно быть производимо отъ слова «клода». Но этотъ типъ русскихъ колецъ, о которыхъ мнѣнія расходятся, имѣетъ точное сходство съ висячимъ замкомъ: изъ этого выходитъ, что синони-

момъ явилось названіе серёжныхъ колецъ «колтами», «клотками», «клодками», по ихъ сходству съ «висячимъ замкомъ».

Наконецъ, относительно знаменитой Венгерской короны съ византійскими эмалями, профессоръ Лепшій указываетъ на то, что, по свидѣтельству польскаго историка Длугоша, приведенному въ изданіи А. Бѣловскаго: «Monumenta Poloniae», томъ I, стр. 263, корона эта устроена была папою Сильвестромъ II, первоначально не для венгерскаго короля, а для польскаго князя Мечислава, брата польскаго короля Болеслава Храбраго. Но когда папа узналъ, что князь Мечиславъ умеръ (въ 999 году), то онъ послалъ эту корону, въ слѣдующемъ 1000 году, венгерскому королю Стефану, который уже давно прежде просилъ папу о присылкѣ ему короны. И этотъ историческій фактъ вполнѣ подтверждается самою формою «Венгерской короны», которая, какъ вполнѣ основательно доказалъ самъ профессоръ Кондаковъ, есть корона не «императорская» (stemma), а «кесарская», или «княжеская, патриціанская» (stefanos).

Въ заключеніе, профессоръ Лепшій воздалъ великія похвалы профессору Кондакову за то, что «благодаря своему глубокому знанію стиля и иконографіи византійскихъ, онъ имѣлъ возможность опредѣлить значеніе многихъ первостатейныхъ памятниковъ и опровергнуть ложныя утвержденія многихъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ ученыхъ. Его книга — истинный походъ, критически-научный, въ пользу средневѣковыхъ памятниковъ; она очистила атмосферу отъ разныхъ гипотезъ и фальшивыхъ взглядовъ. И если, среди могучихъ ударовъ логики попа-

даются у него иногда мысли и слова, способныя раздражать его товарищей по наукѣ на Западѣ, это должно быть отпущено русскому ученому, потому что трудъ его былъ тяжелъ и результатъ его богатъ,—и мы съ полнымъ сознаніемъ желали бы написать на его книгѣ слова съ эмальной оправы книги императора Генриха II:

«Grammata qui Sophie quaerit cognoscere vere.

Hoc mathesis plene quadratum gaudet habere» (Кто пожелаетъ заподлинно узнать словеса мудрости, пусть радуется обладанію этой громадной массы знанія)».

I. Стржиговскій. Профессоръ исторіи и искусства Грацскаго университета, Стржиговскій, въ письмѣ отъ 25 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Граца, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваша книга есть произведеніе монументальное. Она лежитъ въ моей скромной библіотекѣ словно алмазъ среди булыжниковъ, и возбуждаетъ изумленіе всѣхъ моихъ посѣтителей... Глубоко благодарю васъ за эту неоцѣненную книгу, которую я часто буду поминать въ моихъ работахъ»...

В. А. Нейманъ. Профессоръ исторіи искусства въ Вѣнскомъ университетѣ, докторъ В. А. Нейманъ, въ письмѣ отъ 31 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Вѣны, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Переплетъ вашей книги—истинно царскій; онъ богатъ, полонъ стиля, и сразу указываетъ на содержаніе. Второй предметъ моего изумленія — рисунки, столь точные и изящные, что подобныхъ я могъ ожидать, въ печати, только въ вашемъ изданіи, такъ какъ вы уже однажды дока-

зали, какими вы владѣете художественными силами для воспроизведенія золотыхъ эмалей. Въ-третьихъ, я былъ пораженъ именемъ Кондакова на заглавіи, и богатствомъ содержанія, а равно солидностью текста. Извините меня за то, что я, едва поверхностно просмотрѣвъ вашу книгу, рѣшился послать вамъ, въ отвѣтъ, и свою книгу [1]); но это потому, что много и постоянно занимавшись изученіями Востока, и много и часто совершавши путешествій на Востокъ, я сталъ и мыслить по-восточному, и никакъ не могу представить себѣ, чтобъ можно было оставить такой драгоцѣнный подарокъ, какъ вашъ, безъ отвѣта; во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось показать вамъ, что именно *мнѣ*, столько занимавшемуся византійскою эмалью, ваша книга особенно драгоцѣнна; наконецъ, въ-третьихъ, мнѣ хотѣлось указать вамъ на ту часть моей книги, которая трактуетъ о византійскомъ крестѣ въ Веллетри и его подражаніи въ «Welfenschatz» (въ Мюнхенѣ), а также о воспроизведеніи византійской перегородчатой эмали въ Германіи посредствомъ выемчатой эмали (champlevé). Мое сочиненіе напечатано всего въ 300 экземплярахъ, и въ продажѣ находится очень малое ихъ количество. Издержки принялъ на себя Его Высочество герцогъ Эрнстъ-Августъ Кумберландскій. Коллекція очень древняя, но по значенію далеко уступаетъ вашей, и наше скромное сочиненіе не имѣетъ ни малѣйшей претензіи состязаться съ Кондаковскимъ».

---

[1]) «Der Welfenschatz».

Фальке.

Писатель объ искусствѣ, профессоръ И. Фальке, въ письмѣ отъ 18 ноября 1894 года (н. ст.), изъ Тріеста, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Хотя я и очень близко знакомъ съ иллюстрированной литературой культурныхъ странъ, но не знаю ни одного сочиненія, которое равнялось бы вашему по мастерству и совершенству внѣшняго убранства; всѣмъ этимъ книга ваша совершенно замѣняетъ изученіе подлинныхъ оригиналовъ. Въ отношеніи типографскомъ, художественномъ, въ отношеніи содержанія, оно — изумительно во всѣхъ отношеніяхъ. Точно также, оно заслуживаетъ всѣхъ благодарностей того, кто занимается изученіемъ средневѣковаго искусства»...

Князь Лихтенштейнъ.

Австро-венгерскій посолъ при русскомъ дворѣ, князь Францъ Лихтенштейнъ, въ письмѣ отъ 18/30 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Если графъ Г. С. Строгоновъ сказалъ вамъ только сущую правду, говоря о томъ, какъ я интересуюсь вопросами художества и археологіи, то вы можете судить о радости, доставленной мнѣ вами присылкою экземпляра вашей книги, этого чуда знанія, искусства и вкуса, и о моей признательности вамъ».

Каницъ.

Архитекторъ и археологъ Ф. Каницъ, въ письмѣ отъ 17 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ Вѣны, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Мое удивленіе вашимъ жертвоприношеніямъ на пользу археологической наукѣ—безпредѣльно. Уже независимо отъ текста, написаннаго съ глубочайшимъ знаніемъ дѣла, меня на-

полняетъ глубочайшимъ изумленіемъ ваше собственное собраніе рѣдчайшихъ эмалей, и, не менѣе того, высокое художественное разумѣніе, проявляющееся начиная съ переплета, полнаго стиля—и кончая заглавными буквами, отъ чудно-сочиненныхъ заглавныхъ листовъ—и кончая изображеніями описываемыхъ предметовъ. Хотя я уже и прежде видѣлъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, будучи президентомъ Московскаго международнаго конгресса 1879 года, въ Кіевѣ и т. д., но только теперь мнѣ стали ясны ихъ взаимное художественное отношеніе, ихъ техника, часто указывающая на Персію—и это, когда я узналъ ваше классическое твореніе. Отсутствіе же у васъ квасного патріотизма (стр. 66, 73) дѣйствуетъ необыкновенно благотворно. Но чтò сказать про непревзойденную никѣмъ графическую технику книги? Я думаю, какъ и вы, что теперь въ Германіи снова разцвѣтетъ эмальное искусство древнихъ; а еслибы случилось, что графическое искусство пошло назадъ, то навѣрное будущіе люди будутъ стараться изслѣдовать: какъ это возможно было когда-то создавать хромолитографіи съ такимъ совершенствомъ?».

АНГЛІЯ.

Въ письмѣ отъ 7 іюля (н. ст.) 1894 года изъ Гмундена, герцогъ Кумберландскій, благодаря А. В. Звенигородскаго за экземпляръ его книги, говорилъ ему: «Уже и прежде я имѣлъ понятіе о главныхъ пунктахъ вашего воззрѣнія на византійскія земли, по предварительному изслѣдованію священника Іоганна Шульца объ эмаляхъ коллекціи Звенигородскаго [1]), но появившаяся теперь на свѣтъ роскошная книга вдвойнѣ меня интересуетъ. Прошу васъ быть увѣреннымъ, что ваше изданіе поступило въ такое владѣніе, гдѣ оно оцѣнено во всей полнотѣ и значеніи его.

Герцогъ Кумберландскій.

Въ письмѣ отъ 27 января (н. ст.) 1896 года, изъ Аѳинъ, госпожа К. Фицджеральдъ Лау говорила А. В. Звенигородскому: «Милостивый Государь, не удивляйтесь, пожалуйста, моему письму; впрочемъ, вы

Г-жа Фицджеральдъ Лау.

[1]) Der Byzantinische Zellenschmelz, von Johannes Schulz Pfarrer. Frankfurt am Main. 1890. Mit 22 Tafeln.

не будете удивляться, когда узнаете, что я видѣла вашу книгу, нѣсколько дней тому назадъ, послѣ того, что часто слышала о ней. Какъ она превосходна! Какое совершенство подробностей! Какое чудное общее! Ахъ, подарите мнѣ экземпляръ ея. Я знаю, что я могу получить его только благодаря вашей снисходительности и что я не имѣю на то никакого права, кромѣ того, что у меня въ жилахъ течетъ частица той византійской крови, которая творила тѣ чудеса, которыя вы собрали и описали, и что, я, можетъ быть, наслѣдовала нѣчто изъ страсти къ книгамъ той самой Анны Комнены, отъ которой, по преданію, я происхожу. Я имѣла возможность разсматривать вашу книгу у моихъ пріятелей Бахметевыхъ, но я уже и прежде видѣла ее мелькомъ у короля Греческаго и у госпожи Бурэ; вдовствующая императрица Германская, супруга императора Фридриха II, первая разсказывала мнѣ про нее, и много разъ, во Фридрихсгофѣ, и я имѣю удовольствіе видѣть тамъ иногда эту книгу... Ради Бога, не заставляйте меня долго мучиться ожиданіемъ. Неправда ли, если вы мнѣ даже откажете, вы все-таки напишете мнѣ? Пишу вамъ, лежа въ креслѣ, больная, и потому извините нервность моего письма и нескромность моей просьбы»...

БЕЛЬГІЯ.

Секретарь короля Бельгійскаго, баронъ Лимнандеръ, письмомъ отъ 8 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Брюсселя, сообщилъ А. В. Звенигородскому: «Его Величество король соблаговолилъ принять поднесенный ему отъ вашего имени Русскимъ посланникомъ, княземъ Л. П. Урусовымъ, экземпляръ вашего изданія. Его Величество очень восхищался этимъ столь замѣчательнымъ изданіемъ и поручилъ мнѣ передать вамъ самую искреннюю благодарность его за любезную внимательность, съ которою вы назначили одинъ экземпляръ собственно для него». *Король Бельгійскій.*

Препровождая это письмо къ А. В. Звенигородскому, Русскій посланникъ въ Брюсселѣ, князь Л. П. Урусовъ, говорилъ ему, въ своемъ письмѣ отъ 28 сентября — 10 октября 1894 года: «Съ своей стороны могу присовокупить, что, какъ мнѣ извѣстно, король дѣйствительно былъ пораженъ великолѣпіемъ изданія и интересомъ содержанія этой книги». *Кн. Урусовъ.*

Бюрле. Бельгійскій президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ и вѣроисповѣданій, I. де Бюрле́, въ письмѣ отъ 18 марта (н. ст.) 1895 года, изъ Брюсселя, говорилъ князю Л. П. Урусову: «Мой департаментъ получилъ десять экземпляровъ изданія г. Звенигородскаго, они распредѣлены между главными библіотеками нашей страны, а именно, переданы въ библіотеки: королевскую Брюссельскую, королевской Бельгійской академіи и въ четыре университетскія. По указанію вашему въ каждомъ томѣ обозначено имя дарителя. Соблаговолите, в. п., передать г. Звенигородскому, отъ имени Бельгійскаго правительства, благодарность нашу за его щедрый даръ».

Люттихск. универс. библіотека. Библіотекарь Люттихской университетской библіотеки, А. Дельмеръ, въ письмѣ отъ 22 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Люттиха, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Хотя вы уже получили выраженія благодарности болѣе значительныя, чѣмъ мои, я все-таки не могу удержаться, чтобы не высказать вамъ чувства живой нашей признательности: я говорю какъ отъ моего собственнаго имени, такъ и отъ имени любителей искусства и художниковъ, которые уже приходили и еще придутъ изумляться вашей книгой и изучать въ ней драгоцѣнные образцы византійскаго эмальнаго дѣла. Вы имъ воздвигнули памятникъ, къ красотѣ котораго нечего уже прибавить, и къ которому всѣ люди со вкусомъ и всѣ ученые отнесутся съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Поздравляя васъ, мнѣ пріятно сказать вамъ, что мы съ истиннымъ счастіемъ помѣстили этотъ драгоцѣнный бриллiантъ среди нашихъ коллекцій, гдѣ онъ займетъ почетнѣйшее мѣсто».

Редакторъ журнала «Revue de l'Art Chrétien», Юлій Гельбигъ, въ письмѣ отъ 25 января (н. ст.) 1895 года, изъ Люттиха, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я давно уже зналъ вашу изумительную коллекцію византійскихъ эмалей, по крайней мѣрѣ по репутаціи ея, а въ 1885 году, во время кратковременнаго пребыванія моего въ Ахенѣ, мнѣ удалось увидѣть нѣкоторыя замѣчательнѣйшія пьесы этого собранія, находившіяся въ то время въ рукахъ у священника Шульца, впослѣдствіи скончавшагося. Мой покойный пріятель, Шарлъ Линасъ, тоже видѣвшій ихъ тогда, воротился изъ Ахена въ неописанномъ восторгѣ. Онъ тогда же написалъ для «Revue de l'Art Chrétien» изслѣдованіе о вашемъ собраніи. Итакъ, я уже добрыхъ десять лѣтъ восхищаюсь тѣми избранными эмалями, которыя вамъ удалось такъ умѣло собрать, и вы можете вообразить себѣ испытанную мною радость, когда я увидалъ, что, благодаря удару вашей волшебной щедрой палочки, я словно сдѣлался вдругъ обладателемъ этого великолѣпнаго собранія и это при помощи рисунковъ безупречно вѣрныхъ, сопровождаемыхъ ученымъ текстомъ, дающимъ уразумѣть все достоинство оригинальныхъ предметовъ». *Гельбигъ.*

ГЕРМАНІЯ.

Императрица Викторія.

Оберъ-гофмейстеръ вдовствующей императрицы, супруги покойнаго императора Фридриха II, графъ Зеккендорфъ въ письмѣ отъ 4 іюля (н. ст.) 1894 года, изъ Берлина, писалъ А. В. Звенигородскому: «Ея Величество соблаговолила всемилостивѣйше принять изданную вами книгу и поручила мнѣ выразить вамъ ея признательность за ваше любезное вниманіе».

Принцесса Терезія Баварская.

Состоящая при Баварской принцессѣ Терезіи, баронесса Леопольдина фонъ-Шренкъ, въ письмѣ отъ 9 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Амзэ, говорила А. В. Звенигородскому: «Ея Королевское Высочество принцесса Терезія поручила мнѣ благодарить васъ за поднесенный ей экземпляръ вашего превосходнаго изданія, которое восхищаетъ ее тѣмъ болѣе, что у Ея Королевскаго Высочества особенное пристрастіе къ стариннымъ эмалямъ и древне-русскому искусству. Книга ваша со своимъ рѣдкимъ и изящнымъ убранствомъ будетъ украшеніемъ ея библіотеки».

Великій герцогъ Баденскій.

Великій герцогъ Баденскій Фридрихъ писалъ А. В. Звенигородскому, 14 октября 1894 года: «Принимая ваше драгоцѣнное и единственное въ своемъ родѣ изданіе, я считаю долгомъ высказать, что признаю его заслуживающимъ всѣхъ похвалъ, и высокозначительнымъ для искусства и художественной промышленности. Я позабочусь о томъ, чтобы оно было доступно всѣмъ разумѣющимъ искусство въ моей странѣ, и увѣренъ, что они почерпнутъ въ немъ богатое побужденіе для своей научной дѣятельности».

Король Саксонскій.

Оберъ-каммергеръ короля Саксонскаго, В. фонъ-Вацдорфъ, письмомъ отъ 27 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Дрездена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Величество король Саксонскій соблаговолилъ милостиво принять поднесенный ему экземпляръ изданія Звенигородскаго, которое въ высокой степени и сочувственно заинтересовало его, почему Его Величество поручилъ г. оберъ-каммергеру «чувствительнѣйше благодарить г. Звенигородскаго за его любезное приношеніе».

Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

Гофмаршалъ герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, князь Эгонъ Ратиборъ, письмомъ отъ 30 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Кобурга, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что его Высочество герцогъ былъ «въ высокой степени обрадованъ и столько же пораженъ богатымъ и солиднымъ содержаніемъ поднесеннаго ему экземпляра изданія г. Звенигородскаго, которое возбудило его живой интересъ».

Великій герцогъ Гессенскій.

Министръ двора великаго герцога Гессенскаго І. Фингеръ, письмомъ отъ 7 ноября (н. ст.) 1894 года,

изъ Дармштадта, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Высочество, «принимая живой интересъ въ развитіи исторіи искусства, съ большимъ удовольствіемъ принялъ поднесенный ему экземпляръ изданія г. Звенигородскаго, и потому поручилъ выразить этому послѣднему высочайшую свою благодарность».

Начальникъ частной придворной канцеляріи Великаго герцога Ольденбургскаго, Б. Рёмеръ, письмомъ отъ 10 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Ольденбурга, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Высочество гроссъ-герцогъ «съ живымъ интересомъ и сочувствіемъ отнесся къ поднесенному ему экземпляру изданія г. Звенигородскаго, какъ сочиненію въ высокой степени значительному для исторіи искусства, и къ превосходному его внѣшнему художественному выполненію». *Великій герцогъ Ольденбургскій.*

Придворный совѣтникъ князя Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, Ф. Грёббельсъ, письмомъ отъ 12 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Зигмарингена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Высочество князь Гогенцоллернскій поручилъ ему выразить «самую горячую и полную благодарность за поднесенный ему экземпляръ изданія г. Звенигородскаго; Его высочество былъ въ высокой степени восхищенъ этимъ драгоцѣннымъ приращеніемъ придворной своей библіотеки, этимъ твореніемъ, во всѣхъ отношеніяхъ являющимся феноменальнымъ (epochemachend) и стоящимъ совершенно одиноко среди художественно-научныхъ изслѣдованій». *Кн. Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій.*

Императоръ Германскій.

Начальникъ кабинета Его Величества Императора Германскаго, короля Прусскаго, д. т. с. докторъ Луканусъ, письмомъ отъ 22 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Берлина, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Величество Императоръ Германскій, получивъ черезъ русскаго посла, графа Шувалова, поднесенный ему экземпляръ изданія г. Звенигородскаго, былъ «очень восхищенъ (charmé) вниманіемъ, оказаннымъ ему любезнымъ издателемъ этого труда, замѣчательнаго по своему научному интересу, равно какъ и по красотѣ изданія, и поручилъ д-ру Луканусу высказать свою живѣйшую благодарность А. В. Звенигородскому».

Король Виртембергскій.

Начальникъ кабинета Его Величества короля Виртембергскаго, докторъ баронъ Гризингеръ, письмомъ отъ 23 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Бебенгаузена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что его Величество король «съ особеннымъ благоволеніемъ принялъ поднесенный ему экземпляръ великолѣпнаго изданія г. Звенигородскаго, въ которомъ изложены результаты многолѣтняго изслѣдованія одной изъ интереснѣйшихъ отраслей древняго искусства,—и поручилъ выразить издателю искреннѣйшую благодарность Его Величества за оказанную ему внимательность, а равно и высочайшую признательность за заслугу изданія этого труда».

Герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

Оберъ-гофмаршалъ Его Высочества принца-регента Альберта Брауншвейгскаго, О. фонъ Мюльбе, письмомъ отъ 10 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Брауншвейга, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его высочество регентъ поручилъ ему «выразить

этому послѣднему благодарность за поднесенный Его Высочеству экземпляръ изданія г. Звенигородскаго. Его Высочество остался очень доволенъ великолѣпнымъ и въ своемъ родѣ конечно единственнымъ, интереснымъ и поучительнымъ твореніемъ этимъ».

Великій герцогъ Веймарскій Карлъ-Александръ писалъ А. В. Звенигородскому 15 декабря (н. ст.) 1894 года: «Принесенный мнѣ вами въ даръ экземпляръ вашего изданія живо интересуетъ меня какъ своимъ содержаніемъ, такъ и вкусомъ его высокохудожественной внѣшности. Мнѣ пріятно удостовѣрить васъ, что вы не ошиблись, принося мнѣ въ даръ вашу книгу. Совершенно особенный интересъ, всегда мнѣ внушаемый національнымъ Русскимъ искусствомъ, напоминаетъ мнѣ ваше отечество, съ которымъ я такъ тѣсно связанъ моею кровью и сердцемъ. Благодарю васъ также за экземпляры, назначенные вами для Веймарскаго музея и для Іенскаго университета, гдѣ они будутъ предметомъ просвѣщеннѣйшаго вниманія». *Великій Герцогъ Веймарскій.*

Русскій министръ-резидентъ при дворахъ: Веймарскомъ и Саксенъ-Альтенбургскомъ, К. А. Гёльцке, письмомъ, отъ 20 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Веймара, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что «герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій имѣетъ сообща съ герцогомъ Саксенъ-Мейнингенскимъ и Кобургскимъ Эрнестинскій орденъ, и Его Высочество весьма сожалѣетъ, что не въ состояніи наградить васъ этимъ орденомъ, такъ какъ вы уже получили оный изъ Мейнингена. Герцогъ намѣревается послать вамъ свою фотографію съ подписью». *Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій.*

Князь Рудольштадтскій. Гофмаршалъ князя Рудольштадтскаго, фонъ-Клюберъ, въ письмѣ, изъ Рудольштадта, отъ 20 декабря (н. ст.) 1894 года, сообщалъ А. В. Звенигородскому, что онъ «представилъ Его Свѣтлости князю Рудольштадтскому великолѣпную книгу Звенигородскаго, и князь былъ ею очень восхищенъ, знакомился съ нею съ величайшимъ интересомъ и просилъ выразить за нее глубочайшую его благодарность».

Княгиня Видъ. Въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1895 года, изъ Нейвида-на-Рейнѣ, княгиня Марія Видъ, принцесса Нассауская, говорила А. В. Звенигородскому: «Ваше великолѣпное изданіе поразило меня до такой степени, что я право не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить. Я начала съ того, что просмотрѣла всю книгу, но какъ ни быстро это было, мнѣ достаточно стало ясно то, съ какою старательностью и любовью выполнено было это рѣдкое изданіе, и кáкъ надо смотрѣть на него, какъ на цвѣтъ долгихъ и неустанныхъ стремленій. Все истинно-прекрасное должно продѣлать медленный процессъ жизненнаго развитія; вотъ и чувствуется въ вашей книгѣ, какое глубокое изслѣдованіе, какая неутомимая работа должны были произойти, прежде чѣмъ они завершились книгой, которая не скоро въ другой разъ повторится съ такимъ же совершенствомъ содержанія и формы. Для васъ должно быть, я думаю, великой отрадой, среди тѣлесныхъ страданій, обращаться мысленнымъ взоромъ на жизнь, наполненную любовью къ дѣлу такой высокой художественной и художественно-исторической важности».

Принцъ Баденскій.

Въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому отъ 5 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ Фрейбурга, наслѣдный принцъ Баденскій Фридрихъ писалъ: «Искренно благодарю васъ за оказанную мнѣ честь поднесенія экземпляра вашего изданія. Знакомство съ этимъ высокозначительнымъ сочиненіемъ доставитъ мнѣ, конечно, много удовольствія, такъ какъ оно имѣетъ предметомъ произведенія чудной художественной эмалевой техники. Таблицы, разсмотрѣнныя мною съ особеннымъ интересомъ, превосходны, по необыкновенно-удачной передачѣ великолѣпныхъ эмальныхъ работъ».

Ахенская городская библіотека.

Библіотекарь Ахенской городской библіотеки, докторъ Фроммъ, въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому отъ 3 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Ахена, говорилъ, что отъ имени представляемаго имъ учрежденія онъ «приноситъ живѣйшую и всепокорнѣйшую благодарность»...

Фирма Престель.

Собственникъ художественной фирмы «Престель» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Фердинандъ Гюнтеръ, въ письмѣ отъ 10 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Франкфурта, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе стоитъ теперь какъ нѣчто недосягаемое. Оно въ полномъ и настоящемъ значеніи слова есть истинное *ваше* твореніе, начиная съ самаго перваго вами купленнаго, уже съ опредѣленною цѣлью, предмета, и кончая полнѣйшею духовною выработкою, посвященною какъ отдѣльнымъ произведеніямъ, такъ и самому собиранію—что́ и придало всему вмѣстѣ высшее освященіе и значеніе. Изданіе ваше останется, на вѣки,

наукѣ—на славу, художеству и художественной промышленности—на пользу, и на всѣ времена—почетнымъ памятникомъ благородному виновнику этого дѣла».

Городъ Ахенъ.

Оберъ-бургомистръ города Ахена, Пельцеръ, въ письмѣ отъ 22 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Ахена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что «собраніе гласныхъ г. Ахена» поручило ему благодарить г. Звенигородскаго за поднесенный экземпляръ рѣдкаго и важнаго изданія его».

Вюрцбургскій университетъ.

Оберъ-библіотекарь Вюрцбургской университетской библіотеки, докторъ Керлеръ, въ письмѣ отъ 4 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Вюрцбурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Въ продолженіе многихъ уже лѣтъ не поступало въ нашу библіотеку книги, подобной вашей. Она въ полномъ смыслѣ слова—изданіе великолѣпное, предлагаетъ благороднѣйшіе дары въ самомъ изящномъ уборѣ, и закрѣпляетъ за высокостремящимся меценатомъ высокое мѣсто въ исторіи византійскаго искусства».

Національный Музей въ Мюнхенѣ.

Директоръ Національнаго Музея въ Мюнхенѣ, профессоръ В. Г. Риль, въ письмѣ изъ Мюнхена отъ 4 октября (н. ст.) 1894 года, говоритъ А. В. Звенигородскому: «Ваша роскошная книга обогащаетъ нашу библіотеку, какъ своею роскошною внѣшнею обстановкой, такъ и своимъ въ высокой степени важнымъ содержаніемъ, гдѣ столько интереса представляютъ изслѣдованныя въ первый разъ отношенія между античною, доисторическою и византійскою эмалью».

Директоръ художественной школы при бенедиктинскомъ монастырѣ въ Бейронѣ, отецъ Лука Штейнеръ, въ письмѣ отъ 5 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Бейрона, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Нашъ высокопреподобный аббатъ (Erzabt) въ великомъ восхищеніи отъ художественной внѣшности вашей книги, которая, дѣйствительно, не имѣетъ себѣ равной. . Нашъ аббатъ поручаетъ мнѣ передать вамъ глубокую его благодарность, а также благодарность художниковъ, которые въ высокой степени цѣнятъ то сокровище, которое теперь поступило въ ихъ библіотеку. Мы высоко ставимъ и любимъ древнее искусство, и твердо убѣждены, что лишь разумное воспринятіе его основъ можетъ дать новую жизнь христіанскому искусству. Мы всегда радостно привѣтствуемъ каждое распространеніе нашихъ знаній и каждое новое воодушевленіе въ этой области. Мы не можемъ также не поздравить васъ съ тѣмъ, что вы посвятили такому общеполезному, благородному, почтенному предпріятію столько времени, трудовъ и матеріальныхъ средствъ. Мы всегда поминаемъ нашихъ друзей и благодѣтелей въ молитвахъ нашихъ». *Худож. школа въ Бейронѣ.*

Директоръ Королевской Бамбергской библіотеки, докторъ Ф. Лейтшу, въ письмѣ отъ 8 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Бамберга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Имѣю честь высказать вамъ, со стороны королевскаго Баварскаго правительства, выраженіе искреннѣйшей благодарности за вашъ щедрый подарокъ нашей библіотекѣ. Ваша книга, во всѣхъ отношеніяхъ, есть высокое художественное произведеніе, столько же по своему содержанію, какъ по своему *Бамбергская Корол. библіотека.*

внѣшнему убранству. Съ первой до послѣдней страницы это — несравненный великолѣпный памятникъ благороднаго одушевленія къ одной изъ интереснѣйшихъ областей византійскаго искусства, но вмѣстѣ это также драгоцѣнный памятникъ вашего великодушнаго настроенія, создавшаго нѣчто столь великолѣпное и полезное для науки, и не устающаго дѣлать соучастниками вашего собирательскаго труда всѣхъ, интересующихся вашимъ предметомъ. Наша библіотека обладаетъ всѣмъ, столько важнымъ въ художественномъ отношеніи книжнымъ наслѣдствомъ Генриха II, и отсутствіе вашей книги было бы значительнымъ пробѣломъ въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ».

Германскій музей.

Директоръ Нюрнбергскаго Германскаго Музея, Бруяльдъ, въ письмѣ отъ 11 октября (н. ст.) 1894 г. изъ Нюрнберга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Мы съ большою радостью привѣтствовали изданіе, которое своими рисунками, наврядъ ли имѣющими себѣ что-либо подобное по совершенству во всѣхъ сочиненіяхъ объ эмали, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для сравненій, и потому можетъ быть названо совершенно необходимымъ для такого учрежденія, какъ Германскій Музей».

Гейдельбергская универс. библіотека.

Директоръ Гейдельбергской университетской библіотеки, професоръ К. Цангемейстеръ, писалъ А. В. Звенигородскому 7 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Гейдельберга: «Великолѣпное ваше изданіе несомнѣнно имѣетъ великое научное значеніе, и художественная передача выставленныхъ вами предъ глазами на-

уки интересныхъ памятниковъ изъ вашего собранія заслуживаетъ великаго почтенія»...

Оберъ-бургомистръ города Майнца, докторъ Гаснеръ, въ письмѣ изъ Майнца отъ 8 ноября (н. ст.) 1894 года, писалъ А. В. Звенигородскому, что онъ отъ имени города благодаритъ этого послѣдняго за принесенный имъ въ даръ городской библіотекѣ экземпляръ его книги, которая «навѣки останется литературною драгоцѣнностью и выходящимъ изъ ряда вонъ украшеніемъ Майнцской библіотеки». *Майнцская город. библіотека.*

Въ то же время, отъ лица той библіотеки благодарилъ А. В. Звенигородскаго оберъ-библіотекарь ея, докторъ Фельке, и говорилъ ему, въ письмѣ, изъ Майнца, отъ 6 ноября (н. ст.) 1894 года, что книга его, какъ по своему научному значенію, такъ и по своей необычайной роскоши, навсегда будетъ рѣдкимъ украшеніемъ Майнцской библіотеки, и эта послѣдняя навсегда сохранитъ въ благодарномъ воспоминаніи своемъ имя ея великодушнаго создателя, какъ своего высокаго благотворителя».

Директоръ Императорской Страсбургской университетской и провинціальной библіотеки, докторъ Баракъ, въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому отъ 22 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Страсбурга, говорилъ: «Сколько я ни былъ приготовленъ извѣстіями, шедшими отъ спеціалистовъ, къ прославленному великолѣпному художественному вашему изданію, но мои ожиданія были далеко превзойдены дѣйствительностью. Изящная ваша книга будетъ вездѣ служить *Страсбургская универс. библіотека.*

украшеніемъ, какъ нѣчто самое первоклассное, столько же по блистательному своему внѣшнему убранству, какъ и по художественному выбору избранныхъ рисунковъ; своему же творцу, высоко чтимому въ художественномъ мірѣ меценату, навсегда послужитъ честью и славою».

Штутгартская техн. школа.

Директоръ высшей Штутгартской технической школы, профессоръ докторъ К. Лемке, говорилъ въ письмѣ своемъ къ А. В. Звенигородскому отъ 23 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Штутгарта. «Немногіе знаютъ лучше меня ходъ вашего изданія, создавшагося на моихъ глазахъ съ такою необыкновенною энергіей и такою необычайною щедростью. Съ самаго начала работъ, веденныхъ покойнымъ капелланомъ и священникомъ Іоганномъ Шульцемъ, я принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ этихъ работахъ, и могу теперь только отъ души радоваться, что имѣю возможность высказать благодарность высшей Штутгартской школы за окончательно выполненное, превосходное и великолѣпное изданіе, высокоуважаемому ревнителю науки, который такъ великолѣпно призываетъ и другихъ къ соревнованію».

Страсбургская универс. библіотека.

Статсъ-секретарь Эльзаса-Лотарингіи, фонъ-Путкамеръ, въ письмѣ, изъ Страсбурга, отъ 4 декабря (н. ст.) 1894 года, выражалъ А. В. Звенигородскому «чувствительнѣйшую благодарность управленія Эльзаса Лотарингіи за полученный имъ для Страсбургской университетской библіотеки экземпляръ изданія г. Звенигородскаго, въ высокой степени драгоцѣннаго и значительнаго».

Предсѣдатель Павловскаго музея въ Вормсѣ, Максъ фонъ-Хейль, въ письмѣ отъ 5 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Вормса, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Вашимъ изданіемъ, равно великолѣпнымъ и по своему содержанію и по своей внѣшности, вы создали себѣ самому и своему превосходному собранію эмалей высоко почтенный памятникъ». *Вормскій музей.*

Библіотекарь Ахенской городской библіотеки, докторъ Фроммъ, въ письмѣ отъ 22 января (н. ст.) 1895 года, изъ Ахена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваша книга есть художественное произведеніе тончайшаго вкуса и высоко-драгоцѣнное; управленіе городской библіотеки можетъ гордиться тѣмъ, что, благодаря вашей щедрости, она имѣетъ возможность хранить ваше созданіе въ томъ видѣ, который достоинъ его драгоцѣнности. Конечно, въ нынѣшнемъ помѣщеніи библіотеки пока еще невозможно отвести вашей книгѣ помѣщеніе, вполнѣ соотвѣтствующее ея высокой цѣнности, но въ новомъ зданіи библіотеки, возведеніе котораго уже рѣшено, она, конечно, займетъ совершенно исключительное мѣсто и будетъ постоянно вызывать общее изумленіе посѣтителей. Ваше имя навсегда займетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей библіотеки». *Ахенская библіотека.*

Директоръ Нюрнбергскаго художественно-промышленнаго музея, Т. фонъ-Крамеръ, въ письмѣ отъ 23 января (н. ст.) 1895 года, изъ Нюрнберга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Мы смотримъ на ваше изящное и великолѣпное изданіе сочиненія объ эмаляхъ, преимущественно на основаніи вашей *Нюрнбергскій худож.-пром. музей.*

несравненной коллекціи, какъ на одну изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ, обогатившихъ нашу библіотеку, и приложимъ все стараніе къ тому, чтобы оно приносило у насъ пользу, сообразно своему высокому художественному достоинству».

Музей книгопродавч. дѣла въ Лейпцигѣ.

Хранитель музея Германскаго книгопродавческаго дѣла въ Лейпцигѣ, Конрадъ Бургеръ, въ письмѣ изъ Лейпцига отъ 9 февраля (н. ст.) 1895 года, писалъ А. В. Звенигородскому: «Полагаю, что на своемъ вѣку я видѣлъ великое множество великолѣпно изданныхъ книгъ, но могу откровенно признаться, что до сихъ поръ никогда еще не видалъ такого, которое, подобно вашему, было бы совершенно и превосходно до малѣйшихъ даже подробностей. Достигнуть этого было, конечно, возможно только потому, что вопросъ о расходахъ не игралъ въ этомъ изданіи никакой роли».

Палестинское Общество германскихъ католиковъ.

Ландратъ Янсенъ, президентъ Палестинскаго Общества германскихъ католиковъ (Palästina-Verein der Katholiken Deutschlands), письмомъ отъ 31 марта (н. ст.) 1895 года, изъ Ахена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Совѣтъ Палестинскаго Общества постановилъ: «Вслѣдствіе принесенныхъ вами въ даръ тому Обществу и Германскому Страннопріимному Дому въ Іерусалимѣ драгоцѣнныхъ экземпляровъ вашего изданія для ихъ библіотекъ, возвести васъ въ званіе почетнаго члена Общества».

Герм. Страннопріимный Домъ въ Іерусалимѣ.

Директоръ Императорскаго Германскаго Страннопріимнаго Дома въ Іерусалимѣ, П. Шмидтъ, въ

письмѣ отъ 30 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ Іерусалима, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я радуюсь вашему изданію, какъ такому, которое, посредствомъ глубокаго изслѣдованія древнихъ византійскихъ художественныхъ созданій и несравненной правдивости и красоты воспроизведенія ихъ, обозначаетъ новый шагъ въ пониманіи произведеній древне-христіанскаго искусства. Затѣмъ, я считаю за великую для себя честь, что вы черезъ меня, какъ предсѣдателя недавно возникшаго Страннопріимнаго Германскаго Дома въ Іерусалимѣ, передали ваше изданіе библіотекѣ этого Дома. Здѣсь оно можетъ сдѣлаться, для иностранныхъ посѣтителей, высокочтимыхъ пилигримовъ, а равно для мѣстныхъ и нѣмецкихъ ученыхъ, предметомъ радости и источникомъ богатаго поученія. Радостное изумленіе и любознательное разсматриваніе многими почтенными личностями и знатоками, видѣвшими до сихъ поръ эту книгу у насъ, служатъ мнѣ ручательствомъ того, что ваша книга принесетъ здѣсь много пользы познаванію и пониманію въ художественной области. Да приметъ васъ Господь Богъ подъ свой покровъ и да благословитъ Онъ ваши благородныя стремленія. Такова молитва, которую нашъ Страннопріимный Домъ будетъ возносить къ Господу въ священныхъ святилищахъ. «Monumentum aere perennius» нашей библіотеки будетъ непрестанно напоминать намъ о томъ».

Campo Santo al Vaticano.

Ректоръ учрежденія «Campo Santo al Vaticano», монсиньоръ де-Вааль, въ письмѣ изъ Рима отъ 4 мая (н. ст.) 1895 г., просилъ А. В. Звенигородскаго по-

дарить библіотекѣ этого учрежденія экземпляръ его «монументальнаго изданія, заслужившаго одинаково высокое удивленіе и признаніе во многихъ художественно-критическихъ журналахъ». Онъ говорилъ: «Я бы съ удовольствіемъ разсмотрѣлъ тотъ экземпляръ, который вы поднесли Его Святѣйшеству, но Папа хранитъ этотъ экземпляръ въ своей частной библіотекѣ и еще не передалъ его въ Ватиканскую библіотеку. Наша Коллегія основана всего лишь въ 1876 году, но обладаетъ уже значительною коллекціей христіанскихъ древностей и библіотекою книгъ объ археологіи, древнемъ искусствѣ и исторіи; она открыта для всѣхъ, и ее ревностно посѣщаютъ ученые, такъ какъ здѣсь находятся преимущественно новѣйшія иностранныя изданія. Вы поймете, какъ высоко желательно было бы для нашей библіотеки напечатанное вами монументальное изданіе. Смѣлость просить у васъ эту книгу внушена мнѣ еще тѣмъ особеннымъ обстоятельствомъ, что наше учрежденіе будетъ праздновать въ 1897 году 11-ю столѣтнюю годовщину своего основанія, и что въ числѣ праздничныхъ приношеній, отчасти уже и теперь поступившихъ къ намъ, ваше твореніе также стояло бы въ числѣ монументальныхъ памятниковъ этого торжества».

Въ письмѣ же отъ 25 сентября (н. ст.) 1895 года, изъ Рима, монсиньоръ де-Вааль говоритъ: «Вчера пришло къ намъ ваше великолѣпное, истинно монументальное изданіе. Судя по всѣмъ печатнымъ ученымъ описаніямъ, я, конечно, ожидалъ великолѣпной книги, но всѣ мои самыя смѣлыя ожиданія были превзойдены. Изданіемъ этого сочиненія вы

оказали высочайшую услугу наукѣ о древности и искусству, а себѣ самому заслужили безсмертную память. На ближайшей (1-ой) конференціи римскихъ археологовъ (въ декабрѣ) я представлю ваше изданіе и выскажусь о немъ, а равно выражу публично всю свою благодарность. То же должно быть повторено и въ нашемъ изданіи: «Römische Quartalschrift».

Фрейбургскій университетъ.

Деканъ богословскаго факультета Фрейбургскаго университета, профессоръ Краусъ, въ письмѣ отъ 14 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Фрейбурга въ Брезгау, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Мы убѣждены, что церковно-археологическая наука въ нашемъ институтѣ будетъ сильно порадована тѣми побужденіями къ движенію впередъ и тѣми требованіями, какія представляетъ учителю и учащемуся ваша книга, столь богатая во всѣхъ направленіяхъ. Будьте увѣрены, что имя ваше всегда будетъ произноситься съ благодарностью и почтеніемъ всѣми, участвующими въ нашихъ научныхъ занятіяхъ».

Страсбургскій университетъ.

Деканъ философскаго факультета Императорскаго Страсбургскаго университета, профессоръ Карлъ Іоганнъ Нейманъ, въ письмѣ, изъ Страсбурга, отъ 6 іюля (н. ст.) 1895 года, сообщалъ А. В. Звенигородскому: «Философскій факультетъ Императорскаго Страсбургскаго университета единогласно присудилъ вамъ 22 іюня достоинство почетнаго (honoris causa) доктора. Я могу прибавить, что поднесенное вами университетской и земской библіотекѣ изданіе, обязавшее университетъ выразить вамъ въ такой фор-

мѣ свою благодарность, возбудило всеобщее изумленіе. Надѣясь, что вы увидите, въ присужденномъ вамъ званіи доктора, сочувственное выраженіе вашихъ высокихъ заслугъ на пользу наукѣ и искусству, имѣю честь приложить при семъ дипломъ на означенное званіе».

Домкапитуляръ Майнцскаго собора, каноникъ докторъ Фридрихъ Шнейдеръ, въ письмѣ отъ 9 іюля (н. ст.) 1895 года, изъ Шлангенбада, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Профессоръ исторіи искусства Страсбургскаго университета, Дегіо, пишетъ мнѣ отъ 6 іюля: «Мнѣ пріятно сообщить вамъ, что нашъ факультетъ (философскій) утвердилъ г. Звенигородскаго почетнымъ докторомъ. Это произошло не только на основаніи требуемаго уставомъ формальнаго *единогласія*, но еще болѣе вслѣдствіе единодушнаго убѣжденія, что факультетъ самому себѣ доставитъ честь, публично признавъ значеніе меценатства, соединеннаго съ такимъ высокимъ разумѣніемъ и съ такимъ яснымъ пониманіемъ цѣлей науки».

Деканъ философскаго факультета Страсбургскаго университета, Карлъ Іоганнъ Нейманъ, въ письмѣ отъ 28 сентября (н. ст.) 1895 года, изъ Страсбурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Если вы слишкомъ высоко оцѣняете то скромное участіе, которое я по своей должности принималъ въ возведеніи васъ въ званіе доктора нашего университета, то я долженъ скорѣе признать, что считалъ за высокую честь и особенное удовольствіе участвовать, должностнымъ образомъ, въ признаніи нашимъ факульте-

томъ такой необычайной дѣятельности, какъ ваша, тѣмъ болѣе, что изученіе Византіи составляетъ главнѣйшій мой интересъ. Прошу васъ быть увѣреннымъ, что я постоянно буду возвращаться къ разсматриванію и изученію вашего совершенно единственнаго творенія, въ которомъ наше столѣтіе выказало все, что̀ оно способно сдѣлать».

Художественно-промышл. школа въ Штуттгартѣ.

Директоръ художественно-промышленной школы въ Штуттгартѣ, профессоръ Колль, въ письмѣ отъ 27 апрѣля (н. ст.) 1896 года, изъ Штуттгарта, говорилъ А. В. Звенигородскому: «По порученію совѣта преподавателей нашей школы, имѣю честь высказать вамъ нашу глубочайшую благодарность за принесенный вами намъ въ даръ экземпляръ вашего изданія. Это великолѣпное твореніе, представляющее столько превосходнаго, какъ текстъ, такъ и рисунки, будетъ намъ въ высокой степени полезно, и мы всегда будемъ съ почтеніемъ вспоминать великодушнаго дарителя и автора».

Городская библіотека во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Библіотекарь городской библіотеки во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, докторъ Фр. Эбрардъ, въ письмѣ отъ 20 мая (н. ст.) 1896 года, изъ Франкфурта-на-Майнѣ, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Отъ имени нашей библіотеки имѣю честь съ глубочайшимъ почтеніемъ благодарить васъ за принесеніе ей въ даръ вашего изданія, столько же отличающагося содержаніемъ, какъ и внѣшнимъ орнаментированнымъ видомъ. Этотъ даръ навсегда займетъ выдающееся почетное мѣсто въ собраніяхъ нашего учрежденія».

Средне-германское худож.-промышл. общество.

Исправляющій должность предсѣдателя Средне-германскаго художественно-промышленнаго общества, въ письмѣ отъ 20 мая (н. ст.) 1896 года, изъ Франкфурта-на-Майнѣ, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Своимъ изданіемъ «Исторія византійской эмали» вы создали такое твореніе, которое съ перваго дня своего появленія на свѣтъ было съ восхищеніемъ привѣтствовано во всѣхъ кругахъ художественнаго изслѣдованія и книжнаго дѣла, какъ изъ-за своего содержанія, такъ и изъ-за своей типографской внѣшности. Принеся нашему музею въ даръ экземпляръ этой книги, вы обогатили его предметомъ высокаго выдающагося значенія, который тѣмъ болѣе намъ драгоцѣненъ, что показываетъ, до какой возвышенной степени ваше художественное руководство могло довести франкфуртское типографское дѣло».

Магистратъ города Франкфурта-на-Майнѣ.

Магистратъ города Франкфурта-на-Майнѣ, въ письмѣ отъ 29 мая (н. ст.) 1896 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Магистратъ очень высоко цѣнитъ значеніе для исторіи искусства вашей книги, подаренной теперь нашей городской библіотекѣ, и признаетъ, что и внѣшій видъ этой книги, по изобрѣтенію, стилю и вкусу выполненія напрасно искалъ бы себѣ равнаго».

Zeitschrift für Christl. Kunst.

Капитуляръ Кельнскаго собора, Александръ Шнютгенъ, помѣстилъ обширное обозрѣніе изданія А. В. Звенигородскаго въ своемъ журналѣ «Zeitschrift für Christliche Kunst», въ 4-й тетради 1894 года, и здѣсь онъ говоритъ: «За научное значеніе этой книги

ручается имя автора, проф. Кондакова, который считается въ ученыхъ кружкахъ лучшимъ знатокомъ византійскаго искусства... Всѣ художественныя сочиненія и работы въ этой книгѣ—всюду первоклассныя; все въ ней выполнено—безупречно. Русскіе художники и нѣкоторыя нѣмецкія художественныя заведенія соединенными усиліями достигли необыкновенной сосредоточенности и блеска... Собраніе г. Звенигородскаго далеко превосходитъ всѣ подобныя же частныя собранія эмалей, и нашъ журналъ долженъ будетъ часто возвращаться къ новымъ художественнымъ взглядамъ и соображеніямъ, заключающимся въ книгѣ, которая иллюстрируетъ это собраніе».

Директоръ Мюнстерейфельской гимназіи, докторъ Шейнсъ, написалъ двѣ рецензіи объ изданіи А. В. Звенигородскаго: одну въ «Kölnische Zeitung» 6 мая (н. ст.), другую въ «Kölnische Volkszeitung» 24 мая (н. ст.) 1894 г. Въ первой онъ говоритъ: «Книга г. Звенигородскаго заполняетъ пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ въ европейской ученой литературѣ по части византійской эмали. Авторъ текста, проф. Кондаковъ, проникнулъ въ самую сущность предмета глубже, чѣмъ всѣ его предшественники. Онъ ничего не принималъ, не посмотрѣвши и не обсудивши самъ, вездѣ сохраняетъ полную независимость сужденія и иногда выступаетъ съ убѣдительными доказательствами даже противъ такихъ прежнихъ знатоковъ, какъ Лабартъ и Линасъ. Иногда онъ поражаетъ совершенно новыми соображеніями... Поразительно его знаніе старыхъ художественныхъ *Kölnische Zeitung.*

памятниковъ... Внѣшность изданія истинно царская. Она поражаетъ своею художественностью и мастерствомъ»... Въ другой статьѣ, Шейнсъ пишетъ: «Рѣдко можно встрѣтить такое соединеніе прочной, научной основательности и художественныхъ талантовъ—съ богатыми денежными средствами, какъ это мы видимъ въ недавно вышедшемъ роскошномъ изданіи А. Звенигородскаго»... Далѣе слѣдуютъ самыя симпатичныя похвалы тексту и внѣшности изданія, которымъ мы видимъ уже образцы въ предыдущей статьѣ. Въ концѣ онъ прибавляетъ: «Проф. Кондаковъ не есть ученый въ узкомъ значеніи слова, и филологическая обработка и выписки изъ древнихъ писателей не составляютъ сильной его стороны (наприм., мы этовидимъ въ изложеніи разнообразныхъ мнѣній о словѣ «electrum»). Но онъ обладаетъ изумительнымъ знаніемъ художественныхъ произведеній, и на ихъ основаніи онъ создалъ свое ученіе объ эмали, которое можетъ быть продолжаемо далѣе, но никогда не можетъ быть опровергнуто»...

Kölnische Volkszeitung.

Frankfurter Zeitung.

Домкапитуляръ и каноникъ Майнцскаго собора, докторъ Фр. Шнейдеръ, въ своей рецензіи книги А. В. Звенигородскаго, во «Frankfurter Zeitung» 12 іюня (н. ст.) 1894 года, пишетъ: «Давно уважаемый въ художественномъ мірѣ русскій меценатъ А. Звенигородскій издалъ ныньче, въ великолѣпномъ видѣ, то, что̀ такъ долго собиралъ по части византійскихъ эмалей. Первое перо между русскими археологами, проф. Кондаковъ, изслѣдуетъ здѣсь свой предметъ, вполнѣ исчерпывая вопросъ объ эмаляхъ въ историческомъ и техническомъ отношеніяхъ, за времена

древности, за эпоху переселенія народовъ, и особенно въ продолженіе византійскаго культурнаго періода, а потомъ и на русской почвѣ... Рисунки въ текстѣ и внѣ текста, заглавные листы, посвятительные листы, переплетъ съ его обложкой и «закладкой» и т. д., полны художественности... Въ общемъ, вездѣ чувствуется отпечатокъ рѣдкой энергической личности, сремящейся ко всему художественному»...

Директоръ Дюссельдорфскаго Художественно-промышленнаго музея и историкъ искусства, Фраубергеръ, въ обширной статьѣ, посвященной изданію А. В. Звенигородскаго и напечатанной въ іюльскомъ выпускѣ лейпцигскаго «Kunstgewerbeblatt» 1894 года, называетъ проф. Кондакова «первымъ знатокомъ византійскаго искусства», про нынѣшнее же его сочиненіе выражается такъ: «Во всѣхъ своихъ мысляхъ и доказательствахъ, проф. Кондаковъ остается на той же самой высотѣ, на которую онъ поднялся въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о византійскомъ искусствѣ. Несомнѣнно, для читателя, что онъ самъ видѣлъ собственными глазами всѣ художественные предметы, о которыхъ говоритъ, и многіе изъ нихъ изучены у него самымъ основательнымъ образомъ. А такъ какъ, кромѣ французской, нѣмецкой, англійской и итальянской литературы по этому предмету, онъ твердо знаетъ и русскую, то всегда оказался бы неравнымъ тотъ бой, который вздумалъ бы затѣять съ нимъ кто-либо изъ западныхъ ученыхъ. Гораздо цѣлесообразнѣе будетъ радоваться тому богатому поученію, которое представляетъ громадное его сочиненіе. Архитекторъ Ропетъ съумѣлъ сдѣлать *Kunstgewerbe-blatt.*

изъ своихъ композицій, украшающихъ книгу, настоящую сокровищницу мотивовъ византійской орнаментистики, откуда нѣмецкіе художественно-промышленные производители многому могутъ научиться... Великая же заслуга г. Звенигородскаго та, что онъ поставилъ себѣ задачей привлечь къ своему изданію крупныхъ ученыхъ, замѣчательныхъ художниковъ, цѣлыя многоспособнѣйшія фирмы, самому же себѣ онъ предоставилъ веденіе всего дѣла, и съ непоколебимою живою волею довелъ до конца свое великолѣпное изданіе, не щадя никакихъ тратъ. Тѣ высокопоставленныя личности, которыя иногда предпринимаютъ подобныя изданія, рѣдко посвящаютъ имъ требующуюся тутъ любовь, и столь же рѣдко обладаютъ необходимымъ тутъ пониманіемъ. Въ изданіи же г. Звенигородскаго много участвовало и того, и другого»...

Nachrichten aus dem Buchhandel.

Художественный критикъ Фолькмаръ Мюллеръ писалъ въ лейпцигской газетѣ «Nachrichten aus dem Buchhandel» 18 октября (н. ст.) 1894 года: «Книга г. Звенигородскаго издана съ такимъ совершенствомъ, что слово «роскошное изданіе» едва можетъ быть достаточнымъ для нея... Рѣдкое собраніе эмалей г. Звенигородскаго, изъ самаго цвѣтущаго времени византійскаго искусства, далеко превосходитъ всѣ другія частныя коллекціи подобнаго же рода своимъ богатствомъ и совершенствомъ... Въ настоящее время оно становится доступнымъ для всѣхъ, посредствомъ великолѣпнаго изданія собственника коллекціи... Текстъ писанъ петербургскимъ профессоромъ Кондаковымъ, котораго сочиненія о византійскомъ искусствѣ про-

ложили новыя дороги (bahnbrechend)... Проф. Кондаковъ обладаетъ изумительнымъ познаніемъ эмальныхъ художественныхъ памятниковъ, по счастью сохранившихся до нашего времени... Превосходные рисунки для разныхъ орнаментальныхъ частей изданія сочинены архитекторомъ И. П. Ропетомъ, знаменитымъ по своимъ орнаментальнымъ композиціямъ... Его сочиненія въ настоящей книгѣ — драгоцѣнная сокровищница византійской орнаментистики... Издатель выполнилъ самымъ блестящимъ образомъ свою задачу. Онъ соорудилъ прочный литературный и художественный памятникъ давно погибшей техникѣ, на превосходныхъ созданіяхъ которой Западъ испробовалъ также однажды свои собственныя силы».

Художественный историкъ и критикъ, Бухеръ, посвятилъ изданію А. В. Звенигородскаго большую статью въ декабрьской книжкѣ «Mittheilungen des K. K. Oesterreichischen Museums» за 1894 годъ, и здѣсь, послѣ подробнаго изложенія содержанія и послѣ самыхъ симпатичныхъ похвалъ внѣшности, авторъ говоритъ: «Наше обозрѣніе достаточно показываетъ, я надѣюсь, что вся область этой вѣтви искусства изслѣдована въ настоящей книгѣ. Но, что́ придаетъ изданію г. Звенигородскаго особое значеніе, по преимуществу передъ всѣми другими изданіями подобнаго же рода, это — глубокое знаніе авторомъ всѣхъ принадлежащихъ Россіи сокровищъ и полное знаніе русской литературы. Не стану уже говорить о томъ, что авторъ пользовался всѣми спеціальными сочиненіями на различныхъ европейскихъ языкахъ; но нельзя не обратить вниманія на привлеченіе къ срав-

Mittheilungen des Oesterr. Museums.

ненію всевозможныхъ художественныхъ созданій. Можно пожелать, чтобы еще и другіе доброжелатели искусства побуждены были настоящимъ монументальнымъ изданіемъ выказать на подобномъ же пути свое воодушевленіе къ дорогому намъ всѣмъ предмету»!..

Neues Wiener Tageblatt.

Другую, менѣе обширную, но столько же сочувственную статью Бухеръ помѣстилъ въ «Neues Wiener Tageblatt» 14 января (н. ст.) 1895 года.

Allgemeine Zeitung.

Докторъ Ригель, директоръ Брауншвейгскаго Музея, писалъ въ мюнхенской «Allgemeine Zeitung» 29 декабря (н. ст.) 1894 года: «Г. Звенигородскій пользуется очень справедливою репутаціей тонкаго знатока по части художественной исторіи; такъ, напримѣръ, онъ обладаетъ рѣдкими знаніями по части маіоликъ, а также эмалей... Его собственное собраніе эмалей имѣетъ совершенно выдающееся значеніе... Теперь оно издано въ такой книгѣ, которая является истиннымъ роскошнѣйшимъ изданіемъ по части печати и переплета. Таблицы съ эмалями выполнены посредствомъ превосходнѣйшихъ хромолитографій. Текстъ писалъ петербургскій профессоръ Н. П. Кондаковъ, ученый, особенно свѣдущій по этой части. Художественная внѣшность такъ богата и совершенна, что ничего выше нельзя себѣ представить, и все тутъ выполнено въ строго византійскомъ стилѣ. Рисунки для великолѣпныхъ орнаментальныхъ листовъ сочинялъ петербургскій архитекторъ И. П. Ропетъ, гравюры въ текстѣ исполнялъ на деревѣ В. Маттэ и нѣкоторые другіе русскіе граверы. Превос-

ходныя шелковыя работы выполняла фабрика братьевъ Сапожниковыхъ въ Москвѣ... Такія изданія изрѣдка осуществляются, развѣ только по царской иниціативѣ. Тѣмъ выше заслуга частнаго человѣка, г. Звенигородскаго».

Repertorium für Kunstwissenschaft.

Въ своей статьѣ о книгѣ Звенигородскаго, напечатанной въ январьской тетради журнала «Repertorium für Kunstwissenschaft», 1895 года, проф. Краусъ называлъ проф. Кондакова многозаслуженнымъ изслѣдователемъ, обладающимъ такими свѣдѣніями, какія наврядъ ли могутъ быть достигнуты другимъ спеціалистомъ по этой же части... Археологія обязана проф. Кондакову въ тысячѣ пунктовъ новыми и неожиданными объясненіями... Интеллигентныхъ и готовыхъ на жертвы меценатовъ мало на свѣтѣ по части науки и искусства, и потому дѣятельность г. Звенигородскаго заслуживаетъ самыхъ горячихъ благодарностей. Его коллекція эмалей, такъ умѣло собранная, и соединеніе имъ столькихъ силъ для достойнаго описанія и научной оцѣнки этой коллекціи, надолго упрочатъ за нимъ благодарное воспоминаніе въ лѣтописяхъ нашей христіанской археологіи».

Korrespondenzblatt der Westdeutschen Zeitschrift.

Нѣмецкій художественный писатель, докторъ Павелъ Веберъ, напечаталъ въ январьской тетради ежемѣсячнаго изданія «Korrespondenzblatt der Westdeutschen Zeitschrift für Geschichte und Kunst», 1895 года, обширную критическую статью о книгѣ А. В. Звенигородскаго. Вотъ значительнѣйшія мѣста этой критики: «Собраніе эмалей г. Звенигородскаго — совершенно единственное среди всѣхъ остальныхъ част-

ныхъ коллекцій... Онъ поручилъ составленіе текста такому человѣку, котораго ученая репутація уже заблаговременно ручается за крупное значеніе книги... Полнота и точность изслѣдованій проф. Кондакова здѣсь таковы, что книга г. Звенигородскаго уже по этому одному становится незамѣнимою помощью для всѣхъ работающихъ въ области не только спеціально эмали, но и другихъ соприкасающихся съ нею частей. Но, не удовольствуясь главною задачей, проф. Кондаковъ разработалъ, въ своемъ изслѣдованіи, изумительное множество художественно-историческихъ, культурно-историческихъ и всеобще-научныхъ вопросовъ, такъ что это изслѣдованіе выходитъ далеко за предѣлы простой исторіи византійской эмали... Здѣсь онъ впервые выдвигаетъ впередъ также основные вопросы для будущей исторіи культуры азіатскихъ и европейскихъ народовъ, и трактуетъ ихъ съ изумительнымъ знаніемъ памятниковъ и художественной о нихъ литературы .. Надо обратить особенное вниманіе на высоко-интересныя изслѣдованія о типѣ Христа (прибавляющія новые взгляды къ изслѣдованіямъ де-Росси), объясненіе «Деисуса», изображеній «Распятія», св. Софіи, волшебной птицы «Сиринъ», византійскихъ «маніаковъ» (ожерелій), варварскихъ шейныхъ украшеній (гривенъ) и т. д.... Нельзя не пожалѣть, что проф. Кондаковъ нигдѣ не занялся изслѣдованіемъ германскихъ, и именно спеціально рейнскихъ эмалей, а между тѣмъ его сочиненіе во многихъ мѣстахъ доказываетъ его близкое знакомство съ исторіей и развитіемъ германской эмали... Быть можетъ, всего замѣчательнѣе и поучительнѣе, въ цѣлой книгѣ, отдѣлъ о византійской орнаменти-

стикѣ. Здѣсь авторъ является совершенно новымъ созидателемъ (neuschöpferisch), здѣсь выказывается вся главная его сила, и онъ говоритъ всего сосредоточеннѣе»... Воздавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшія похвалы художественной сторонѣ настоящаго, «совершенно единственнаго въ своемъ родѣ роскошнаго изданія», критикъ говоритъ, что здѣсь все выполнено съ великолѣпною расточительностью со стороны издателя, и съ необычайнымъ мастерствомъ со стороны разнообразныхъ художниковъ, работавшихъ для изданія.

Въ мартовскомъ нумерѣ журнала «Kunst für Alle» за 1895 г. было сказано: «Сочиненіе, посвященное византійскимъ эмалямъ коллекціи А. В. Звенигородскаго, пользующагося репутаціей тонкаго художественнаго знатока,—есть рѣдчайшее, драгоцѣннѣйшее роскошное изданіе, привлекающее къ себѣ своею необычайною внѣшностью величайшее почтеніе знатока и изумленіе человѣка изъ среды публики. Эта внѣшность такъ богата и такъ изящна, и, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ такое высокое художественное совершенство, что глазъ зрителя поминутно открываетъ все новыя и новыя чудныя подробности». Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе собственно художественной стороны изданія, а въ заключеніе рецензентъ говоритъ, что эта драгоцѣнная книга является «блестящимъ свидѣтелемъ художественной промышленности нашего времени». *Kunst für Alle.*

Профессоръ Страсбургскаго университета, докторъ Іоганнъ Фикеръ, помѣстилъ подробную рецензію на *Strassburger Post.*

изданіе А. В. Звенигородскаго въ «Strassburger Post» 3 марта (н. ст.) 1895 года, и здѣсь говоритъ: «Научная ревность, тонкій вкусъ, необычайная энергія и истинно царская щедрость соединились здѣсь въ одномъ человѣкѣ для того, чтобы слить въ одно цѣлое рѣдкаго совершенства — научную работу и лучшія художественныя силы... Онъ поручилъ текстъ своей книги проф. Кондакову, лучшему въ настоящее время знатоку византійскихъ художественныхъ произведеній, знаменитому своей исторіей византійскаго искусства, для которой Антонъ Шпрингеръ написалъ предисловіе... Исполненіе рисунковъ—полно несравненнаго совершенства. Краски такъ сильны и изящны, оттѣнки такъ вѣрны, что воображаешь себѣ, что передъ глазами у тебя оригиналы. Русскій архитекторъ Ропетъ сочинилъ рисунки для всѣхъ парадныхъ листовъ, виньетокъ, переплета и шелковыхъ матерій, выполненныхъ московскою фирмою братьевъ Сапожниковыхъ. Гравюры исполнены лучшими русскими граверами на деревѣ съ г. Маттэ во главѣ. Типографскія работы, вмѣстѣ съ несравненными хромолитографіями выполнены фирмою А. Остеррита во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, переплетныя работы гг. Гюбелемъ и Денкомъ въ Лейпцигѣ... Этому изданію были поставлены самыя высокія требованія. Они исполнены съ высшимъ мастерствомъ»...

Stimmen aus Maria-Laach.

Археологъ и членъ ордена іезуитовъ, Стефанъ Бейсель, напечаталъ также очень значительную рецензію объ изданіи А. В. Звенигородскаго въ Фрейбургскомъ ученомъ журналѣ «Stimmen aus Maria-Laach», (1895 г., 4-я тетрадь). Онъ говоритъ: «Г. Звенигород-

скій можетъ гордиться, что обладаетъ такимъ количествомъ отличныхъ византійскихъ эмалей, какого нѣтъ ни у кого другого. Г. Звенигородскій съумѣлъ пріобрѣсти для текста своего изданія такую крупную испытанную силу, какъ профессора петербургскаго университета Н. Кондаковъ, извѣстнаго своими работами о византійскихъ миніатюрахъ. Изданіе новаго сочиненія по-царски роскошно и богато. Рисунки внутри текста нарисованы и гравированы на деревѣ превосходно; хромолитографіи выполнены съ необычайною старательностью. Даже одинъ переплетъ свидѣтельствуетъ о томъ, что изданіе это — художественное произведеніе, назначенное только для подарковъ: онъ сдѣланъ изъ тончайшей бѣлой кожи и покрытъ золотыми тисненіями по чернымъ фонамъ, съ многими рельефами; работа переплета — необыкновенно рачительная. Особая богатая «закладка», тканая изъ золота и шелка, нарочно сочинена для изданія. На книгу эту издатель не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ. Вся она выполнена лучшими силами, художественными и научными. Текстъ даетъ множество новыхъ взглядовъ для обсужденія византійской эмали и широко-распространеннаго вліянія византійскаго искусства на Италію и Германію, Кавказъ и Россію»...

Byzantinisch Zeitschrift.

Профессоръ мюнхенскаго университета, Крумбахеръ, написалъ въ своемъ журналѣ «Byzantinische Zeitschrift» большой разборъ изданія А. В. Звенигородскаго, гдѣ онъ говоритъ: «Знаменитое собраніе эмалей Звенигорскаго было изучено и описано уже 10 лѣтъ тому назадъ, священникомъ Іоганномъ Шульцемъ. Но его изслѣдованіе (впрочемъ не доведенное

до конца) было въ разныхъ отношеніяхъ неудовлетворительно, —и потому оставлено издателемъ, Звенигородскимъ, въ сторонѣ. Совсѣмъ иное дѣло вышло съ проф. Кондаковымъ, и это истинное счастье, что г. Звенигородскому удалось пріобрѣсти для своего изданія сотрудничество этого превосходнаго знатока византійскаго и русскаго искусства. Проф. Кондаковъ предпринялъ большія путешествія, чтобы познакомиться лично съ разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ матеріаломъ и подвергнуть его строгой анатоміи; онъ изучилъ древнія и средневѣковыя литературныя свидѣтельства объ эмали, и узналъ также множество большихъ и малыхъ сочиненій новаго времени о ней же. Результатомъ такихъ обширныхъ приготовленій вышло у него такое сочиненіе объ исторіи и техникѣ византійской эмали, которое совершенно исчерпываетъ предметъ»... Далѣе проф. Крумбахеръ подробно излагаетъ содержаніе книги проф. Кондакова, и остается не вполнѣ согласенъ съ нимъ только въ одномъ пунктѣ—на счетъ коренного происхожденія эмали изъ Персіи, что̀ проф. Крумбахеръ считаетъ недостаточно доказаннымъ. Хромолитографическія таблицы въ этомъ изданіи, съ изображеніями Христа, Богоматери, многихъ апостоловъ и святыхъ критикъ признаетъ великолѣпными и вполнѣ вѣрно передающими капитальныя созданія византійской эмали. Главные медальоны коллекціи проф. Кондаковъ подвергъ тщательной художественно-исторической, типологической и эстетической критикѣ, такъ что глава, обо всемъ этомъ трактующая, обращается въ богатое содержаніемъ, достойное общаго вниманія, изслѣдованіе цѣлаго ряда вопросовъ изъ визан-

тійской художественной исторіи и типологіи... Какъ вступленіе къ своей теоріи о существованіи туземнаго художественнаго производства въ средневѣковой Руси, проф. Кондаковъ представляетъ очень примѣчательныя соображенія о раннемъ развитіи національныхъ художественныхъ формъ у сѣверныхъ народовъ вообще... Всѣ вообще таблицы изданія (въ томъ числѣ орнаментальныя) превосходны. На маленькіе недочеты въ нихъ проф. Кондаковъ указываетъ...» Затѣмъ проф. Крумбахеръ называетъ все изданіе А. В. Звенигородскаго «царски-роскошнымъ» (mit fürstlicher Pracht ausgestattet), и сожалѣетъ только, въ заключеніи, о нѣкоторыхъ небольшихъ погрѣшностяхъ нѣмецкаго перевода.

Römische Quartalschrift.

Ректоръ учрежденія «Campo Santo al Vaticano», монсиньоръ де-Вааль, въ журналѣ «Römische Quartalschrift» (послѣдняя книга 1895 года) помѣстилъ критическій разборъ изданія А. В. Звенигородскаго, и здѣсь давалъ, сначала, подробное описаніе этой книги, гдѣ, высказавъ самое симпатичное отношеніе къ этому изданію, все-таки замѣчалъ, что «приведенный проф. Кондаковымъ рядъ византійскихъ эмалей не имѣетъ претензіи на совершенную полноту, и что Римъ могъ бы представить нѣсколько достойныхъ вниманія пополненій, но что всѣ самыя важныя до сихъ поръ извѣстныя произведенія византійской эмали представлены вездѣ свѣдущею рукою»; далѣе, что какъ въ трактатѣ о типѣ Христа, такъ и въ другихъ мѣстахъ книги, «преимущество, отдаваемое восточной церкви и искусству передъ западными, легко объясняется православной точкой зрѣнія ав-

тора». Заключаетъ же свой разборъ монсиньоръ де-Вааль слѣдующими словами: «Изслѣдованіе древне-христіанскихъ и раннихъ средневѣковыхъ художественныхъ сокровищъ Востока привлекло къ себѣ заслуженный интересъ лишь въ послѣднее время; но теперь всякое новое сочиненіе, всякій новый журналъ, ими занимающіеся, показываютъ, сколько еще другихъ сокровищъ надо поднять на ноги, сколько ихъ еще тамъ сохранилось, не взирая на неблагопріятность временъ. Съ этимъ идетъ рука объ руку опубликованіе литературныхъ находокъ, гдѣ выступаютъ къ свѣту, изъ мрака забвенія долгихъ вѣковъ, истинныя жемчужины изъ области литургики и гимнологическаго творчества. Достаточно указать на византійскую «Исторію литературы» Крумбахера, и остроумный разборъ этой книги К. А. Вилькинсомъ въ «Богословскомъ литературномъ листкѣ». Такимъ образомъ, богословъ благодарно привѣтствуетъ каждое новое явленіе въ этой области, тѣмъ болѣе, что находится, по крайней мѣрѣ временно, въ томъ періодѣ, когда еще не произошло несчастнаго отдѣленія восточной церкви отъ западной».

Repertorium für Kunstwissenschaft.

Докторъ Павелъ Веберъ помѣстилъ въ «Repertorium für Kunstwissenschaft», 1895, Band XVIII, Heft 4, обширную рецензію на изданіе А. В. Звенигородскаго, и здѣсь говорилъ: «Византійскій вопросъ сталъ теперь для художественной исторіи среднихъ вѣковъ такимъ жгучимъ вопросомъ, что его наврядъ ли можно обходить при любой темѣ изъ этой области изслѣдованій, и количество работъ, берущихъ себѣ задачей духовный и художественный обмѣнъ между Визан-

тіей и Западомъ, становится съ каждымъ годомъ все многочисленнѣе и многочисленнѣе, ка́къ это достаточно доказываетъ сравнительный взглядъ на литературные годичные отчеты въ «Византійскомъ Обозрѣніи» Крумбахера. Что коренной вопросъ о вліяніи Востока на Западъ въ первую половину среднихъ вѣковъ еще не назрѣлъ вполнѣ, это высказано еще недавно Ф. Кс. Краусомъ въ нашемъ журналѣ (стр. 48 текущаго года); тотъ же изслѣдователь съ полною силою выразилъ въ своемъ критическомъ обозрѣніи, въ нашемъ же журналѣ, за декабрь 1891 года (т. XV, стр. 216), что «только продолжающееся опубликованіе памятниковъ и связанные съ нимъ сравнительныя изслѣдованія по части иконографіи и стиля» могутъ привести къ вѣрному успѣху. Такимъ образомъ, каждое опубликованіе памятниковъ есть шагъ впередъ, будь область ихъ содержанія узко ограниченная или широкая. Область лежащаго передъ нами изданія—узко ограниченная, потому что оно обнимаетъ собою лишь одну второстепенную вѣтвь византійскаго золотыхъ дѣлъ мастерства, технику эмальнаго производства и его произведенія, но это въ такой многообъемлющей формѣ и на такомъ широкомъ основаніи, что, изучая текстъ, вовсе не замѣчаешь, на какой узкой почвѣ выросли корни этого столь богатаго цвѣтами и плодами дерева. Намъ хотѣлось бы отмѣтить, какъ нѣчто самое примѣчательное въ этомъ изданіи, во многихъ отношеніяхъ совершенно единственномъ, то́, что автору удалось, самымъ изумительнымъ образомъ, та́къ вдвинуть описаніе и исторію техники—всего еще только художественно-промышленной—въ общій ходъ художествен-

наго развитія по крайней мѣрѣ Востока, что мы не только получаемъ цѣлый важный отдѣлъ византійской художественной исторіи, но, гораздо болѣе того, можемъ обозрѣвать художественное развитіе цѣлыхъ народовъ и періодовъ въ ихъ общей связи. Черезъ это мы пріобрѣтаемъ интересъ къ этимъ произведеніямъ византійской эмали, далеко идущій за предѣлы ихъ значенія, какъ техническихъ и иконографическихъ памятниковъ, и какъ преходящихъ вліятельныхъ факторовъ византійской миніатюрной живописи. Главное достоинство византійской эмали, которое, рядомъ съ абсолютною драгоцѣнностью, состоитъ болѣе всего «въ необыкновенно гармонической гаммѣ цвѣтовъ и идеальной чистотѣ тоновъ (стр. 100), имѣетъ для насъ уже второстепенное значеніе».

«Мы обязаны одному собирателю появленіемъ на свѣтъ этого творенія, изданнаго съ расточительною роскошью и имѣющаго высокое значеніе, кромѣ примѣрнаго, собраннаго въ рисункахъ матеріала,—въ особенности вслѣдствіе того, что обработка ученой части была поручена спеціалисту, европейски знаменитому».

Разсказавъ затѣмъ, вкратцѣ, исторію книги А. В. Звенигородскаго и составленіе текста въ началѣ священникомъ Іоганномъ Шульцемъ, а потомъ передачу этого дѣла профессору Кондакову, докторъ Павелъ Веберъ говоритъ: «Сравненіе обоихъ текстовъ не безъинтересно. Вообще говоря, прежде всего надо указать на разницу, придающую совершенно различный характеръ обѣимъ работамъ. Шульцъ исходилъ изъ той мысли, что эмальная техника народилась самостоятельно въ Византіи, и не посвятилъ вопросу

объ азіатскихъ ея предшественникахъ ни малѣйшаго изслѣдованія, къ чему онъ, впрочемъ, не имѣлъ даже никакой возможности, по силѣ обстоятельствъ; Кондаковъ, напротивъ того, съ самаго же начала ставитъ основой всего своего изслѣдованія — азіатское происхожденіе этого искусства, и преслѣдуетъ развитіе эмальной техники сквозь всю исторію народовъ древняго міра, даже до отдаленнѣйшихъ временъ человѣческой культуры, и всѣ ея отношенія отъ Александріи до Индіи, Китая и Японіи. И не только одну технику, но также и краски, и орнаменты, содержаніе изображеній, измѣненія стиля византійскихъ эмалей—все это онъ постоянно разсматриваетъ съ точки зрѣнія связи съ Востокомъ. Авторъ «Русскихъ древностей и художественныхъ памятниковъ» стоялъ тутъ вполнѣ среди своей любимой области. Передъ читателемъ развивается цѣлая масса интересныхъ культурно-историческихъ вопросовъ, дальнѣйшая разработка которыхъ должна дать матеріалъ для изслѣдованій въ продолженіе многихъ десятилѣтій; но частное рѣшеніе авторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже и теперь, часто ускользаетъ изъ критической области западнаго европейца.

«Но пока научный изслѣдователь постоянно стоитъ, такимъ образомъ, оборотившись лицомъ къ Востоку, онъ, открывая такія широкія и богатыя надеждами для будущихъ работъ области, совершенно забылъ, что за его спиной, глубоко позади на далекомъ Западѣ, на Рейнѣ и Мозелѣ, на Сенѣ и на Вьеннѣ, также живутъ люди, обладавшіе когда-то развитымъ эмальнымъ искусствомъ, котораго исторія и памятники вотъ уже въ продолженіе многихъ деся-

тилѣтій изслѣдованы, описаны и изданы, и что съ нѣкоторыхъ поръ мы, западно-европейцы, обладаемъ культурою, литературою и художественною исторіей, которыя, не взирая «на то, что онѣ нуждаются въ самыхъ коренныхъ измѣненіяхъ» (ка́къ во многихъ мѣстахъ говоритъ уважаемый ученый), все-таки даютъ намъ скромное право желать, чтобъ результаты столь важныхъ изслѣдованій немного болѣе приведены были въ связь съ культурнымъ развитіемъ Запада. Въ этомъ отношеніи работа Шульца, примыкающая къ существовавшей до сихъ поръ литературѣ и очень основательно принимавшая во вниманіе рейнскую и лиможскую эмаль, которая имѣетъ для Кондакова лишь совершенно второстепенное значеніе,—заключаетъ въ себѣ много для насъ гораздо болѣе важнаго, и мы очень сожалѣли бы, еслибы эта работа трудолюбиваго нѣмецкаго ученаго, конечно, гораздо менѣе творческая (geniale), но основательно обозрѣвающая предметъ и удобная при изслѣдованіи, не существовала рядомъ съ великимъ чуднымъ цвѣткомъ Востока, великанская тѣнь котораго грозится почти совершенно закрыть ее.

«А потомъ еще одно: обозрѣваніе такихъ огромныхъ періодовъ времени и культурныхъ эпохъ, открываніе связующихъ нитей среди областей, часто совершенно еще не разработанныхъ, распредѣленіе громадной массы памятниковъ сообразно съ новыми творческими (geniale) точками зрѣнія—вполнѣ объясняютъ то, что русскій изслѣдователь во многихъ еще случаяхъ борется со своимъ матеріаломъ, и рѣдко даетъ намъ готовые и выясненные результаты, а вмѣсто того нерѣдко бродитъ ощупью туда и

сюда, и даже въ иныхъ мѣстахъ противорѣчитъ самому себѣ. Оттого-то во всей книгѣ нигдѣ (кромѣ небольшого отдѣла, на который мы ниже особенно укажемъ), нигдѣ нѣтъ сплоченнаго обзора результатовъ или опредѣленнаго формулированія новой теоріи, ни даже связнаго изображенія техники и исторіи эмали, которымъ (техникѣ и исторіи) посвящена или должна бы быть посвящена, однакоже, добрая треть всего сочиненія, такъ что, много разъ пройдя всю толстую книгу, все-таки нельзя получить яснаго представленія о всемъ развитіи эмали.

«Было бы слишкомъ мелочно гоняться за мелкими ошибками и недостатками такого сочиненія, которое открываетъ каждому читателю сотни новыхъ точекъ зрѣнія и матеріалъ для безчисленныхъ, до сихъ поръ нерѣшенныхъ археологическихъ вопросовъ, но здѣсь не слѣдуетъ умолчать о томъ, что малый интересъ къ Западу вредно повліялъ на старательность автора въ отношеніи къ памятникамъ, находящимся въ Западной Европѣ, и именно не только въ отношеніи къ эмалямъ, сработаннымъ на Западѣ, но также и къ важнымъ, вполнѣ византійскимъ и ни коимъ образомъ не неизвѣстнымъ произведеніямъ. Такъ напримѣръ, совершенно пропущены превосходныя эмальныя работы въ такъ-называемомъ «Welfenschatz» въ Вѣнѣ, въ Гогенфуртѣ, въ Веллетри, въ Тріерѣ, въ Конкѣ, нѣкоторыя въ Луврѣ. Судя по тексту на стран. 117 и 179, авторъ не знаетъ, даже и по рисункамъ, много разъ описанные и представленные въ рисункахъ эмалевые кресты въ ризницѣ, въ Эссенѣ. Въ нашемъ журналѣ (на который Кондаковъ, впрочемъ, часто ссылается), указанъ былъ и описанъ, именно въ

видѣ дополненія къ тексту Шульца, одинъ памятникъ, именно прелестная филигранная дощечка съ византійскимъ эмальнымъ изображеніемъ «Райской Жены изъ Апокалипсиса» въ берлинскомъ «Художественно-Промышленномъ Музеѣ» [1]): это произведеніе столь же мало пошло въ прокъ для проф. Кондакова, какъ описанный тамъ же превосходный ставротекіонъ изъ собранія Оппенгейма въ Кёльнѣ (вообще, кёльнскіе памятники представлены у проф. Кондакова очень скупо). Это всего только немногіе примѣры, а ихъ можно было бы значительно умножить».

Излагая, затѣмъ, очень подробно содержаніе I-й главы проф. Кондакова, докторъ Павелъ Веберъ указываетъ на мнѣніе русскаго ученаго, что, переходя на почву Азіи, исторія художественнаго производства эмали мгновенно теряетъ историческую почву подъ ногами, и это столько же по причинѣ недостаточности собраннаго матеріала, какъ и вслѣдствіе древнихъ народныхъ преданій, играющихъ въ теченіе долгихъ столѣтій, въ азіатской художественной промышленности, руководящую роль, но вовсе не гармонирующихъ съ нашими эстетическими теоріями» (стр. 50). На это онъ замѣчаетъ: «Проф. Кондаковъ старается восполнить этотъ пробѣлъ посредствомъ своего поразительнаго знанія матеріала и остроумныхъ соображеній, — и это именно та часть книги, которая всего болѣе двигаетъ впередъ существовавшія до сихъ поръ изслѣдованія. Опредѣлить

---

[1]) Шкафъ № 365, собственность принца Фридриха Леопольда Прусскаго, сравни «Repertorium», т. XIV, стр. 419.

прочность этихъ комбинацій должно быть предоставлено болѣе призваннымъ людямъ»... Далѣе рецензентъ излагаетъ мысли проф. Кондакова о персидскихъ и парѳянскихъ вліяніяхъ на византійское искусство вообще, и на эмальное въ частности. «Невозможно, говоритъ онъ потомъ, слѣдовать за нашимъ авторомъ во всѣхъ его интересныхъ походахъ, уже и потому, что они часто, въ его трактатѣ, слѣдуютъ одни за другими безъ особенно прочной связи и вовсе не умѣщаются въ рефератѣ. Но цѣлая масса тонкихъ замѣтокъ и возбуждающихъ мысль взглядовъ вознаграждаютъ того, кто съ напряженнымъ вниманіемъ проберется, страница за страницей, сквозь густой лѣсъ чужеземныхъ вьющихся растеній. Мало-по-малу лѣсъ проясневаетъ, мы выступаемъ на свободу и снова оказываемся въ Византіи, какъ въ началѣ изслѣдованія, и узнаемъ впервые теперь, подробно, а частью въ повтореніи, особенности «техники византійской эмали», поименованной еще въ заглавіи главы».

«Вторая глава посвящена описанію памятниковъ византійской эмали. Введеніемъ къ этому служитъ очень наглядное изображеніе придворныхъ празднествъ въ императорскомъ дворцѣ на Босфорѣ, гдѣ эмаль употреблялась на украшенія съ большимъ пристрастіемъ... Что въ перечисленіи и описаніи памятниковъ эмали, сохранившихся въ различныхъ странахъ, встрѣчаются значительные пробѣлы, было указано уже выше, но это исчисленіе все-таки заключаетъ необыкновенное художественно-историческое значеніе, потому что Кондаковъ употребилъ свое необычайное знаніе этой художественной техники на

то, чтобы изслѣдовать многіе изъ описываемыхъ имъ важнѣйшихъ предметовъ относительно ихъ древности и сложенія, и отвести имъ принадлежащее мѣсто въ исторіи происхожденія эмали, приэтомъ оказывается не мало поразительныхъ результатовъ, не только на счетъ датированія, но также и оцѣнки многихъ, до сихъ поръ по недостатку объектовъ для сравненія, слишкомъ высоко цѣнившихся предметовъ. Про «Pala d'oro» въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, до сихъ поръ прославляемую какъ одно изъ чудесъ византійскаго эмальнаго искусства, доказывается, что это есть только собраніе предметовъ, принадлежащихъ времени отъ X до XIV вѣка, итальянскаго и византійскаго происхожденія, и вмѣстѣ сложенныхъ; крестъ Лотара въ Аахенѣ передвинутъ изъ IX вѣка въ XI, или даже XII (причемъ и самое имя его падаетъ); желѣзная Лонгобардская корона въ ризницѣ въ Монцѣ, по преданію идущая отъ королевы Теодолинды († 625), но признанная Францомъ Бокомъ за обѣтный вѣнецъ, сработанный не ранѣе IX вѣка, по доказательствамъ Кондакова признается не византійскою, а грубою лонгобардскою работою, настолько неумѣло украшенною, въ IX вѣкѣ, филигранью и эмалью, что невозможно считать ее церковнымъ обѣтнымъ вѣнцомъ (это ничуть не затрогиваетъ времени желѣзнаго кольца внутри, которое, какъ говорятъ, сработано изъ гвоздя отъ Креста Господня).

«Мѣсто не позволяетъ намъ изложить здѣсь, по одиночкѣ, всѣ новые результаты, достигнутые Кондаковымъ почти у каждаго отдѣльнаго произведенія. Но мы бы хотѣли только особенно указать на то, что прочность Кондакова при этихъ отдѣльныхъ

изслѣдованіяхъ подтвердилась недавно, съ совершенно другой стороны, относительно одного особенно важнаго предмета: именно посредствомъ изслѣдованія Діего Сантъ-Амброджіо о знаменитомъ алтарѣ св. Амвросія въ Миланѣ [1]). Итальянскій изслѣдователь приходитъ къ одинаковымъ результатамъ съ Кондаковымъ, а именно къ тому, что въ нынѣшнемъ «Paliotto» мы вовсе не имѣемъ передъ собою алтарь Ангильберта, IX вѣка, а что техническія особенности его эмалей указываютъ скорѣе на XI или XII столѣтіе.

«Эта глава заслуживаетъ особенной благодарности, вслѣдствіе того, что она вводитъ въ художественную исторію громадную массу неизвѣстныхъ до сихъ поръ превосходныхъ эмальныхъ работъ изъ кавказскихъ мѣстностей, и все это почти всегда въ отличныхъ изображеніяхъ, которыя имѣютъ высочайшій интересъ также и для иконографіи среднихъ вѣковъ.

«Поэтому иконографическія отдѣльныя изслѣдованія занимаютъ въ книгѣ значительное мѣсто, что́ почти само собою разумѣется въ Кондаковскомъ сочиненіи, и нѣтъ надобности много настаивать на томъ, сколько драгоцѣннаго и новаго представлено намъ тутъ... Правда, Кондаковъ, трактуя о ликѣ Христа, опирается только на работы де-Росси о западныхъ типахъ Христа и, повидимому, вовсе не знакомъ со значительными спеціальными этюдами Дитрихсона и Гаука по этому предмету, но это остается на заднемъ планѣ, въ виду той громадной массы но-

[1]) *Diego Sant' Ambrogio:* «Intorno alla Basilica di S. Ambrogio in Milano». Estratto dal periodico: «Il Politecnico», Milano, 1894. Сравни рефератъ этого сочиненія, написанный Фабрици въ «Repertorium», т. XVII, стр. 376.

выхъ точекъ зрѣнія, которыя онъ ставитъ не только для этой темы, но также и для всего будущаго трактованія византійской иконографіи»... Перечисляя затѣмъ множество отдѣльныхъ, чрезвычайно значительныхъ изслѣдованій Кондакова въ разныхъ мѣстахъ его книги, докторъ Павелъ Веберъ говоритъ: «Судя по всѣмъ этимъ примѣрамъ, ясно видно, какую богатую руду для литературы, иконографіи, памятниковъ и вопросовъ о развитіи всякаго рода представляетъ это сочиненіе».

«Также и третью главу свою, о византійскихъ эмаляхъ собраній Звенигородскаго» Кондаковъ съумѣлъ оживить самымъ поучительнымъ образомъ болѣе или менѣе подробными отдѣльными иконографическими изслѣдованіями, присоединенными къ разсмотрѣнію того или другого предмета, а потомъ массою афористическихъ замѣтокъ: все это разростается у него во всеобщую исторію византійскаго искусства».

Указавъ затѣмъ на значеніе 12 эмалевыхъ медальоновъ коллекціи А. В. Звенигородскаго и переходя къ орнаментальной части той же коллекціи, рецензентъ говоритъ, что объясненіе ихъ, «представляющее цѣлую исторію развитія византійскаго орнамента вообще, есть, по нашему мнѣнію, самый превосходный отдѣлъ всей книги, безъ сомнѣнія и всего болѣе разработанный, потому что это единственный отдѣлъ сочиненія, гдѣ авторъ въ заключеніе высказываетъ въ сжатыхъ тезисахъ окончательные свои результаты».

Наконецъ, рецензентъ съ симпатіей указываетъ главное содержаніе IV главы. Въ заключеніе онъ

приводитъ слова проф. Кондакова, что уже въ началѣ нашего лѣтосчисленія образовалась самостоятельная славянская культура; отъ этого «раннія средневѣковыя русскія древности должны впослѣдствіи стать въ средоточіе археологическихъ изслѣдованій этого періода, потому что онѣ представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для той художественной исторіи среднихъ вѣковъ, которая должна быть воздвигнута на совершенно новыхъ основахъ». Только на этомъ пути станетъ возможно для изслѣдователей Западной Европы «напасть на слѣдъ начала народнаго искусства въ Италіи и Германіи».

«Изъ этихъ короткихъ цитатъ становится достаточно ясно, говоритъ въ концѣ Павелъ Веберъ, отчего Кондаковъ, односторонне воодушевленный въ сторону славянской культуры, съ самаго же начала отказался связать свои изслѣдованія съ западно-европейскою культурою и литературою, на чтó мы съ горестью указывали въ самомъ же началѣ. И это наше сожалѣніе ничуть не уменьшается отъ того соображенія, что, обладая такими обширными свѣдѣніями, было бы уже легко протянуть нити, связующія обѣ области изслѣдованія, старую западную, богато разработанную и тщательно возращенную, и новую восточную, только въ настоящую минуту раскрытую, полную надеждъ, но отчасти еще расплывающуюся въ неисповѣдимой дали».

Fr. Bock: «Die Byzant. Zellenschmelze der Samml. Swenigorodskoi.

Въ своей книгѣ: «Die Byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung D-r. Alex. von Swenigorodskoi», выпущенной въ свѣтъ въ 1895 году, въ Ахенѣ, докторъ Францъ Бокъ посвящаетъ значительное количество

страницъ подробному описанію этой книги, и съ величайшею симпатіей указываетъ на громадную заслугу собирателя и издателя, а также на великія достоинства книги, какъ научныя, относительно текста, такъ и художественныя и художественно-промышленныя, относительно внѣшности книги. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Для изданія монументальнаго труда, о какомъ мечталъ, какъ объ идеалѣ, А. В. Звенигородскій, и который долженъ былъ, съ высшей точки зрѣнія разсматривать исторію византійской эмали въ непосредственной связи съ прочими отраслями византійскаго искусства, а также въ связи съ гагіографіей греческой церкви, дѣло шло о томъ, чтобы найти такую испытанную силу, которая своими прежними трудами на обширномъ поприщѣ византійско-греческаго искусства пріобрѣла уже себѣ европейскую извѣстность. Только русскій ученый, вполнѣ владѣющій всѣмъ объемомъ византійскаго искусства и гагіографіи греческой церкви былъ въ состояніи разрѣшить поставленную великую задачу: дать археологическо-научное описаніе совершенно единственнаго собранія Звенигородскаго. Такого ученаго съ обширными знаніями нашелъ нашъ меценатъ въ лицѣ Н. Кондакова, профессора С.-Петербургскаго университета и старшаго хранителя императорскаго Эрмитажа. Профессоръ Кондаковъ принялъ почетное предложеніе. Что выборъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названъ превосходнымъ, очевидно доказывается появившимся нынѣ изданіемъ.

«Въ послѣднее время, свѣдущіе спеціалисты своими отзывами въ нѣмецкой и иностранной печати, и въ

разнообразнѣйшихъ ученыхъ журналахъ, достойно оцѣнили высокое научное значеніе сочиненія проф. Кондакова, и признали его во всѣхъ отношеніяхъ «составляющимъ эпоху» (epochemachend); затѣмъ, ученыя корпораціи и общества высказали интеллектуальному виновнику и создателю изданія единодушныя хвалы и всестороннее признаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ главы государствъ Западной Европы, съ папою Львомъ XIII во главѣ, выразили ему вполнѣ заслуженную признательность за воскрешеніе мало лелѣянной до сихъ поръ художественной отрасли, и даровали ему высокіе знаки отличія. Послѣ всего этого было бы слишкомъ надменно, съ нашей стороны, выступить съ новою еще рецензіею. Но такъ какъ, въ продолженіе многихъ десятилѣтій, мы, во время обширныхъ путешествій, предпринятыхъ съ цѣлью изданія книги: «Die Kleinodien des hl. Römischen Reiches Deutscher Nation», изучили золотыхъ дѣлъ мастерство, и съ особенною любовью изслѣдовали западно-европейскія, а равно и византійскія эмали, то мы сочли своею обязанностью выполнить много разъ обращенную къ намъ просьбу А. В. Звенигородскаго, подробно разсмотрѣть и обсудить настоящее изданіе».

Приступивъ затѣмъ къ описанію внѣшности этой книги, докторъ Фр. Бокъ заявляетъ, что въ художественномъ отношеніи она «не была превзойдена ни одною другою книгою, той же категоріи, конца XIX вѣка». Относясь съ величайшею похвалою къ бумагѣ нѣмецкой работы, а также къ печати и хромолитографіи, отлично выполненнымъ въ заведеніи А. Остеррита во Франкфуртѣ на Майнѣ и къ русской

печати въ С.-Петербургѣ, въ типографіи М. М. Стасюлевича, докторъ Бокъ говоритъ, что «переплетъ можетъ быть названъ совершенно своеобразнымъ мастерскимъ произведеніемъ нѣмецкаго переплетнаго искусства. Онъ выполненъ фирмою «Гюбель и Денкъ», въ Лейпцигѣ, по геніальнымъ рисункамъ талантливаго архитектора И. П. Ропета, на основаніи византійскихъ миніатюръ и образцовъ. Лейпцигская фирма употребила на покрышку переплета особливо изготовленную бѣлую кожу и произвела на ней свои тисненія, нарочно устроенными для того машинами, такимъ образомъ, что по выходящей изъ ряду вонъ точности и художественному совершенству, никакой переплетъ новыхъ временъ не можетъ идти въ сравненіе съ этимъ...

«Что́ касается художественныхъ силъ, употребленныхъ на украшеніе настоящаго изданія, то прежде всего заслуживаютъ величайшей похвалы полныя стиля композиціи упомянутаго уже выше архитектора И. П. Ропета, которымъ высоко художественно сочинены не только величественный полихромный «посвятительный листъ», оба заглавныхъ листа, а также заключительныя виньетки въ концѣ главъ, но также непогрѣшимые проекты для великолѣпнаго переплета, богатаго обрѣза внутреннихъ листовъ переплета, потомъ для тканой изъ золота и серебра закладки, изящно-орнаментированной шелковой обложки: всѣ послѣдніе тканые предметы были выполнены знаменитою фирмою Сапожниковыхъ въ Москвѣ. Тѣмъ же художникомъ, И. П. Ропетомъ, сочиненъ проектъ древняго фамильнаго герба рода Звенигородскихъ: гербъ заключенъ въ романскій

четвероугольникъ и украшаетъ заднюю сторону переплета. Мы однако, предпочли бы, чтобъ художникъ поставилъ этотъ фамильный гербъ, въ гармоніи со стильнымъ своимъ проектомъ, внутри сердцеобразной рамки, на манеръ раннихъ романскихъ щитовъ, а не въ щиткѣ поздняго ренесанса. Замѣтимъ еще, что многія превосходныя гравюры на деревѣ, отпечатанныя въ текстѣ, выполнены профессоромъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, В. Маттэ, на основаніи фотографическихъ снимковъ съ лучшихъ византійскихъ и греческихъ оригиналовъ...

«Такимъ образомъ, вслѣдствіе единодушной дѣятельности выдающихся научныхъ и художественно-промышленныхъ силъ, подъ тщательнымъ надзоромъ А. В. Звенигородскаго, котораго, какъ человѣка, привыкшаго къ совершенству по части художественныхъ дѣлъ, не легко удовлетворить, явилось на свѣтъ такое произведеніе, которое, какъ *monumentum aere perennius*, во всѣхъ отношеніяхъ способно служить, даже въ далекомъ будущемъ, для отличныхъ и высокихъ меценатовъ, примѣромъ и образцомъ того, ка́къ надо великодушно и безкорыстно употреблять богатыя средства на созданіе въ пользу искусства и археологіи произведеній, подобныхъ нынѣшнему».

Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ, по тексту профессора Кондакова, технику различнаго рода эмалей у древнихъ народовъ, докторъ Францъ Бокъ останавливается на такъ называемыхъ «варварскихъ эмаляхъ», и при этомъ замѣчаетъ: «Во многихъ отдѣлахъ авторъ распространяется, съ великою начитанностью, объ этихъ эмаляхъ у разныхъ культурныхъ наро-

довъ Востока и Запада. Насколько простираются наши изученія въ обширной, но еще часто темной области этихъ работъ, за первые пять вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, работъ, охотно называемыхъ нынче «варварскими перегородчатыми эмалями», мы рѣшительно держимся того мнѣнія, что надо смотрѣть на эти многоцвѣтныя произведенія *artis fabrilis*, со временъ переселенія народовъ и до конца Меровинскаго періода, какъ на вполнѣ удовлетворительный суррогатъ для работъ, подобныхъ перегородчатымъ эмалямъ, или для дѣйствительныхъ перегородчатыхъ эмалей. Въ этомъ числѣ надо считать многочисленныя металлическія работы, куда вставлены, для оживленія, многоцвѣтные стеклянные сплавы, или плоскіе драгоцѣнные камни, въ оправахъ, вперемежку съ выпуклыми драгоцѣнными каменьями *in lectulis* (въ гнѣздахъ, à cabochon). Французскіе ученые и археологи называютъ эту технику «варварскихъ эмалей»—*verroterie cloisonnée*. Такія каменныя или стеклянныя перегородчатыя украшенія, созданныя національно-германскимъ металлическимъ искусствомъ, встрѣчаются еще во множествѣ: а) на орнаментальныхъ предметахъ и сосудахъ вестъ-готовъ, какъ въ кладѣ вестъ-готскаго царя Атанариха [1]), найденномъ въ Петросѣ (въ великой Валахіи) и находящемся нынѣ въ Бухарестскомъ музеѣ, такъ и на обѣтныхъ коронахъ испанскихъ вестъ-готскихъ царей, найденныхъ въ Гаррацарѣ близь Толедо и хранимыхъ нынѣ въ Hôtel Cluny въ Парижѣ; б) на золотомъ диптихѣ

[1]) См. наше сочиненіе: «Der Schatz des Westgothenkönigs Athanarich. Wien, 1857.

(*theca aurea*) лонгобардской царицы Теодолинды, подаренномъ ею дворцовой ея церкви св. Іоанна въ Монцѣ, хранимомъ и понынѣ тамъ [1]); в) на великолѣпномъ мечѣ и драгоцѣнныхъ предметахъ франкскаго короля Хильдериха, найденныхъ въ Турнэ въ 1653 году, и находящихся до нынѣ, по частямъ, въ Луврѣ, въ Парижѣ; далѣе, на потирѣ св. Элигія, прежде хранившемся въ Шельскомъ аббатствѣ близь Парижа, и нарисованномъ и описанномъ въ превосходномъ сочиненіи Шарля Линаса: «Orfévrerie Mérovingienne» (Paris, 1864).

«Эти до сихъ поръ сохраняемые въ разныхъ церковныхъ ризницахъ и музеяхъ многочисленные предметы, памятники металлическаго искусства германскихъ народовъ, идущіе изъ тѣхъ временъ, которыя послѣдовали непосредственно за переселеніемъ народовъ, могутъ служить доказательствомъ того, что эти племена, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ также незнакомыя съ эмальною техникою Эллады и Лаціума, все-таки сохраняли и разработывали свою собственную національную художественную технику и производство. Быть можетъ, существованіе этихъ, отчасти великолѣпныхъ остатковъ германско-металлическаго производства, доказываетъ съ полною очевидностью, что эти племена, у которыхъ мы встрѣчаемъ самостоятельную національную технику металлическихъ искусствъ, стояли на болѣе высокой художественной ступени, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и что поэтому ихъ не слѣдуетъ обзывать ходячимъ

---

[1]) Сравни: *Cochet*. Le tombeau de Childéric, p. 231; далѣе, рисунокъ въ нашемъ сочиненіи: «Die Kleinodien des heil. Römischen Reiches deutscher Nation nebst den Kroninsignien Böhmens, Ungarns und der Lombardei.

именемъ «варваровъ». Вслѣдствіе того, мы бы предложили выкинуть вонъ выраженіе «варварскія эмали», и называть ихъ стеклянными работами, т.-е. многоцвѣтными перегородчатыми стеклами остъ-готовъ, вестъ-готовъ, лонгобардовъ, франковъ, бургундовъ и англо-саксовъ».

Послѣ того, докторъ Францъ Бокъ съ сочувствіемъ излагаетъ обширный отдѣлъ книги профессора Кондакова о византійской эмали и употребленіи этого богатаго производства византійскимъ дворомъ и византійскою церковью. Далѣе, переходя къ вопросу о началѣ перегородчатой эмали въ Западной Европѣ, докторъ Францъ Бокъ говоритъ: «Мы не имѣемъ возможности согласиться съ утвержденіемъ Кондакова и его предшественника, Лабарта, что только около 1066 года искусство дѣлать многоцвѣтную перегородчатую эмаль пришло на Западъ, вслѣдствіе вліянія художественно-образованнаго Монте-Кассинскаго аббата. Долголѣтнее изученіе многихъ, и до сихъ поръ существующихъ на Западѣ перегородчатыхъ эмалей, которыя мы имѣли случай разсматривать одну за другою, на самыхъ мѣстахъ ихъ нахожденія, и подробно сравнивать съ византійскими оригиналами, приводитъ насъ къ заключенію, что уже во второй половинѣ X вѣка процессъ производства многоцвѣтныхъ перегородчатыхъ эмалей былъ извѣстенъ и употребителенъ въ Италіи, а также и по сю сторону горъ, и это пристрастіе къ золотымъ предметамъ богослуженія, украшеннымъ многоцвѣтною эмалью, широко было распространено на Западѣ. Многія эмалевыя работы на Миланскомъ алтарѣ — endothis altaris, а также на Желѣзной Ко-

ронѣ въ Монцѣ, должны служить доказательствами того, что даже въ первой половинѣ X вѣка перегородчатыя эмали часто работались на Западѣ. Перегородчатыя эмали на крестахъ въ Эссенской ризницѣ, изъ временъ Оттоновъ, далѣе—многочисленныя перегородчатыя эмали изъ школы великаго Эгберта, до сихъ поръ хранимыя въ ризницахъ Тріерской и Лимбургской, наконецъ, эмальныя изображенія Апостоловъ на перекрестьѣ Венгерской короны св. Стефана съ ихъ латинскими эмальными надписями, должны быть всѣ разсматриваемы, какъ полновѣсныя доказательства того, что болѣе чѣмъ за цѣлое столѣтіе ранѣе Дезидерія, какъ по ту, такъ и по сю сторону горъ, благородная техника перегородчатой эмали была высоко цѣнима, и въ сильномъ употребленіи и развитіи, у западныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Такимъ образомъ, если многоцвѣтныя перегородчатыя эмали производились въ Италіи и Германіи не около 1066 года Монте-Кассинскою школой, но еще ранѣе, въ послѣдней половинѣ X вѣка, то вполнѣ законно возникаетъ здѣсь вопросъ: какъ и какимъ путемъ восточно-византійское художественное производство перегородчатыхъ эмалей пришло на Западъ, и именно въ Италію и Германію, уже въ X вѣкѣ?»

Вслѣдъ затѣмъ, докторъ Францъ Бокъ говоритъ: «Въ своемъ національно-законномъ пристрастіи къ византійской и кавказской перегородчатой эмали, профессоръ Кондаковъ немного въ родѣ мачихи отнесся къ многочисленнымъ перегородчатымъ эмалямъ, сработаннымъ на Западѣ непосредственно до и послѣ X вѣка, и до сихъ поръ еще имѣющимся налицо; сверхъ того, русскій археологъ не познако-

мился на мѣстѣ съ многими западными перегородчатыми эмалями и не анатомировалъ ихъ лично самъ, но узналъ ихъ только по мало удачнымъ хромолитографическимъ рисункамъ. Не можетъ также не казаться удивительнымъ, что ученый гагіографъ, во время своего изслѣдовательнаго путешествія по Германіи, не разсматривалъ, въ Тріерской соборной ризницѣ, находящіяся тамъ многочисленныя перегородчатыя эмали изъ школы тріерскаго архіепископа Эгберта. Иначе, онъ, безъ сомнѣнія, высказалъ бы гораздо болѣе благопріятное сужденіе о перегородчатыхъ эмаляхъ, выполненныхъ на Западѣ, въ послѣдней четверти X вѣка, подъ руководствомъ художественно образованнаго Эгберта. Мы вполнѣ убѣждены, что еслибъ Кондаковъ, даже мимоходомъ, посѣтилъ древній императорскій Тріеръ и разсмотрѣлъ хранимыя въ тамошней соборной ризницѣ западныя эмали, находящіяся на знаменитой Эгбертовой ракѣ и на покрытомъ перегородчатыми эмалями ковчегѣ того же архіепископа, въ которомъ хранится, по преданію, св. Гвоздь,—онъ навѣрное почувствовалъ бы необходимость помѣстить, въ своемъ много разъ упомянутомъ великолѣпномъ изданіи, также и изображеніе и описаніе Тріерской перегородчатой эмали, въ такомъ видѣ, какъ это прекрасно сдѣлано на нашей табл. 23, въ краскахъ, а въ текстѣ подробно на страницахъ 119—124, относительно перегородчатыхъ эмалей на обшивкѣ алтаря св. Амвросія въ Миланскомъ соборѣ, которыя едва на 100 лѣтъ древнѣе этой обшивки. И это потому, что какую цѣнность имѣютъ для Италіи, по ту сторону горъ, западныя эмалевыя работы X вѣка на знаменитой золотой

обшивкѣ алтаря св. Амвросія въ Миланѣ, относительно историческаго развитія западной перегородчатой эмали, точно такую же имѣютъ, по сю сторону горъ, также многія перегородчатыя эмали на Эгбертовой ракѣ и на Эгбертовомъ золотомъ ковчегѣ для св. Гвоздя въ Тріерѣ, а также перегородчатыя эмали, покрывающія изнутри стѣнки замѣчательной мощехранительницы, содержащей посохъ апостола Петра въ ризницѣ Лимбургскаго собора. Надо къ этому прибавить, что надписи на трехъ послѣдне-помянутыхъ chefs d'oeuvre'ахъ западнаго перегородчато-эмальнаго искусства указываютъ на то, что они происходятъ изъ Тріерской мастерской тѣхъ *aurifabri* (золотыхъ дѣлъ мастеровъ), которые по порученію, а можетъ быть и по рисункамъ, Эгберта выполняли эти великолѣпные предметы церковнаго золотыхъ дѣлъ мастерства.

«Еслибы, какъ выше сказано, Кондаковъ видѣлъ и изучилъ эмали Тріерскія, а также эмали на рукописномъ евангеліи Оттоновъ, прежде хранимомъ въ Эхтернахѣ, а нынче въ Готѣ,—которыя по надписямъ всѣ принадлежатъ времени правленія императоровъ Оттона II и Оттона III, а по сочиненію и техникѣ стоятъ гораздо выше эмалей на Миланской *endothis altaris* и Желѣзной Коронѣ въ Монцѣ, тогда нашъ авторъ ближе подошелъ бы къ тому вопросу, къ которому мы хотимъ теперь перейти: ка́къ золотыхъ дѣлъ мастера и эмальеры Эгберта добывали извѣстные стеклянные сплавы для приготовленія эмалей, и откуда они получали познаніе техническаго производства перегородокъ на золотомъ фонѣ, для впусканія туда эмалевой массы»?..

Послѣ того, докторъ Францъ Бокъ излагаетъ свои соображенія о переходѣ эмалевыхъ предметовъ и эмалеваго искусства изъ Византіи въ Римъ, и вообще на Западъ, при посредствѣ торговыхъ сношеній, переселенія мастеровъ, калифскихъ дворовъ въ Испаніи и сицилійскихъ мавританскихъ знаменитыхъ фабрикъ, и говоритъ въ заключеніе: «Въ своемъ изложеніи, руководясь сочиненіемъ Кондакова, я указалъ на огромное количество эмальныхъ работъ, произведенныхъ во времена Константина VII золотыхъ дѣлъ мастерами и эмальерами Золотой Палаты въ Зевксиппѣ; потомъ, я говорилъ про то, что рядомъ съ этими художественными мастерами, работавшими исключительно для двора, были также въ Новомъ Римѣ на Босфорѣ многочисленные золотыхъ дѣлъ мастера и эмальеры, произведенія которыхъ, многообильныя эмали, пользовались на Западѣ великимъ распространеніемъ, благодаря торговлѣ. Теперь будетъ кстати подойти къ вопросу, гдѣ теперь еще, на Западѣ, сохранились выходящія изъ ряду вонъ византійскія перегородчатыя эмали, которыя, съ одной стороны, прямо посредствомъ торговли прибывали на западные рынки по сю и по ту сторону горъ, а съ другой стороны возникли на почвѣ Запада, можетъ быть, какъ работа пріѣзжихъ византійскихъ мастеровъ и ихъ учениковъ...

«Профессоръ Кондаковъ поставилъ себѣ спеціальною задачею изслѣдовать, въ своемъ сочиненіи, по источникамъ, между прочимъ, византійскія перегородчатыя эмали, существующія до сихъ поръ еще на Западѣ, и изобразить ихъ и описать, въ параллель съ родственными по формѣ перегородчатыми эмалями

знаменитаго собранія А. В. Звенигородскаго. Наша же задача будетъ состоять въ томъ, чтобъ перечислить, по порядку странъ, находящіяся еще и въ настоящее время на Западѣ византійскія и западныя перегородчатыя эмали, и при этомъ въ особенности выставить на видъ и освѣтить западныя перегородчатыя эмали, выполненныя учениками и послѣдователями греческихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ»...

Сообразно съ такою программою, докторъ Францъ Бокъ подробно разсматриваетъ въ своемъ обширномъ сочиненіи перегородчатыя эмали, находящіяся въ общественномъ и частномъ владѣніи въ Сѣверной и Средней Италіи, а также въ Сициліи, Германіи, Австріи, Венгріи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Англіи и Даніи.

Францъ Бокъ.

Несторъ германскихъ археологовъ, знаменитый докторъ Францъ Бокъ, писалъ А. И. Звенигородскому 25 марта (н. ст.) 1894 года, изъ Ахена: «Ваше по царски роскошное изданіе было для меня краснымъ яичкомъ къ Пасхѣ... Великодушное опубликованіе этой великолѣпной книги прочно и надолго утвердитъ съ почетомъ имя художественнаго и щедраго издателя въ лѣтописяхъ искусства, археологіи и науки о священныхъ предметахъ».

Фрицъ Берндтъ.

Директоръ Ахенскаго музея, Фрицъ Берндтъ, въ письмѣ отъ 28 марта (н. ст.) 1894 года, изъ Ахена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Хотя я не принадлежу къ числу знатоковъ той отрасли византійскаго искусства, которая трактована въ вашей книгѣ

съ совершенною полнотой, но я все-таки сознаю съ благодарностью, что вслѣдствіе долголѣтнихъ сношеній съ вами и нашихъ бесѣдъ объ этой отрасли искусства, а также и вслѣдствіе оживленныхъ указаній вашихъ, я получилъ свѣтлое понятіе о томъ, какое значеніе должно быть признано за византійскимъ искусствомъ въ развитіи европейскаго средневѣковаго искусства. Мнѣ привелось увидѣть ваши безцѣнныя собранія византійскихъ эмалей очень скоро послѣ пріобрѣтенія ихъ вами, и быть свидѣтелемъ вашихъ усилій къ тому, чтобы сдѣлать ихъ доступными всей публикѣ, посредствомъ описанія и воспроизведенія въ рисункахъ: я имѣлъ возможность слѣдить за этимъ съ симпатіей и интересомъ, отъ самаго начала и до приведенія къ концу этого изданія. Первыя фельетонныя статьи о вашихъ эмаляхъ разрослись, съ теченіемъ времени, въ цѣлую исторію византійской эмали, и это подъ перомъ самаго значительнаго художественнаго знатока этой отрасли, и первая, малозначительная на видъ, книжечка, соединившая въ себѣ газетныя статьи, превратилась въ великолѣпное изданіе, не имѣющее себѣ подобнаго во всемъ литературномъ мірѣ.

«Нынче часто жалуются на то, что въ искусствѣ и наукѣ чувствителенъ недостатокъ въ идеальномъ стремленіи и что проявляется лишь исключительная забота о выгодѣ. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать это подробно, но для всякаго, кто ознакомится съ вашимъ изданіемъ, будетъ несомнѣнно то, что здѣсь явно высказывается стремленіе оказать самымъ идеальнымъ образомъ услугу художественной наукѣ словомъ, печатью и наглядныымъ изображеніемъ. Дѣй-

ствительность показываетъ, что это удалось вамъ блистательнымъ образомъ, и я прошу васъ принять также и отъ меня пожеланія счастія».

Домашній прелатъ Его Святѣйшества Папы, домъ-капитуляръ Майнцскаго собора, каноникъ докторъ Фридрихъ Шнейдеръ, въ письмѣ отъ 3 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Майнца, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваша великолѣпная книга есть такое совершенное художественное созданіе, которому наврядъ ли есть другое подобное. То немногое, что̀ мнѣ удалось сдѣлать для книги, во время ея изготовленія, не можетъ, конечно, имѣть ни малѣйшей претензіи считаться чѣмъ-то; не менѣе наполняетъ меня радостью то, что вамъ суждено было довести до конца свой долголѣтній и стоившій столько усилій трудъ, и пустить его въ свѣтъ. Я долженъ признаться, что въ теченіе послѣдняго года я много разъ навѣдывался и о вашемъ здоровьѣ, и о положеніи изданія, не безъ внутренняго опасенія, не задержатъ ли его какъ-нибудь внѣшнія обстоятельства. Теперь я избавился отъ всѣхъ своихъ страховъ, и считаю своимъ долгомъ поздравить васъ отъ всей души съ благополучнымъ окончаніемъ этого «дѣла вашей жизни». Я столько разъ бывалъ свидѣтелемъ вашихъ заботъ, что теперь считаю себя въ правѣ къ тому. Конечно, не будетъ недостатка въ похвалахъ и признаніяхъ вашего достоинства»... *Фридрихъ Шнейдеръ.*

Директоръ Дюссельдорфской художественно-промышленной школы, Фраубергеръ, писалъ А. В. Звенигородскому 5 апрѣля (н. ст.) 1894 года: «Я сего- *Фраубергеръ.*

дня чуть не цѣлый день провелъ, изучая ваше художественно- и научно-великолѣпное изданіе. Даже поверхностное перелистываніе книги, гдѣ эмалевыя изображенія святыхъ и орнаментика переданы съ обманывающею глазъ правдою, гдѣ форма и содержаніе совпадаютъ въ самой необычайной степени,—доставило мнѣ такое наслажденіе, какого я еще отродясь не испытывалъ. Это изданіе оставляетъ далеко позади себя всѣ бывшія до сихъ поръ роскошныя изданія. Это — художественное, первоклассное произведеніе».

Александръ Шнютгенъ.

Редакторъ Кёльнской художественной газеты «Zeitschrift für Christliche Kunst», Александръ Шнютгенъ, въ письмѣ отъ 15 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Кёльна, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваша драгоцѣнная книга такова, что я, относительно блеска и красоты внѣшности, не могу поставить съ нею на ряду ни одну другую книгу. Она доставила мнѣ великую радость. Этимъ блестящимъ обнародованіемъ вы воздвигли вашему собранію, или, лучше сказать, вашей любви, достойный памятникъ, и я желаю вамъ отъ души успѣха его».

Д-ръ Шейнсъ.

Директоръ Мюнстерейфельской гимназіи, докторъ Шейнсъ, въ письмѣ отъ 13 мая (н. ст.) 1894 года, изъ Мюнстерейфеля, писалъ А. В. Звенигородскому: «Царской внѣшности вашего изданія соотвѣтствуетъ и солидность его содержанія; здѣсь выступаетъ передъ нами, въ великолѣпномъ уборѣ, истинно научная работа... Во всей Европѣ лишь немногіе авторы имѣли бы возможность представить вамъ, въ отвѣтъ,

свое сочиненіе, изданное съ такимъ же, или хотя бы съ подобнымъ же великолѣпіемъ. На многія будущія столѣтія, не только ваше драгоцѣнное собраніе эмалей, но и вашъ литературный памятникъ сдѣлаютъ имя Звенигородскаго почтеннымъ среди ученаго міра; и, кто знаетъ, можетъ быть книга переживетъ собраніе».

Е. Фроммъ.

Библіотекарь Ахенской городской библіотеки, докторъ Е. Фроммъ, писалъ А. В. Звенигородскому 30 сентября (н. ст.) 1894 года, изъ Ахена: «Цѣнность вашей книги лежитъ для меня не только въ необыкновенномъ научномъ и художественномъ ея значеніи, но также и въ личности издателя, вполнѣ преданнаго осуществленію великой идеи, и изъ бесѣдъ съ которымъ я почерпалъ не разъ такія высокія чувства, какія въ наши времена, къ сожалѣнію, проявляются слишкомъ рѣдко».

Д-ръ Энгельгардтъ.

Учитель Лингенской гимназіи, докторъ Энгельгардтъ, въ письмѣ отъ 23 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Лингена-на-Эмсѣ говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я зналъ уже довольно давно, что вы готовите къ изданію необычайно-примѣчательный, составляющій эпоху трудъ, но то, что̀ теперь появляется на свѣтъ, превосходитъ мечты самаго смѣлаго воображенія. Во время моихъ художественныхъ работъ я имѣлъ въ рукахъ много дорогихъ изданій, но они только блѣдныя тѣни вашего монументальнаго изданія... Какую ни имѣй къ вамъ благодарность, она блѣднѣетъ передъ тѣмъ идеализмомъ, который дышетъ въ вашемъ твореніи... Все золото, и краски, и

13

великолѣпіе, и искусство въ вашемъ изданіи, служатъ только оправой жемчужинѣ—идеализму вашему, который является чѣмъ-то совершенно единственнымъ во всей литературѣ культурныхъ народовъ: онъ соединилъ вмѣстѣ драгоцѣннѣйшее изъ драгоцѣннѣйшаго, дѣльнѣйшее изъ дѣльнѣйшаго, чтобы родить на свѣтъ нѣчто совершенно единственное въ области науки. Вы открыли для науки драгоцѣнный источникъ, который плодотворно будетъ дѣйствовать на вѣки вѣчные».

Францъ фонъ-Винкель.

Профессоръ медицины Францъ фонъ-Винкель, въ письмѣ отъ 23 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Мюнхена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше драгоцѣнное изданіе превосходитъ, своимъ изумительнымъ внѣшнимъ уборомъ, все мною до сихъ поръ видѣнное, и, изучивъ подробно содержаніе книги, я намѣренъ предложить одному изъ здѣшнихъ ученыхъ обществъ разсмотрѣть ее, а самъ представлю о ней небольшой рефератъ, потому что красоту и великолѣпіе подобныхъ предметовъ необходимо предлагать вниманію многихъ».

Альфредъ Ваагъ.

Директоръ художественно-промышленной школы въ Пфорцгеймѣ, Альфредъ Ваагъ, въ письмѣ отъ 31 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Пфорцгейма, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше блистательно-роскошное изданіе полно рѣшительно-исключительнаго высокаго совершенства во всѣхъ своихъ частяхъ; все то, чего много лѣтъ ожидали спеціалисты-ученые, болѣе чѣмъ выполнено теперь, съ появленіемъ вашего великаго изданія. Рисунки и

текстъ представляютъ цѣлую массу всего поучительнаго. Все вмѣстѣ величественно и единственно по красотѣ. Это важный памятникъ, достойный своего высокосердечнаго благороднаго создателя, творенiе съ выдающимся значенiемъ и вѣковѣчною цѣнностью. Научный мiръ будетъ вамъ навсегда благодаренъ. Съ вашего позволенiя я намѣренъ выставить эту книгу въ библiотекѣ нашего учрежденiя, для того, чтобъ она не только служила наученiемъ воспитывающимся будущимъ художникамъ, но и свидѣтельствомъ свѣтлаго радостнаго пожертвованiя великаго человѣка на пользу наукѣ и искусству».

Гофмаршалъ герцога Кобургъ-Готскаго, принцъ Эгонъ Ратиборъ, въ письмѣ отъ 2 ноября (н. ст.) 1894 г., говорилъ А. В. Звенигородскому: «Вы доставили мнѣ необыкновенную радость своимъ въ высшей степени интереснымъ и роскошнымъ изданiемъ; я никогда не забуду этого, и мнѣ было бы крайне прiятно чѣмъ-нибудь, при случаѣ, отблагодарить васъ». *Принцъ Эгонъ Ратиборъ.*

Гофмаршалъ князя Шварцбургъ-Рудольштадтскаго, А. фонъ-Клюберъ, въ письмѣ отъ 15 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Рудольштадта, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изумительное изданiе интересуетъ меня въ высшей степени, и хотя я едва только успѣлъ его перелистовать, но вполнѣ убѣдился, что высоко-интересный предметъ разработанъ до послѣдней возможности, а что̀ касается до рисунковъ, то книга ваша украшена такими превосходными и великолѣпными рисунками, какихъ я никогда еще не видывалъ». *А. фонъ-Клюберъ.*

Германъ Ригель.

Директоръ герцогскаго Брауншвейгскаго Музея, Германъ Ригель, въ письмѣ отъ 26 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Брауншвейга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе вынуждаетъ удивленіе уже и своею внѣшностью, полною рѣдчайшаго и стильнаго вкуса, высочайшей точности и великаго богатства. Оно внушаетъ самое упорное желаніе, увидать собственными глазами сокровища вашего собранія. Я твердо убѣжденъ, что изученіе этой книги поведетъ за собою обширное знаніе. Для меня же лично книга эта будетъ не только драгоцѣннымъ предметомъ обладанія, но еще и дорогимъ воспоминаніемъ о художественномъ изслѣдователѣ, отличающемся столько же своими превосходными знаніями, какъ и самоотверженною любовью къ своему предмету, и котораго я имѣлъ счастіе узнать еще въ маѣ 1875 года. Дай Богъ, чтобъ вамъ случилось еще когда-нибудь посѣтить нашъ музей!»

Эрнстъ Курціусъ.

Профессоръ Эрнстъ Курціусъ, въ письмѣ отъ 19 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Берлина, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе—единственное въ своемъ родѣ роскошное изданіе! Изученіе византійской культуры вступило въ настоящее время, въ Германіи, въ новый стадіумъ, и ваше величественное изданіе будетъ имѣть тѣмъ болѣе успѣха».

Стефанъ Бейсель.

Генералъ Германскихъ іезуитовъ, въ Экзатенѣ, Стефанъ Бейсель, въ письмѣ отъ 19 января (н. ст.) 1895 года, изъ Экзатена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я видѣлъ уже у гг. Штретера и Шнютгена экземпляры вашего великолѣпнаго изданія, и

особенно интересовался имъ, потому что обладаю всѣми сочиненіями объ этомъ предметѣ и основательно изучилъ всѣ образцы эмали, существующіе въ Германіи и Италіи. Поэтому, если такая изящно убранная книга, какъ ваша, есть украшеніе каждой библіотеки, куда бы она ни поступила, то для меня содержаніе ея имѣетъ еще бо́льшее значеніе».

Павелъ Шуманъ.

Художественный критикъ Мюнхенскаго журнала «Kunst für Alle», докторъ Павелъ Шуманъ, писалъ А. В. Звенигородскому 1 февраля (н. ст.) 1895 года изъ Блазевица: «Я рѣдко, или, сказать вѣрнѣе, никогда не видѣлъ такой изящной и строго стильной книги. Это настоящее сокровище. Содержаніе стоитъ на одной и той же высотѣ съ внѣшностью. Наврядъ ли вы могли бы избрать болѣе подходящаго къ задачѣ ученаго, чѣмъ проф. Кондаковъ. Знаменитый нашъ Антонъ Шпрингеръ, котораго лекціи я слушалъ въ 1877—80 годахъ, уже и тогда признавалъ его за лучшаго знатока византійскаго искусства. Кондаковъ раскрываетъ ныньче въ своей книгѣ изумительно богатый источникъ знанія по этой части. Вамъ же принадлежитъ та заслуга, что вы дали возможность этому научному дѣлу проявиться на свѣтъ».

Э. фонъ-Берлепшъ.

Э. фонъ - Берлепшъ, въ письмѣ отъ 4 февраля (н. ст.) 1895 года, изъ Мюнхена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Въ недавней статьѣ своей, напечатанной въ «Zeitschrift des Bayerischen Kunst-Gewerbe-Vereins», 1894) я указывалъ на то, что въ очень многихъ случаяхъ славянскій міръ былъ носителемъ

классической художественной техники гораздо болѣе, чѣмъ романо-германскій міръ. Поводомъ къ этимъ соображеніямъ послужила довольно продолжительная поѣздка по Далмаціи и прилегающимъ къ ней странамъ, съ цѣлью изученія ихъ. Именно въ этомъ отношеніи эмаль играетъ крупную роль. Но я до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ подробной и основательной оцѣнки раннихъ проявленій христіанскихъ искусствъ, каковы, напримѣръ, реликварій главы св. Власія въ Рагузѣ, реликварій главы св. Трифона въ Каттаро и т. д. Книга Эйтельбергера неполна, и притомъ же, для предотвращенія всякаго протеста, названа «каникулярной работой»; Джаксонъ, конечно, собралъ въ своихъ трехъ томахъ весь наличный матеріалъ, но скорѣе въ смыслѣ каталожно-критическомъ, чѣмъ въ смыслѣ общаго изложенія. Своеобразное положеніе художниковъ, которыхъ произведенія возникли на этомъ Адріатическомъ побережьѣ, выступленіе славянскаго традиціоннаго производства, въ противуположность вліяніямъ романскаго искусства, дававшаго вездѣ себя чувствовать посредствомъ вліяній венеціанскихъ—все это ждетъ еще разработки. Коренною основою здѣсь всегда будутъ, конечно, византійскія эмальныя работы, которыя вначалѣ оказывали свое вліяніе издалека, изъ своей родины, а позже, когда онѣ сильно распространились по всѣмъ христіанскимъ церквамъ, стали непосредственно служить образцами. Изученіе вашего изданія должно быть для меня драгоцѣнно».

Въ другомъ письмѣ, отъ 11 февраля, онъ прибавлялъ къ предыдущему: «Изумительное ваше изданіе обогащено такимъ внѣшнимъ нарядомъ, какой

только нѣжный отецъ приготовляетъ своему возлюбленному дитяти. Я наврядъ ли видѣлъ что-нибудь подобное вашей книгѣ, по роскоши, полной вкуса и по аристократическому убору, въ ряду всѣхъ произведеній новаго времени, и я буду на вѣки обращаться съ этимъ изданіемъ съ тою бережливостью, которая прилична драгоцѣнности подобнаго рода».

Провинціальный консерваторъ памятниковъ Рейнской провинціи, докторъ Клеменъ, въ письмѣ отъ 14 февраля (н. ст.) 1895 г. изъ Бонна, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Типографское убранство книги до такой степени единственно въ своемъ родѣ, до того солидно, до того полно избраннѣйшаго вкуса, что стоитъ выше всякихъ похвалъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, ка́къ много германская художественная наука обязана вамъ глубочайшею благодарностью за *первое* блистательное сообщеніе матеріала, намъ бо́льшею частью вовсе неизвѣстнаго, и, къ сожалѣнію, почти совершенно недоступнаго. Для нашихъ Рейнскихъ памятниковъ искусства ваша книга содержитъ цѣлую массу важныхъ соображеній, и именно въ виду этихъ нашихъ памятниковъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ, я долженъ былъ изумляться тонкой критикѣ и необыкновенной учености автора текста. Я уже много лѣтъ занимаюсь изученіемъ Германской *выемчатой* эмали, принадлежащей почти цѣликомъ Рейнскимъ областямъ, но Германія никогда не будетъ въ состояніи выпустить въ свѣтъ такое величественное изданіе о германской эмали, какое вы подарили ученому міру о византійской *перегородчатой* эмали». *Клеменъ.*

Ф. Кс. Краусъ.

Деканъ богословскаго факультета Фрейбургскаго университета, Ф. Кс. Краусъ, въ письмѣ отъ 13 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ Фрейбурга въ Брезгау, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Не думаю, чтобъ наша средневѣковая археологія могла скоро похвалиться еще другимъ такимъ меценатомъ, какъ вы. Это не лесть, но истинная правда, и именно потому, что вашъ примѣръ является великимъ посрамленіемъ нашимъ академіямъ и проч., которыя глубоко интересуются самомалѣйшимъ римскимъ кирпичикомъ, найденнымъ гдѣ-то далеко въ Африкѣ и на Ефратѣ, но не имѣютъ ни денегъ, ни любопытства для памятниковъ нашего христіанскаго или средневѣковаго искусства. Средневѣковые археологи принуждены, въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, выханживать самонужнѣйшія средства на сохраненіе и изданіе изящнѣйшихъ памятниковъ національнаго искусства. И это вездѣ такъ, въ Италіи, во Франціи, у насъ; за вами та великая заслуга, что вы своими тяжкими жертвами указали власть имѣющимъ кружкамъ, что стóитъ кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи... Послѣ моей смерти, я завѣщаю подаренный мнѣ вами экземпляръ вашего изданія библіотекѣ города Тріера, моей родины».

Адольфъ Михаэлисъ.

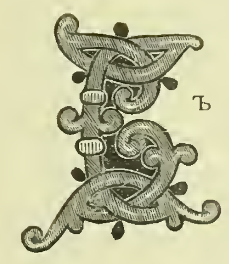
Профессоръ Страсбургскаго университета, Адольфъ Михаэлисъ, въ письмѣ отъ 19 сентября (н. ст.) 1895 года, изъ Страсбурга, писалъ А. В. Звенигородскому: «Ваше, какъ по внутреннему содержанію, такъ и по внѣшности, великолѣпное изданіе будетъ мнѣ навсегда служить драгоцѣннымъ воспоминаніемъ о томъ скромномъ участіи, которое я могъ имѣть

въ чествованіи, оказанномъ вамъ нашимъ философскимъ факультетомъ, и столько вами заслуженномъ».

Профессоръ Страсбургскаго университета, докторъ Дегіо, въ письмѣ отъ 11 октября (н. ст.) 1895 года, изъ Страсбурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Наука о художествѣ, по своей натурѣ, больше всякой другой научной отрасли нуждается въ помощи добромыслящихъ меценатовъ. Во сколько разъ больше могли бы дать счастливыхъ результатовъ ученые, еслибы у собирателей и любителей менѣе рѣдко встрѣчалось то безкорыстіе и то свѣтлое пониманіе потребностей науки, которыя мы видимъ и высоко цѣнимъ въ васъ!» *Д-ръ Дегіо.*

Бургомистръ г. Ахена, Фельтманъ, въ письмѣ отъ 22 апрѣля (н. ст.) 1896 года, изъ Ахена, писалъ А. В. Звенигородскому: «Принимая вашу знаменитую книгу, я вполнѣ сознаю, что я лично не заслужилъ такого подарка, и что имъ вы только новый разъ высказываете ваше живое сочувствіе городу Ахену, который уже много лѣтъ считаетъ васъ своимъ согражданиномъ. Я не признаю за собою права выражать свое удивленіе вашей книгѣ, которая нашла уже себѣ достойную оцѣнку во всѣхъ призванныхъ кругахъ міра. Но прошу васъ быть увѣреннымъ, что я всегда буду чтить ее за ея высокое внутреннее и наружное значеніе, и въ особенности въ память ея художественнаго и ученаго творца». *Бургомистръ Фельтманъ.*

ГОЛЛАНДІЯ.

ъ письмѣ отъ 20 февраля (н. ст.) 1895 года, изъ Гаги, завѣдующій отдѣломъ изящныхъ искусствъ въ голландскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, докторъ В. Е. van Стюерсъ, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Присланные вами въ даръ экземпляры вашего великолѣпнаго изданія будутъ розданы, по вашему желанію, разнымъ голландскимъ музеямъ и библіотекамъ. Ваша книга есть, безъ сомнѣнія, самое роскошное изданіе изъ всѣхъ, какія только мнѣ случалось видѣть въ продолженіе долгихъ лѣтъ, и я считаю подарокъ, сдѣланный вами нашему правительству, чрезвычайно драгоцѣннымъ во всѣхъ отношеніяхъ»...

Голландское министерство внутр. дѣлъ.

ГРЕЦІЯ.

Газета «ПРОІА».

Въ газетѣ «ПРОІА» («Впередъ»), выходящей въ Аѳинахъ на греческомъ языкѣ, № 214, 2 іюля (н. ст.) 1895 года, было сказано: «Аѳинская національная библіотека получила драгоцѣнный подарокъ изъ чужихъ краевъ. Это — «исторія византійской эмали», петербургскаго профессора Н. П. Кондакова. Эту книгу издалъ на свой счетъ русскій меценатъ А. Звенигородскій, въ форматѣ большой 4°, со многими изумительными рисунками. Богатство красокъ и художественное выполненіе печати и описательнаго текста совершенно единственные и внѣ всякаго сравненія. Поэтому, это сущее чудо, достойное, по печати и внѣшности, однихъ королей. Напечатано всего 600 экземпляровъ, по 200 на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Никто не можетъ купить себѣ за деньги ни единаго экземпляра этого изданія, потому что издатель, русскій меценатъ, предназначилъ его единственно для подарковъ. Г. Звенигородскій прислалъ въ подарокъ греческой народной библіотекѣ экземпляръ своей книги на французскомъ языкѣ».

А. Психари.

Археологъ и византинистъ, А. Психари, въ письмѣ отъ 15/27 февраля 1896 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я получилъ экземпляръ великолѣпнаго изданія, которымъ вы обогатили художественный міръ. Я до невѣроятности чувствителенъ къ оказанной вами мнѣ любезности, и прошу васъ не измѣрять объемъ моей признательности бѣдностью моей благодарности. Ваше драгоцѣнное изданіе есть такой значительный памятникъ, что вы имѣете полное право гордиться вашимъ созданіемъ, и еслибы я былъ русскій, я былъ бы безконечно счастливъ, что мое отечество обладаетъ такими сокровищами. Впрочемъ, эти художественныя богатства вполнѣ на мѣстѣ тамъ, гдѣ находятся, потому теперь уже ничего не остается, кромѣ имени и развалинъ отъ древней Византіи съ ея высокою цивилизаціей и ея славнымъ прошлымъ, которому еще далеко не воздано настоящей справедливости».

ИСПАНІЯ.

Испанская Королева-Регентша.

Русскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при испанскомъ дворѣ, князь М. А. Горчаковъ, въ письмѣ отъ 31 января (12 февраля) 1895 года, изъ Мадрида, сообщалъ А. В. Звенигородскому: «Ея Величеству королевѣ регентшѣ угодно просить меня, черезъ секретаря ея, выразить вамъ ея полнѣйшую благодарность, причемъ благодарность эта была выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Ея Величество королева проситъ васъ благодарить, отъ ея королевскаго имени, г. Звенигородскаго, за любезную присылку его интереснаго изданія, доставившаго ей великое удовольствіе».

ИТАЛІЯ.

Исправляющій должность министра двора Короля Итальянскаго, генералъ-лейтенантъ Понціо Валья, письмомъ отъ 31 августа (н. ст.) 1894 года, изъ Монцы, сообщилъ русскому посланнику при итальянскомъ дворѣ, А. Г. Влангали: «Его Величество Король Итальянскій много восхищался изданіемъ А. В. Звенигородскаго, поднесеннымъ ему издателемъ, исполненнымъ съ такимъ великимъ тщаніемъ и имѣющимъ такое крупное значеніе для изученія искусства и исторіи. Король поручилъ мнѣ просить ваше превосходительство передать г. Звенигородскому его живѣйшую благодарность за это доказательство его почтительной привязанности къ Савойскому дому». *Король Итальянскій.*

Письмомъ отъ 22 августа (н. ст.) 1894 года, изъ Рима, кардиналъ Рамполла сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Святѣйшество папа Левъ XIII былъ очень удовольствованъ его книгой и не поску- *Папа Левъ XIII.*

пился на похвалы (n'a pas ménagé les éloges) изданію, столько же замѣчательному по важности содержанія, какъ и по великолѣпію формы».

Князь Монакскій.

Князь Монакскій, Альбертъ, въ письмѣ отъ 2 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Маршэ (Château de Marchais), говорилъ А. В. Звенигородскому. «Вы были правы, когда были увѣрены, что я сочувственно отнесусь къ вашему великолѣпному изданію; творенія интеллекта всегда пользуются всѣми моими симпатіями».

Итальянскій министръ народ. просвѣщенія.

Министръ народнаго просвѣщенія итальянскаго королевства, Гвидо Баччелли, въ письмѣ отъ 1 іюня (н. ст.) 1895 года, изъ Рима, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Великолѣпное ваше изданіе дѣйствительно достойно драгоцѣннаго матеріала, такъ заботливо собраннаго вами; посредствомъ этого изданія исторія эмальнаго искусства получаетъ новый свѣтъ, потому что до сихъ поръ не было извѣстно матеріаловъ, такихъ богатыхъ и избранныхъ, какъ тѣ, которые собраны вами, и въ распоряженіи у изучающихъ искусство не было трактата столько обширнаго, какъ вашъ. По вашему желанію, присланные въ даръ экземпляры вашего изданія будутъ переданы въ національныя библіотеки: римскую, флорентинскую, туринскую, неаполитанскую и палермскую, а одинъ еще экземпляръ останется въ археологической и художественной библіотекѣ министерства народнаго просвѣщенія. Я распорядился также, чтобы къ каждому тому было приложено извѣстіе о щедромъ вашемъ дарѣ. Сверхъ того, я приказалъ напе-

чатать въ оффиціальномъ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія («Bollettino Ufficiale del ministero dell' istruzione pubblica») статью о вашемъ великолѣпномъ дарѣ, для того, чтобъ сдѣлались извѣстны, какъ это слѣдуетъ, и важность этого изданія, и совершенное вами щедрое пожертвованіе»...

Латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ.

Латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ, Фр. Лудовикъ Піави, въ письмѣ отъ 5 іюня (н. ст.) 1895 года, изъ Іерусалима, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Прежде всего, я желаю поздравить васъ съ услугою, оказанною вами исторіи и наукѣ. Ваша книга мастерское произведеніе (chef d'oeuvre), и ничего подобнаго не было еще писано объ этомъ предметѣ. Но если я былъ восхищенъ этою работой и мыслью о безчисленныхъ жертвахъ, путешествіяхъ и стараніяхъ съ вашей стороны, то я былъ, признаюсь, совершенно смущенъ и глубоко тронутъ также той добротой, съ которою вы намъ принесли въ даръ экземпляръ этого изданія, которое красотою выполненія превосходитъ все, что́ я до сихъ поръ видѣлъ. Ваша книга хранится, какъ сокровище, въ нашей библіотекѣ, и здѣсь она приводитъ и будетъ всегда приводить въ удивленіе всѣхъ, кто ее увидитъ».

Библіотека св. Марка въ Венеціи.

Префектъ Національной библіотеки св. Марка въ Венеціи, Кастеллани, въ письмѣ отъ 18 октября (н. ст.) 1895 года, изъ Венеціи, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Мнѣ недостаетъ словъ для выраженія всей благодарности, чувствуемой мною, какъ префектомъ библіотеки св. Марка, при полученіи художественнаго сокровища, не имѣющаго себѣ рав-

наго какъ по красотѣ, такъ и по богатству изданія. Излишне было бы прибавлять къ этому, что вашъ неоцѣненный художественный памятникъ будетъ съ гордостью храниться какъ мною, такъ, конечно, и моими наслѣдниками».

Медицейско-Лаврентіанская библіотека.

Библіотекарь Медицейско-Лаврентіанской библіотеки, Гвидо Біаджи, въ письмѣ отъ 11 февраля (н. ст.) 1896 года, изъ Флоренціи, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Обращаюсь къ вамъ съ выраженіемъ живѣйшей благодарности за великолѣпный подарокъ вашъ нашей древней и знаменитой библіотекѣ экземпляра вашего изданія о византійскихъ эмаляхъ, выполненнаго съ такою любовью и такимъ художественнымъ чувствомъ. Я счастливъ тѣмъ, что могу поставить эту книгу среди драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ Лаврентіанской библіотеки, которая, отъ имени всѣхъ тамъ занимающихся, благодаритъ васъ за возвышеніе ея собраній такимъ замѣчательнымъ даромъ».

Bolletino Ufficiale del ministero dell' istruzione pubblica.

Въ оффиціальномъ органѣ итальянскаго министерства народнаго просвѣщенія, «Bolletino Ufficiale del ministero dell' istruzione pubblica», 27 іюня (н. ст.) 1895 года, напечатана была о книгѣ А. В. Звенигородскаго статья, гдѣ говорилось: «Г. Звенигородскій, богатый любитель, обладающій обширными средствами, посвятилъ всѣ свои усилія сформированію коллекціи художественныхъ предметовъ съ эмалями византійскими и византійско-русскими; и онъ не удовольствовался однимъ лишь собираніемъ значи-

тельной коллекціи этого рода для одной только собственной своей особы, но пожелалъ дать возможность и людямъ, занимающимся изученіемъ искусства въ Европѣ и Америкѣ, воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Онъ занялся изданіемъ этой капитальнѣйшей коллекціи, присоединивъ къ тексту, написанному по его порученію знаменитымъ профессоромъ Кондаковымъ, и содержащему исторію эмали, таблицы, выполненныя съ такою точностью и такимъ мастерствомъ, что смотрящій можетъ подумать, что видитъ самые оригиналы. До сихъ поръ не было еще нигдѣ столь богатыхъ и избранныхъ матеріаловъ для исторіи эмальнаго искусства, когда-то столь знаменитаго, столь важнаго въ византійскую эпоху, какъ тѣ, какіе собраны г. Звенигородскимъ, и никакое другое изслѣдованіе не было до сихъ поръ столь многообъемлюще, какъ настоящее, предоставленное теперь въ распоряженіе изслѣдователей. Само собою разумѣется, рѣдкость и богатство матеріала налагали обязанность употребить значительныя средства на подобное изданіе, и, благодаря своему обширному состоянію, русскій меценатъ могъ создать такое изданіе, подобныя которому исходили развѣ только изъ рукъ коронованныхъ особъ. Издатель поднесъ экземпляръ своей великолѣпной книги Его Величеству королю Италіи, и предоставилъ шесть другихъ экземпляровъ въ распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія, Гвидо Баччелли, для раздачи главнымъ итальянскимъ библіотекамъ. Его превосходительство г. министръ опредѣлилъ: одинъ экземпляръ передать въ національную библіотеку Виктора Эммануила въ Римѣ, другой—въ національную флорентинскую би-

бліотеку, третій—въ національную неаполитанскую библіотеку, четвертый—въ національную палермскую библіотеку, пятый—въ національную туринскую библіотеку, шестой—въ археологическую и художественную библіотеку министерства народнаго просвѣщенія».

Gazzetta di Venezia.

Въ «Gazzetta di Venezia» 19 октября (н. ст.) 1895 года напечатана была статья подъ заглавіемъ: «Даръ Библіотекѣ св. Марка» (Dono alla Marciana). Здѣсь было сказано: «Изумительная книга принесена въ даръ Библіотекѣ св. Марка русскимъ дѣйств. статск. совѣтн. А. В. Звенигородскимъ. Она содержитъ воспроизведеніе византійскихъ эмалей, наибольшее количество которыхъ принадлежитъ сказанному лицу, а другія, очень замѣчательныя, Библіотекѣ св. Марка: въ числѣ этихъ послѣднихъ находятся нѣкоторые знаменитые византійскіе переплеты. Книга эта изумительна, какъ выше сказано, и именно тѣмъ, что показываетъ, до какой степени превосходства и художественной красоты дошло теперь искусство печати и хромолитографическаго воспроизведенія. Достоинство же книги, сочиненной знаменитымъ археологомъ профессоромъ Кондаковымъ, возвышается тѣмъ, что она заключена въ великолѣпнѣйшемъ переплетѣ».

ЛЮКСЕМБУРГЪ.

Гроссъ-Герцогъ Люксембургскій.

Президентъ финансовой камеры гроссъ-герцога Люксембургскаго, бар. фонъ-Дунгернъ, отъ 14 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Вальфердингена, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Его Высочество Гроссъ-Герцогъ Люксембургскій соблаговолилъ съ удовольствіемъ принять поднесенный ему экземпляръ изданія г. Звенигородскаго, разсматривалъ его съ большимъ интересомъ и высказалъ, что ему особенно пріятно будетъ показать эту книгу Ея Королевскому Высочеству Гроссъ-Герцогинѣ, которая обладаетъ особеннымъ пониманіемъ подобныхъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній».

Епископъ Люксембургскій.

Епископъ Люксембургскій, Іоаннъ Іосифъ Коппесъ, въ письмѣ отъ 24 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Люксембурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я былъ донельзя изумленъ и восхищенъ художественной красотой и необычайной роскошью вашего

великолѣпнаго изданія, и меня истинно смутилъ вашъ благосклонный даръ нашему епископскому музею. Ка́къ намъ выплатить свой долгъ благодарности? Мы только можемъ молиться Господу Богу за нашихъ благодѣтелей, да воздастъ Онъ имъ Самъ сторицею»...

Брошюра Энгельса и фонъ-Вервеке.

Брошюра, напечатанная въ Люксембургѣ, въ 1895 году, подъ заглавіемъ: «Les émaux Byzantins. Collection A. W. Zwenigorodskoi. Imprimerie de la Société St.-Paul», состояла изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая, на нѣмецкомъ языкѣ, была написана Михаиломъ Энгельсомъ, а вторая, на французскомъ языкѣ, была написана Н. фонъ-Вервеке.

Первая часть начиналась такъ: «Передъ нами лежитъ роскошный экземпляръ недавно появившагося на свѣтъ творенія, которое мы, по порученію его высокопреподобія господина епископа, подвергнемъ здѣсь разсмотрѣнію. Рѣдко гдѣ бы то ни было въ мірѣ, а въ нашей странѣ никогда еще, художественному рецензенту не была поставлена такая прекрасная и великая задача, какъ въ настоящемъ случаѣ нашимъ слабымъ силамъ, потому что это твореніе совершенно единственное въ своемъ родѣ, одно изъ послѣднихъ значительныхъ научно-художественныхъ дѣяній кончающагося столѣтія, работа которой хотя и осуществлена печатнымъ станкомъ, но что̀ касается труда, изслѣдованія, собирательскаго духа и старательности выполненія—можетъ быть поставлена рядомъ со знаменитыми средневѣковыми миніатюрами». Далѣе слѣдуетъ краткое изложеніе исторіи книги и

ея художественныхъ составныхъ частей. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что переплетъ есть «созданіе въ самомъ высокомъ стилѣ», что «подобнаго, быть можетъ, никогда еще не было видано на свѣтѣ, что онъ поражаетъ глазъ и дѣлаетъ величайшую честь фирмѣ Гюбель и Денкъ въ Лейпцигѣ. Самое блестящее въ наше время употребленіе византійскаго орнамента проявляется здѣсь, въ видѣ рельефа, въ оттискахъ золотомъ, черной и бѣлой краской. Сочинены эти рисунки архитекторомъ И. П. Ропетомъ въ С.-Петербургѣ». Про гравюрныя работы гг. Маттэ, Творожникова, Шмидта и Кононова авторъ говоритъ, что онѣ выполнены «при помощи всѣхъ средствъ современной техники». «Всѣмъ давно уже извѣстно, что Германія, Франція и Англія даютъ, по части гравюры на деревѣ, самыя превосходныя произведенія, между тѣмъ какъ, напримѣръ, Бельгія, Голландія и Италія представляютъ только вещи посредственныя. О русскихъ произведеніяхъ этого рода намъ до сихъ поръ ничего не попадалось на глаза; но лежащія теперь передъ нами пробы очень способны внушить большое почтеніе къ русскому искусству. Всѣ тонкости и трудности (а ихъ безчисленное множество въ гравюрѣ на деревѣ) побѣждены съ великимъ мастерствомъ; всѣ же тѣ хорошія качества, которыя такъ любитъ знатокъ гравюры на деревѣ, здѣсь на лицо, такъ что глазъ проходитъ по этимъ листамъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ по листамъ самыхъ примѣчательныхъ нашихъ французскихъ и нѣмецкихъ художественныхъ изданій. Печатаніе въ краскахъ сдѣлало въ наше время такіе громадные шаги впередъ, что насъ можетъ удовлетворять лишь все

самое превосходное по этой части, а легко понять, что въ настоящемъ изданіи можно ожидать только всего наипревосходнѣйшаго». Послѣ всего этого, Михаилъ Энгельсъ кончаетъ свою рецензію такъ: «Изъ сказаннаго мною ясно, что какъ въ художественномъ, такъ и въ научномъ отношеніи, книга эта есть для насъ истинное сокровище, которое невозможно купить за деньги, а здѣсь, въ нашей странѣ, является совершенно единственнымъ представителемъ такого изданія, которое навсегда будетъ однимъ изъ первѣйшихъ украшеній нашихъ общественныхъ коллекцій».

Во второй части, Н. фонъ-Верверке говоритъ: «Послѣ написанія предыдущаго отчета о книгѣ, принесенной въ даръ его высокопреподобію епископу Люксембургскому, А. В. Звенигородскій, вслѣдствіе моей просьбы, подарилъ другой экземпляръ той же книги нашему археологическому Музею. Да позволитъ мнѣ даритель выразить ему здѣсь, публично, лучшія благодарности отъ лица Историческаго отдѣленія Института». Взявъ себѣ задачею научное разсмотрѣніе текста профессора Кондакова, г. Верверке сначала вкратцѣ излагаетъ свѣдѣнія о разныхъ родахъ эмали, а потомъ переходитъ къ такъ называемымъ «эмалямъ варварскимъ». «Эта часть I главы, говоритъ онъ, интересуетъ насъ особенно. Галлія—а мы знаемъ, что нынѣшній Люксембургъ былъ одною изъ ея частей—обладаетъ на свою долю большимъ количествомъ этихъ «варварскихъ эмалей»; это, по преимуществу, все маленькія фибулы, пряжки съ самыми простыми геометрическими, или же болѣе или менѣе сложными формами; поверхность украшена

эмалью, а булавка прикрѣплена снизу; рѣдко попадаются тутъ, какъ мы это видимъ въ Люксембургскомъ Музеѣ, круглыя бляхи въ видѣ пуговицъ. Ромбъ и кругъ,—всего чаще встрѣчающіеся геометрическія формы,—сопровождаются полу-мѣсяцами и маленькими кружочками; кругъ превращается то въ колесо, то въ звѣзду; что касается разсчитанныхъ формъ, то извѣстенъ только заостренный листъ, напротивъ, животныя формы очень разнообразны. Г. Кондаковъ упоминаетъ гиппопотама, тигра, оленя, дельфина, собаку, кабана, коня, пѣтуха, фазана, голубя, лягушку и рыбъ; но Люксембургскій Музей, обладающій десятками шестью такихъ эмальированныхъ фибулъ, даетъ возможность прибавить къ этому списку еще изображенія кролика и павлина. Сверхъ того, нашъ Музей обладаетъ еще одной фибулой въ видѣ сандаліи, двумя другими въ видѣ амфоры (г. Кондаковъ указываетъ на такія фибулы лишь въ музеяхъ Компьенскомъ и Сенъ-Жерменскомъ), наконецъ, еще одной въ видѣ подковы». Излагая далѣе мнѣнія профессора Кондакова на счетъ эмалей, находимыхъ въ мѣстностяхъ рейнскихъ, галльскихъ, англійскихъ, венгерскихъ, датскихъ, шведскихъ, южно-русскихъ и кавказскихъ, г. Вервеке замѣчаетъ, что къ числу фибулъ камунтскихъ и кабультскихъ, сравниваемыхъ съ фибулами галло-рейнскими и представляющими другъ съ другомъ совершенную тожественность типовъ и орнаментистики, принадлежатъ также и фибулы, хранимыя въ Люксембургскомъ Музеѣ. «Такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, вотъ маленькій круглый щитокъ, съ умбомъ посрединѣ (стр. 45, фигуры 7 и 8), и жи-

вотное, которое можно принять за рыбу, или, пожалуй, за птицу (фиг. 9): эти изображенія встрѣчаются на двухъ концахъ Европы, въ Люксембургѣ и на Кавказѣ. Изъ Камунтскаго некропо̀ля происходитъ эмальированная фибула въ видѣ прорѣзного браслета (фиг. 13), съ двумя аграфами, представляющими звѣриныя головы (она изображаетъ, если я не ошибаюсь, раковину черепахи); еслибы г. Кондаковъ не заявилъ намъ, что эта фибула происходитъ изъ Камунты, я осмѣлился бы утверждать, что она происходитъ съ римскаго поля въ Дальгеймѣ. Но, что̀ выходитъ для насъ особенно важнымъ изъ сравнительнаго изученія эмальныхъ фибулъ, описанныхъ и изображенныхъ въ великолѣпномъ изданіи г. Звенигородскаго, это высокое значеніе римскихъ или скорѣе галло-римскихъ фибулъ, найденныхъ у насъ и сохраняемыхъ въ Люксембургскомъ Музеѣ. Ихъ 65; онѣ теперь выставлены вмѣстѣ съ 200 другихъ неэмальированныхъ фибулъ, въ одной и той же витринѣ. Онѣ заслуживали бы того, чтобы ихъ выставили въ особенной витринѣ, такъ чтобъ ясна была ихъ значительность и ихъ красота; къ несчастію, тутъ начинается наша старинная жалоба: нѣтъ мѣста, нѣтъ удобнаго музея. *Quousque tandem abutere patientia nostra*»?.. Далѣе г. Н. Вервеке продолжаетъ до конца свое сокращенное изложеніе текста профессора Кондакова, къ которому онъ относится съ полнѣйшею симпатіей и уваженіемъ. Въ заключеніи же своемъ онъ говоритъ: «Изданіе г. Звенигородскаго—одно изъ самыхъ значительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я не стану уже говорить о типографскомъ выполненіи, о великолѣпномъ переплетѣ, о

чудныхъ таблицахъ, о многочисленныхъ гравюрахъ въ текстѣ, потому что мой сотоварищъ г. Энгельсъ уже достаточно говорилъ о всемъ этомъ въ своемъ отчетѣ. Но я хочу особенно настаивать на высокомъ значеніи этого сочиненія для исторіи эмали вообще, и византійской эмали въ особенности. Мы знакомимся здѣсь со всѣми замѣчательными памятниками этого искусства, ихъ орнаментистикой, ихъ выполненіемъ, даже до малѣйшихъ хитростныхъ подробностей, назначенныхъ для возвышенія ихъ блеска и красоты. Но, какъ я уже выше сказалъ, ученый трудъ г. Кондакова раскрываетъ новые горизонты для исторіи искусства, промышленности и цивилизаціи.

«Не знаю, чему мнѣ больше удивляться: щедрости, съ которою г. Звенигородскій сѣялъ полными пригоршнями необычайныя суммы денегъ на то, чтобъ сдѣлать свое изданіе достойнымъ великолѣпнаго собранія эмалей, накопленныхъ имъ, или глубокое знаніе г. Кондакова, создавшаго истинный chef d'oeuvre. Впрочемъ, вся слава должна принадлежать г. Звенигородскому, потому что, благодаря ему одному, этотъ великолѣпный трудъ могъ быть доведенъ до конца».

ПЕРСІЯ.

Персидскій Шахъ.

Русскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при персидскомъ дворѣ, Е. К. Бюцовъ, въ письмѣ отъ 9 февраля (н. ст.) 1895 года, изъ Тегерана, сообщалъ А. В. Звенигородскому: «Первый министръ Шаха сообщилъ мнѣ нынѣ, что Его Величество съ удовольствіемъ принялъ ваше подношеніе, съ большимъ интересомъ разсматривалъ книгу и восторгался изяществомъ ея».

РОССІЯ.

Въ письмѣ отъ 18 іюня 1894 года, изъ С.-Петербурга, министръ Двора, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, сообщилъ А. В. Звенигородскому: «Полученные отъ васъ, для поднесенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, экземпляры изданнаго вами описанія принадлежащей вамъ коллекціи византійскихъ эмалей, представлены мною по высокому назначенію, и за это поднесеніе Высочайше повелѣно благодарить васъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи извѣщая ваше превосходительство, считаю долгомъ присовокупить, что означенное изданіе найдено замѣчательнымъ». *Императоръ Россійскій.*

Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, удостоилъ А. В. Звенигородскаго рескриптомъ отъ 23 февраля 1895 года, слѣдующаго содержанія: *Великій князь Константинъ Константиновичъ.*

Александръ Викторовичъ,

Превосходное изданіе «Византійскихъ эмалей», исполненное по вашему почину и на ваши средства,

не могло не обратить на себя вниманія Императорской Академіи наукъ. Драгоцѣнная коллекція эмалей, вами составленная и положенная въ основу этого труда, свидѣтельствуетъ о вашей высокой любви къ изящному, а обработка этой коллекціи въ видѣ ученаго сочиненія, написанная однимъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ византійскаго искусства, доказываетъ, какую важность вы придаете этой отрасли художества. Ваши неусыпныя заботы, чтобы доставить предпринятому вами изданію возможное совершенство, и ваши щедрыя пожертвованія на это предпріятіе увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: изданіе ваше, въ которомъ памятники древности воспроизведены столь точно и изящно, и объяснены столь обстоятельно, само останется памятникомъ благородной любви просвѣщеннаго русскаго человѣка къ искусству и наукѣ. Выражая вамъ искреннюю признательность за доставленные Мнѣ и Академіи экземпляры «Византійскихъ эмалей», Я съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю вамъ о томъ полномъ сочувствіи, которое Императорская Академія наукъ питаетъ къ вашей благородной дѣятельности на пользу просвѣщенія.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

«*КОНСТАНТИНЪ*».

Великій князь Георгій Михайловичъ.

Въ письмѣ отъ 11 мая 1894 года, изъ Петербурга, Е. И. В. Великій Князь Георгій Михайловичъ писалъ А. В. Звенигородскому: «Я былъ пораженъ изяществомъ изданія вашего капитальнаго, изъ ряда вонъ выходящаго труда. Ваше великолѣпное изданіе превосходитъ все, что мнѣ приходилось видѣть въ этомъ родѣ»...

Великій князь Сергій Александровичъ.

Завѣдующій дворомъ Великаго Князя Сергія Александровича, гр. П. П. Шуваловъ, въ письмѣ отъ 9 марта 1895 года, изъ Москвы, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что книга его Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ принята съ живѣйшимъ интересомъ, и Е. И. В. поручилъ передать ему, Звенигородскому, искреннѣйшую Его Высочества благодарность».

Императорская Академія Наукъ.

Императорская Академія наукъ, въ засѣданіи своего историко-филологическаго факультета 4 февраля 1895 года, выслушала докладъ академика В. Г. Васильевскаго, слѣдующаго содержанія: «Изданіе А. В. Звенигородскаго «Исторія и памятники византійской эмали» явилось въ свѣтъ въ 1894 году въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Экземпляры эти вовсе не поступали въ продажу, и почтенный издатель разсылаетъ ихъ въ даръ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Прежде всего, изданіе А. В. Звенигородскаго поражаетъ своею, можно сказать, необычайною роскошью, которую не безъ основанія уже успѣли назвать (въ одномъ заграничномъ изданіи) «княжескою» (fürstliche). Но это не есть простая или мишурная внѣшняя роскошь, а роскошь, соединенная съ изяществомъ, обличающимъ изощренный вкусъ знатока и страстнаго любителя, каковъ и есть собиратель византійскихъ эмалей, составившій коллекцію, не имѣющую себѣ другой подобной въ цѣлой Европѣ. Роскошь, изящество и красота отличаютъ всѣ подробности изданія, какъ съ художественной, такъ и съ типографской стороны, начиная съ переплета, про-

17*

должая прелестными иниціалами, заимствованными изъ Синайской рукописи XI вѣка (скалькированы они проф. Н. П. Кондаковымъ), и кончая «закладкою», въ своемъ родѣ представляющею верхъ совершенства, притомъ украшенною чрезвычайно удачно подобраннымъ стихомъ изъ Эврипида. Великолѣпное воспроизведеніе эмалей въ рисункахъ выше всякихъ похвалъ. Наука представлена здѣсь обширнымъ изслѣдованіемъ объ исторіи византійской эмали члена-корреспондента академіи Н. П. Кондакова, превосходнаго знатока византійскаго и славянскаго искусства. Получился трудъ, который исчерпываетъ предметъ вполнѣ и разъясняетъ его со всѣхъ сторонъ, и который никѣмъ другимъ изъ европейскихъ ученыхъ не могъ быть исполненъ съ такою полнотою и основательностью свѣдѣній, съ такою самостоятельностью и твердостью взглядовъ. Онъ на долгое время, если не навсегда, будетъ имѣть руководящее значеніе въ наукѣ».

Императорская Академія Художествъ.

Вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой, въ письмѣ отъ 26 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, выражалъ благодарность Академіи за принесенное имъ въ даръ ей «несравненное изданіе» г. Звенигородскаго.

Россійскій Историческій Музей.

Товарищъ предсѣдателя Россійскаго Историческаго Музея, членъ-корреспондентъ академикъ И. Е. Забѣлинъ, въ письмѣ отъ 31 января 1895 года, изъ Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Получивъ ваше высокославное изданіе, Историческій Музей считаетъ долгомъ принести вамъ наиглубочайшую

благодарность за вниманіе къ научнымъ задачамъ Историческаго Музея и къ обогащенію его библіотеки столь драгоцѣннѣйшимъ свидѣтельствомъ вашихъ неутомимыхъ заботъ о достойномъ воспроизведеніи памятниковъ византійской древности».

Московскій Публичный и Румянцевскій Музей.

Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, В. А. Дашковъ, въ письмѣ отъ 1 февраля 1895 года, изъ Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Изданіе ваше, помимо внутренняго достоинства, по содержанію своему, по образцовому печатанію и по высоко-художественно-исполненнымъ рисункамъ съ памятниковъ византійской эмали, заслуживаетъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ во всякой библіотекѣ, и тѣмъ болѣе въ общественной библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, причемъ, по выпущенному въ свѣтъ ограниченному числу экземпляровъ, это роскошное изданіе съ минуты его выпуска стало библіографическою рѣдкостью. А потому я считаю пріятнымъ долгомъ выразить вамъ, какъ отъ имени музеевъ, такъ и отъ себя лично, глубочайшую благодарность за ваше просвѣщенное вниманіе.»

Виленская Публичная Библіотека и Музей.

Предсѣдатель Временной Коммиссіи по устройству и управленію Виленской Публичной Библіотеки, съ состоящимъ при ней Музеемъ, Ю. Ѳ. Крачковскій въ письмѣ отъ 3 февраля 1895 года, изъ Вильны, говорилъ А. В. Звенигородскому: «За пожертвованіе ваше для Виленскаго Музея, которое не можетъ быть оцѣнено никакими деньгами, коммиссія бьетъ челомъ незабвенному А. В. Да сохранитъ его Господь

Богъ на многія лѣта для славы и пользы русской науки».

Импер. Русское Археологическое Общество.

Товарищъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, А. Ѳ. Бычковъ, въ письмѣ отъ 7 февраля 1895 года, изъ Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Обществу пріятно вспомнить, что первое описаніе нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ вамъ эмалей было напечатано, въ 1886 году, на страницахъ его изданія, и что осуществленіемъ достойнаго полнаго изданія ученаго описанія вашего собранія, наука всецѣло обязана владѣльцу этого собранія, а имя владѣльца Общество давно привыкло видѣть среди своихъ сочленовъ. Приношу вамъ отъ имени Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества живѣйшую признательность за столь цѣнный вкладъ въ ея библіотеку».

Императорскій Московскій Университетъ.

Ректоръ Императорскаго Московскаго Университета, П. Г. Некрасовъ, въ письмѣ отъ 13 февраля 1895 года, изъ Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Вашъ ученый и съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ изданный трудъ составитъ навсегда одно изъ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ украшеній университетскаго книгохранилища».

Саратовская Городская Дума.

Саратовскій городской голова, А. Песковъ, въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1895 года, изъ Саратова, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Саратовская Городская Дума, принявъ вашъ высокоцѣнный подарокъ, экземпляръ необыкновенно роскошнаго изданія вашего, постановила выразить вамъ особую призна-

тельность Городской Думы за ваше вниманіе къ Радищевскому Музею и изъявить желаніе Городской Думы имѣть въ Музеѣ портретъ вашъ».

Въ «Саратовскомъ Листкѣ», 1895 года, мартъ, была напечатана слѣдующая статья: «Радищевскій музей недавно получилъ отъ А. В. Звенигородскаго весьма интересный и цѣнный даръ: изданное съ необыкновенной роскошью изданіе сочиненія профессора Кондакова о византійскихъ эмаляхъ, замѣчательной коллекціей которыхъ владѣетъ жертвователь. Изданіе это было посвящено почившему Императору Александру III и выпущено всего въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ. А. В. Звенигородскій, съ самаго открытія нашего музея, постоянно выказывалъ къ нему большое вниманіе и щедро надѣлялъ его подарками. Раньше имъ были пожертвованы семь картинъ нѣмецкой и итальянской живописи XI и XV столѣтій, представляющихъ собою чрезвычайно рѣдкіе экземпляры, какихъ нѣтъ и въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ того, музеемъ отъ г. Звенигородскаго въ разное время были получены: генуэзскій бархатъ XIV столѣтія, три альбома офортовъ, фотографій и литографій съ античныхъ вещей и собраніе рѣдкихъ оригинальныхъ гравюръ работы знаменитыхъ мастеровъ—Рембрандта, Ванъ Остаде, Поттера, Дюрера и др., въ количествѣ 83 экземпляровъ, стоимостью по покупной цѣнѣ свыше 1.300 рублей. Такое выдающееся участіе къ нуждамъ музея даетъ г. Звенигородскому право на особенную признательность города, и мы слышали, что попечитель музея предлагаетъ городской Думѣ

Саратовскій Листокъ.

выразить желаніе имѣть въ музеѣ портретъ А. В. Звенигородскаго.

Московскія Вѣдомости.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 20 мая 1894 года М. П. Соловьевъ напечаталъ статью, гдѣ, не входя въ подробную критику текста изданія, съ величайшимъ сочувствіемъ указалъ заслуги А. В. Звенигородскаго въ починѣ изданія и тщательномъ приготовленіи къ тому всѣхъ необходимыхъ для этого средствъ, а затѣмъ разсказалъ главный составъ сочиненія и обратилъ особенное вниманіе на изумительную художественную сторону всего, вообще, изданія.

Новороссійскій Телеграфъ.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» было помѣщено два краткихъ извѣстія объ изданіи А. В. Звенигородскаго. *Первое*, въ № отъ 10 февраля 1895 года, гдѣ говорилось съ похвалой объ экземплярѣ этого изданія, принесенномъ отъ издателя въ даръ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ,—и при этомъ случаѣ было сообщено любопытное свѣдѣніе, что «одинъ изъ мѣстныхъ (одесскихъ) богачей предлагалъ за экземпляръ этой книги 1,000 рублей; но ему книга не была продана [1]); *второе*, въ № отъ 9 марта 1895 года, гдѣ излагалось, также очень вкратцѣ, засѣданіе Одесскаго Историко-филологическаго Общества 6 марта, гдѣ профессоръ А. А. Павловскій представилъ, для обозрѣнія присутствовавшими, экземпляръ «цѣннаго и роскошнаго изданія

---

[1]) По слухамъ, подобныя же предложенія были дѣлаемы и въ Петербургѣ, разными личностями; иныя цѣли своей достигли.

А. В. Звенигородскаго», и при этомъ высказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ объ этомъ изданіи, особливо относительно превосходной художественной его стороны. Тутъ же было высказано имъ мнѣніе, что «среди воспроизведенныхъ въ изданіи Звенигородскаго эмалей, *русскихъ очень мало, такъ какъ ихъ трудно было достать*». Нельзя не замѣтить, что дѣйствительные факты мало соотвѣтствуютъ этому заявленію.

Въ «Кіевлянинѣ» 15 февраля 1895 года было помѣщено также краткое извѣстіе объ изданіи А. В. Звенигородскаго, по поводу полученія одного экземпляра этого изданія библіотекою Кіевскаго Университета св. Владиміра. При этомъ случаѣ сообщено нѣсколько свѣдѣній о книгѣ, на основаніи ея «Предисловія». *Кіевлянинъ.*

Профессоръ Харьковскаго Университета, Е. К. Рѣдинъ, напечаталъ, по поводу изданія А. В. Звенигородскаго, обширную критическую статью въ «Византійскомъ Временникѣ», 1895, т. II, гдѣ говорилъ: «Русская наука (а вмѣстѣ съ нею европейская) обогатилась новымъ замѣчательнымъ изданіемъ въ области исторіи византійскаго искусства. Честь появленія въ свѣтъ этого изданія принадлежитъ А. В. Звенигородскому, одному изъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей искусства, въ наше время весьма рѣдкихъ, которые не жалѣютъ ни своихъ силъ, ни своихъ средствъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь послужить любимому имъ предмету, и принести пользу наукѣ и родинѣ. Это изданіе является дѣй- *Византійскій Временникъ.*

ствительно замѣчательнымъ, и, можно сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ. Это, если такъ можно будетъ выразиться, — художественное произведеніе, въ которомъ и содержаніе и форма прекрасны, и одно идетъ въ гармоніи съ другой... Что касается орнаментальной части, то въ общемъ получается прекрасная иллюстрація къ исторіи византійскаго искусства, которой посвящено изданіе. По справедливости, нѣкоторыми лицами въ иностранной печати изданіе сравнивается съ лучшими изданіями эпохи Ренесанса, когда были нерѣдки истинные любители драгоцѣнныхъ художественныхъ изданій книгъ, какъ, напримѣръ, Кобергеръ, Альдусъ, Мануціусъ, Маіоли, Гролье, Максимиліанъ I и другіе. Текстъ написанъ профессоромъ Н. П. Кондаковымъ. Болѣе лучшаго выбора издатель и не могъ сдѣлать. Текстъ, написанный этимъ ученымъ, дѣйствительно является капитальнымъ и вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ изданія — дать новое, монументальное въ области изслѣдованій византійской эмали. Въ новомъ своемъ капитальномъ трудѣ, профессоръ Кондаковъ, какъ и въ предыдущихъ трудахъ, охватываетъ всесторонне изслѣдуемый имъ предметъ, византійскую эмаль, и даетъ новое освѣщеніе какъ этой отрасли византійскаго искусства, въ частности, такъ и самой исторіи византійскаго искусства, вообще». Далѣе, послѣ изложенія главнѣйшихъ положеній проф. Кондакова относительно иконографической стороны его сочиненія, рецензентъ говоритъ: «Всѣ священныя изображенія изъ собранія А. В. Звенигородскаго, разсмотрѣнныя проф. Н. П. Кондаковымъ, составляютъ собою тотъ иконописный типъ, который образовался оконча-

тельно въ IX столѣтіи, и въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ употребителенъ для украшенія священной утвари въ греческой церкви. Это — Деисусъ. Проф. Кондаковъ указываетъ съ одной стороны на связь мысли этой иконы съ идеей особой церемоніи императорскаго двора (съ IX вѣка), а съ другой стороны на выраженіе въ ней богословскаго пониманія, назначенія церкви и религіозныхъ вѣрованій. На подобнаго рода отношенія, на историческія черты образовъ указываетъ изслѣдователь далѣе постоянно, при обозрѣніи всѣхъ медальоновъ коллекціи Звенигородскаго; на ряду съ этимъ идутъ указанія на особенности художественной техники. Сводя въ общее эти различныя черты, особенности, получаемъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики и эпохи, и состоянія искусства въ эту эпоху; т.-е. исходя изъ данныхъ памятниковъ, получаемъ картину этой культурной исторіи. Изслѣдователь лишній разъ и особенно ясно своими анализами памятниковъ подтверждаетъ, что «византійская иконопись вообще имѣетъ полную реальную подкладку, а данныя работы X столѣтія приводятъ къ тому выводу, что какъ бы ни были древни ихъ традиціонныя основы, мы имѣемъ въ нихъ, въ собственномъ смыслѣ, памятники этого времени»... «Сила анализа проф. Кондакова въ этомъ изслѣдованіи особенно ярко проявляется; лишь войдя въ глубину предмета, можно съ полною свободою анализировать составъ извѣстной композиціи, черты извѣстнаго образа, какъ онъ это дѣлаетъ. Трудно указать въ литературѣ по византійскому искусству болѣе точную, ясную, живую характеристику византійскаго орнамента (а вмѣстѣ съ

тѣмъ указанія основъ византійскаго искусства), какую находимъ въ послѣднемъ трудѣ проф. Кондакова. Если будетъ когда-нибудь составляться хрестоматія по исторіи византійскаго искусства, то она непремѣнно войдетъ въ нее» (слѣдуютъ выписки изъ книги)... Нельзя не поблагодарить А. В. Звенигородскаго за изданіе въ свѣтъ труда проф. Н. П. Кондакова. Своимъ изданіемъ онъ сослужилъ большую службу наукѣ русской и европейской археологіи. Онъ дѣйствительно воздвигъ имъ себѣ памятникъ. Нельзя не пожелать, чтобы почтенный издатель — во имя той же любви къ наукѣ, къ дорогому для него искусству, которая подвигнула его на созданіе столь драгоцѣннаго памятника, какъ настоящее изданіе, предпринялъ другое изданіе труда проф. Кондакова, популярное, доступное большому кругу читателей: разумѣемъ не популяризацію изслѣдованія, а самого драгоцѣннаго изданія. При сохраненіи текста и рисунковъ въ немъ, можно было бы дать недорогое, но изящное изданіе въ родѣ «Русскихъ Древностей въ памятникахъ искусства» гр. И. И. Толстого и проф. Кондакова. Несомнѣнно, что при такомъ изданіи, настоящее изданіе почтеннаго А. В. Звенигородскаго и замѣчательный трудъ нашего русскаго ученаго сослужили бы еще бо̀льшую службу наукѣ русской археологіи».

Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ Харьковскаго Университета, Е. Рѣдинъ, въ письмѣ отъ 14 февраля 1894 г. изъ Харькова, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Раскрывъ футляръ своего экземпляра, я былъ пораженъ тѣмъ, что̀ нашелъ въ немъ. Увидѣнное превзошло всѣ

мои ожиданія. Вотъ съ какимъ рапортомъ обратился я къ правленію Харьковскаго Университета, извѣщая о вашемъ дарѣ: «Изданіе А. В. Звенигородскаго, приносимое имъ въ даръ Университету, есть изданіе драгоцѣнное, какъ со стороны научной, такъ какъ изслѣдованіе эмалей сдѣлано извѣстнымъ въ европейской наукѣ византистомъ, проф. Кондаковымъ, такъ и со стороны художественной. По богатству оправы, въ которой предлагается книга: переплетъ, шелковая обложка, закладка, по замѣчательной работѣ иллюстрацій хромолитографированныхъ, гравюрныхъ, изданіе является *единственнымъ* въ своемъ родѣ и напоминаетъ собою лишь драгоцѣнныя изданія эпохи Возрожденія. Цѣнность книги (каждаго отдѣльнаго экземпляра) восходитъ до нѣсколькихъ сотенъ рублей. Но она еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что книга, не поступая въ продажу, является рѣдчайшей. Въ виду вышесказаннаго, имѣю честь просить правленіе: 1) о выраженіи жертвователю, отъ имени Университета, благодарности за его драгоцѣнный даръ, 2) о разрѣшеніи передачи этого дара въ Музей изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета, какъ книги спеціально относящейся къ области исторіи искусствъ, и какъ произведенія, являющагося само по себѣ достойнымъ сохраненія въ Музеѣ для обозрѣнія его публикой и учащимися» [1]).

В. Д. Комарова, въ письмѣ отъ 8 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорила А. В. Звениго- *В. Д. Комарова.*

[1]) Напечатано въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ» 17 февраля 1895 года.

родскому: «Только-что перевернула послѣднюю страницу вашей великолѣпной книги, захлопнула послѣднюю тяжелую, словно выкованную, бѣлую доску съ гербомъ Звенигородскихъ, завернула ее въ волшебное шелковое покрывало, точно сотканное нарочно для Спящей Царевны, и спѣшу вамъ передать свое впечатлѣніе: искреннее восхищеніе предъ чудеснымъ произведеніемъ искусства, и чувство глубочайшаго изумленія и уваженія къ тому, кто съ такой любовью къ прекрасному и такимъ знаніемъ, громадной выдержкой и энергіей задумалъ, предпринялъ и довелъ до конца это совершенно-необычайное изданіе. Ученые и археологи, конечно, по достоинству оцѣнятъ тотъ крупный вкладъ, который, благодаря вамъ, пріобрѣтаетъ археологія и исторія искусства. Художники и знатоки съумѣютъ въ тонкости оцѣнить это удивительное изданіе съ художественной точки зрѣнія; будутъ говорить вамъ о строго-выдержанномъ до мельчайшихъ подробностей стилѣ всего изданія, о несравненной красотѣ и богатствѣ переплета, о необыкновенной передачѣ красокъ и прозрачности эмалей, будутъ разбирать и восторгаться всѣми отдѣльными медальонами, кусочками мозаикъ и византійскими орнаментами заглавныхъ листовъ, закладки, заставокъ и даже крошечныхъ бордюрчиковъ на обрѣзѣ. Я, скромная писательница, могу только сказать, что искренно, инстинктивно восхищаюсь всѣмъ этимъ, а еще болѣе восхищаюсь тѣмъ громаднымъ трудомъ и любовью къ искусству, которые мнѣ прежде всего бросаются въ глаза. Выразить это какъ слѣдуетъ я не умѣю. А еще менѣе съумѣю я объ-

яснить себѣ, какъ могла я попасть въ число тѣхъ немногихъ избранныхъ, кто будетъ обладателемъ этого художественнаго сокровища. Развѣ только вы, почти не зная меня, угадали, что я дѣйствительно принадлежу къ тѣмъ немногимъ, кто искренно преклоняется предъ самоотверженнымъ служеніемъ своей любимой идеѣ въ дѣлѣ искусства и науки, предъ тѣми, кто не жалѣетъ на это ни трудовъ, ни средствъ, ни силъ. И чѣмъ рѣже встрѣчаются такіе примѣры, тѣмъ радостнѣе я ихъ привѣтствую. И я очень счастлива, что изъ лежащей предо мною книги можно не только мысленно, такъ сказать, познакомиться съ однимъ изъ такихъ энергическихъ, преданныхъ друзей искусства, но и воочію увидѣть его, въ изображеніи Гальяра. Еслибъ этого портрета не было въ моемъ экземплярѣ, я бы должна была безпокоить васъ просьбою прислать мнѣ свою фотографію. Теперь мнѣ остается только вдвойнѣ благодарить. Впрочемъ хороша я! Съ того, съ чего я вообще должна бы начать, тѣмъ кончаю: глубокой, искренней, сердечной благодарностью. Благодарю, и благодарю, и не умѣю сказать, какъ я восхищена, и поражена, и тронута! Пожалуйста, повѣрьте, что я гораздо болѣе восторгаюсь вашей книгой и цѣню ваше вниманіе, чѣмъ умѣю это высказать».

Графъ И. И. Толстой.

Вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ, графъ И. И. Толстой, писалъ А. В. Звенигородскому 8 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Истинно воздвигли вы себѣ памятникъ, хотя и «рукотворный» (такъ какъ вся *ручная* работа верхъ совершенства), но все же «превыше пирамидъ», ко-

торый увѣковѣчитъ имя ваше въ роды родъ. Вотъ книга! Вотъ изданіе! Все въ вашей книгѣ прекрасно, и не знаешь, что̀ лучше чего. Слава вашимъ сотрудникамъ, но слава, въ первой линіи, вамъ, за вашу настойчивость, за ваши жертвы, за вашу педантичную добросовѣстность при исполненіи намѣченной цѣли. Радуюсь и горжусь, что русскій въ такомъ совершенномъ и прямо дивномъ по внѣшности видѣ повѣдалъ ученому міру новую страницу художественной исторіи. Эта заслуга никогда вамъ не забудется».

Д. М. Сольскій. Предсѣдатель департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, Д. М. Сольскій, въ письмѣ отъ 9 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Съ жадностью перелистывалъ я ваше великолѣпное изданіе, и несказанно любовался и вашимъ переплетомъ, и обложкою, и закладкою, и шрифтомъ, и орнаментами, и въ особенности прелестными хромолитографіями и рисунками. Я подобнаго по роскоши изданія не видалъ и не воображалъ. Вы пишете, что вышло все-таки не то, о чемъ вы мечтали. Но о чемъ же еще вы могли мечтать?.. Послѣ достигнутаго вами успѣха въ той отрасли, которой вы себя съ любовью посвятили, вы не можете и не должны сѣтовать на судьбу».

И. П. Балашовъ. Вице-президентъ Общества Поощренія Художествъ, И. П. Балашовъ, въ письмѣ отъ 9 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Искренно радуюсь, что могъ, хотя и въ весьма

скромныхъ размѣрахъ, способствовать успѣху вашего предпріятія, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны... Радуюсь также, что и мои эмали заняли почетное мѣсто въ вашемъ капитальномъ увражѣ, дѣлающемъ честь тому, который съумѣлъ обставить изданіе такъ богато, со стороны какъ внутренняго содержанія, такъ и внѣшняго представительства. Н. П. Кондаковъ, кажется, превзошелъ самого себя въ этомъ изслѣдованіи, а всѣ подробности самого изданія превосходятъ все, что я видѣлъ въ этомъ родѣ... Еще разъ поздравляю васъ съ благополучнымъ окончаніемъ предпринятаго вами труднаго и славнаго дѣла, и думаю, что памятникъ, который вы столь щедро воздвигли любимому вами византійскому эмалевому производству, послужитъ таковымъ же и для васъ самихъ, увѣковѣчивъ память человѣка, отнесшагося такъ страстно и безкорыстно къ предмету своей художественной мечты».

Предсѣдатель Коммиссіи для постройки Сибирской желѣзной дороги, Н. Е. Ададуровъ, въ письмѣ отъ 9 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Вамъ честь и великая слава за то, что вы досуги ваши посвящаете на столь полезное и интересное дѣло, проливающее свѣтъ на далекую старину Византіи, игравшей первенствующую роль въ развитіи нашего національнаго вкуса и стиля, въ орнаментѣ и архитектурѣ». *Н. Е. Ададуровъ.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново, въ письмѣ отъ 10 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Не успѣвъ еще *И. Н. Дурново.*

ознакомиться съ содержаніемъ вашей роскошной книги, я теперь могу лишь сказать, что это великолѣпное изданіе будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній моей библіотеки. Подобное трудное дѣло, предпринятое и такъ блестяще выполненное, не только безкорыстно, но и съ огромными жертвами, составляетъ, безспорно, крупную заслугу передъ искусствомъ вообще, въ особенности же русскимъ, въ виду того значенія, которое въ его исторіи имѣетъ Византія».

О. Б. Рихтеръ. Главноуправляющій Коммиссіей прошеній, генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, въ письмѣ отъ 10 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я успѣлъ только бѣгло просмотрѣть текстъ вашего роскошнаго изданія, и восхищался художественною отдѣлкою рисунковъ, но этого вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ громадномъ интересѣ замѣчательнаго вашего труда».

А. Θ. Бычковъ. Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, вице-предсѣдатель Императорскаго Археологическаго Общества, академикъ А. Θ. Бычковъ, писалъ А. В. Звенигородскому, 11 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Нахожусь въ полномъ затрудненіи, чтобы найти подходящія слова, которыми могъ бы выразить вамъ достойнымъ образомъ мою сердечную благодарность за вашу книгу. Трудъ, изготовлявшійся въ теченіе столькихъ лѣтъ съ неустанною энергіей съ вашей стороны, явился наконецъ на Божій свѣтъ въ такомъ великолѣпномъ и изящномъ видѣ, — я не говорю теперь о внутреннемъ

его содержаніи, съ которымъ начинаю понемногу знакомиться, — въ какомъ до сихъ поръ не являлось ни одно произведеніе печати.

«Тому назадъ лѣтъ 40 было издано Наполеономъ III (по поводу всемірной парижской выставки 1855 года) сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго «Imitation de Jésus Christ», считавшееся верхомъ типографскаго и переплетнаго искусства, но оно съ вашимъ не можетъ идти въ сравненіе. Начиная отъ шелковаго тканаго покрывала, обволакивающаго переплетъ, переходя за тѣмъ къ этому переплету, роскошному по рисунку и исполненію, къ изящному «посвятительному листу», на которомъ имя Государя блеститъ драгоцѣнными камнями, къ превосходно исполненнымъ заставкамъ, заглавнымъ листамъ сочиненія и главъ, къ рисункамъ, на которыхъ изображены предметы вашей драгоцѣнной коллекціи, и, наконецъ, заключая художественно вытканною «закладкою», не знаешь, чему болѣе удивляться и чему отдать предпочтеніе. Повсюду видно соединеніе вкуса съ благородною роскошью. Мнѣ въ вашемъ трудѣ особенно дорогъ одинъ листъ — это именно тотъ, на которомъ находится ваше изображеніе. Этотъ листъ будетъ говорить отдаленному потомству, что въ Россіи былъ человѣкъ, не задумавшійся потратить большія средства, чтобы познакомить людей науки со своею коллекціей византійскихъ эмалей и дать о нихъ всеобщее, обстоятельное ученое изслѣдованіе.

«Честь и слава вамъ, Александръ Викторовичъ, за цѣнный во всѣхъ отношеніяхъ вкладъ, внесенный вами въ науку».

В. Г. Бокъ. Старшій хранитель Императорскаго Эрмитажа, В. Г. Бокъ, въ письмѣ отъ 11 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Отъ всей души поздравляю васъ съ блистательнымъ окончаніемъ вашего предпріятія. Оно обрадуетъ весь художественный и ученый міръ. Нельзя себѣ представить что-либо болѣе совершенное и законченное. Подобнаго изданія не было, и честь и слава тому, кто, преодолѣвъ всѣ препятствія, успѣлъ, какъ вы, въ своемъ дѣлѣ. Я хорошо знаю, сколько вамъ пришлось приложить усилій и потратить силъ и труда; за то теперь вы смѣло можете сказать: «Exegi monumentum aere perennius». Появленіе этого великолѣпнаго увража вызываетъ общее удивленіе, какъ лицъ свѣдущихъ, такъ и профановъ. И великую службу сослужили вы наукѣ вообще, и русской въ особенности, собравъ во-едино такой огромный матеріалъ. Уповаю въ надеждѣ, что памятники, послужившіе причиною появленія этого труда, останутся въ Россіи и будутъ служить украшеніемъ Императорскаго Эрмитажа, увѣковѣчивая имя знатока собирателя ихъ. Дай Богъ этому совершиться».

Е. Н. Тевяшовъ. Членъ совѣта Императорскаго Общества Поощренія Художествъ, Е. Н. Тевяшовъ, въ письмѣ отъ 11 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Изданная вами книга, безспорно, увѣковѣчитъ ваше имя въ области исторіи искусства и послужитъ доказательствомъ любви вашей къ изящному и вашего художественнаго вкуса. Я, конечно, не успѣлъ еще познакомиться съ книгою по содержанію, но такъ какъ заслуги Н. П. Конда-

кова въ области науки достаточно уже извѣстны, то не могу еще разъ не повторить, что книга эта пока привела меня въ восторгъ не по содержанію и цѣнности ея, а по изяществу, вкусу и тщательности исполненія рисунковъ, на что̀ вами положено столько труда, усидчивости, хлопотъ, знанія и художественнаго вкуса, притомъ лишь съ единственною цѣлью дать своему отечеству и образованному міру такой важный вкладъ въ исторію искусства».

Профессоръ международнаго права С.-Петербургскаго Университета, непремѣнный членъ совѣта министерства финансовъ, Ф. Ф. Мартенсъ, въ письмѣ отъ 12 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Вы показывали мнѣ въ 1893 году, въ Наугеймѣ, образщики переплета и шелковой обертки для вашей книги объ эмаляхъ. Вы помните, конечно, какъ искренно я тогда восторгался вашимъ вкусомъ и какъ сердечно я преклонялся предъ вашею благородною рѣшимостью пожертвовать на ваше изданіе столь огромныя деньги. Теперь, видя ваше монументальное изданіе конченнымъ, я долженъ вамъ откровенно признаться, что это изданіе до такой степени замѣчательно и единственно въ своемъ родѣ, что мнѣ недостаетъ словъ дать полное выраженіе моему искреннему восторгу. Я никогда не видалъ подобнаго изданія, и увѣренъ, что ни въ какой литературѣ, ни европейской, ни американской, не существуетъ подобной книги. Вашимъ изданіемъ вы поставили себѣ такой памятникъ, котораго не разрушатъ ни время, ни погода, ни людская черная неблагодарность». *Ф. Ф. Мартенсъ.*

Б. Н. Мансуровъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Б. Н. Мансуровъ, въ письмѣ отъ 12 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Въ моей, довольно значительной, библіотекѣ, воздвигнутый вами памятникъ — ваша книга — будетъ находиться у меня, какъ въ иконостасѣ драгоцѣнной для меня храмины... Что за чудо ваше изданіе! какая радость, что наконецъ и Россія вступила въ ровный шагъ съ замѣчательнѣйшими дѣятелями Европы, — и какъ я радуюсь, что вы призвали профессора Кондакова къ чести прославить васъ въ немъ, и себя въ васъ»!..

Графъ И. Д. Деляновъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ, въ письмѣ отъ 13 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я долгое время былъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, и, конечно, имѣлъ случай видѣть много роскошныхъ изданій, но не припомню изданія, подобнаго вашему: оно въ полномъ смыслѣ монументальное, и навѣрное обратитъ на себя вниманіе и одушевитъ къ вамъ признательность всѣхъ любителей искусства».

А. И. Сомовъ.

Хранитель въ отдѣленіи картинъ, рисунковъ и гравюръ Императорскаго Эрмитажа, А. И. Сомовъ, въ письмѣ отъ 13 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я буду до конца своей жизни хранить вашу книгу не только какъ изданіе, замѣчательное по своей небывало-великолѣпной внѣшности и по интересу внутренняго содержанія, но и какъ памятникъ вашего благорасположенія ко мнѣ, недостойному».

Вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ, Л. Н. Майковъ, въ письмѣ отъ 14 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я разсматривалъ вашу книгу съ величайшимъ наслажденіемъ, и не могъ не гордиться тѣмъ, что такое великолѣпное изданіе появилось на русскомъ языкѣ. Имѣвъ счастливый случай познакомиться съ вами, я отчасти видѣлъ ваши неусыпныя старанія сдѣлать это изданіе возможно лучше. Но самая книга, въ ея окончательномъ видѣ, превзошла всѣ мои ожиданія. Это, безъ сомнѣнія, самое монументальное изданіе на русскомъ языкѣ. Въ особенности же прекрасно въ немъ то, что это не просто роскошное изданіе, а изданіе, гдѣ внѣшность тѣсно соединена съ внутреннимъ смысломъ всего дѣла, гдѣ все обдумано, все гармонично подобрано, и представляетъ собою стройное и изящное цѣлое. Честь и слава вамъ, просвѣщенному исполнителю этого дѣла! Вы оказали незабвенную услугу русскому искусству и русской наукѣ, и прочно связали съ ними ваше имя». *Л. Н. Майковъ.*

Членъ Императорской Археологической Коммиссіи, баронъ В. Е. Тизенгаузенъ, въ письмѣ отъ 15 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Будь я поэтъ или музыкантъ, я непремѣнно воспѣлъ бы васъ въ самыхъ звучныхъ и бойкихъ стихахъ, или сочинилъ бы въ честь васъ прелестнѣйшую мелодичную кантату, но, не обладая, къ сожалѣнію, ни тѣмъ, ни другимъ талантомъ, долженъ ограничиться передачею вамъ, въ сухой дерюговатой прозѣ, моего искренняго восторга по *Баронъ В. Е. Тизенгаузенъ.*

поводу прелестей изящнѣйшаго изданія вашего. Любуюсь и не могу налюбоваться высоко-художественною роскошью вашей книги, и въ то же время радуюсь тому рѣдкому въ наши дни пылу и той неусыпной заботливости и любви, съ какими вы въ теченіе многихъ лѣтъ вели и такъ прекрасно выполнили задуманное вами дѣло. Какъ оріенталисту, мнѣ остается только закончить это посланіе пожеланіемъ вамъ всѣхъ благъ мусульманскаго Востока, т.-е. «и славы, и почета, и счастія, и радостей, и здравія, и веселія, и благополучія, и долгоденствія».

А. П. Алфераки. Правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, А. П. Алфераки, въ письмѣ отъ 16 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Капитальное изслѣдованіе о византійскихъ эмаляхъ, изданное съ такимъ строгимъ совершенствомъ и богатствомъ, безспорно, становится на ряду съ первоклассными изданіями этого рода, не только у насъ, но и въ любой литературѣ. Особыя же условія, въ какихъ появилась эта книга, еще увеличиваютъ крупную заслугу ея издателя передъ исторіей искусства вообще, и въ частности искусства отечественнаго. Такое безгранично-щедрое служеніе высшимъ интересамъ едва ли не составляетъ особенности, свойственной просвѣщеннымъ русскимъ людямъ (какъ на другой, современный примѣръ, можно указать на издателя русской музыки, М. П. Бѣляева), и въ нашъ матеріальный вѣкъ мы можемъ справедливо гордиться этою благородною чертою передъ другими народами. Спеціально благодарю васъ еще за то, что въ моемъ экземплярѣ есть вашъ портретъ,

составляющій замѣчательное художественное произведеніе, достойно увѣковѣчивающее черты собирателя и издателя важныхъ для русскаго искусства предметовъ».

Государственный контролеръ, Т. И. Филипповъ, въ письмѣ отъ 17 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я тронутъ до глубины души вашимъ весьма лестнымъ для меня вниманіемъ, выразившимся въ доставленіи мнѣ вашего изумительнаго, несравненнаго изданія, которое дѣлаетъ честь вашему имени и русскому искусству». *Т. И. Филипповъ.*

Членъ Государственнаго Совѣта, Е. А. Перетцъ, въ письмѣ отъ 18 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «На мой взглядъ, ваше болѣе чѣмъ роскошное изданіе, съ которымъ я пока еще не успѣлъ ознакомиться такъ подробно, ка́къ оно того заслуживаетъ — обѣщаю себѣ много наслажденія впереди,—составляетъ въ высшей степени цѣнный вкладъ въ сокровищницу отечественной науки. Не даромъ трудились вы, собирая богатую вашу коллекцію и прилагая столько заботъ и стараній къ достойному изученію ея». *Е. А. Перетцъ.*

Архитекторъ И. П. Ропетъ говорилъ А. В. Звенигородскому въ письмѣ, написанномъ необыкновенно изящнымъ и живописнымъ русскимъ шрифтомъ XVII вѣка, 18 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Не могу еще разъ, цѣлую тысячу разъ, не повторить свою безпредѣльную благодарность за великую честь, которую вы доставили мнѣ, давъ *И. П. Ропетъ.*

возможность внести въ эту сокровищницу, ваше изданіе, и свои посильные труды, хотя бы для одной только обрядной стороны ея. Еще разъ, и тысячу разъ, спасибо за тѣ наслажденія, какія мнѣ приходилось испытывать, работая по вашимъ задачамъ и указаніямъ, подъ руководствомъ такого всеобъемлющаго и тонкаго знатока, какъ глубокоуважаемый Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, и съ такими безукоризненно-превосходными исполнителями, какъ гг. Остерритъ, Гюбель, Денкъ и Сапожниковъ. Слава, великая слава вамъ»!

Г. Е. Кизерицкій.

Хранитель классическаго отдѣла Императорскаго Эрмитажа, Г. Е. Кизерицкій, писалъ А. В. Звенигородскому 20 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Всякая моя благодарность будетъ совершенно блѣдна въ сравненіи съ великолѣпіемъ вашего изданія, потому что она никогда не можетъ достигнуть того блеска, еще небывалаго, и, пожалуй, для другихъ болѣе невозможнаго, которымъ отличается ваше изданіе... Читая ваше живое и увлекательное «Предисловіе», жалѣешь, зачѣмъ вы не пишете побольше сами, потому что вы знаете объ эмалевомъ искусствѣ навѣрное болѣе, чѣмъ большинство ученыхъ... Рисунки вашего изданія такъ совершенны, что я подобныхъ еще и не видывалъ: воображаешь себѣ, что видишь оригиналы. О точности рисунка и передачѣ стиля и характера оригиналовъ—нечего и говорить, когда знаешь вашъ тонкій вкусъ и глазъ, изощренный ко всѣмъ красотамъ уцѣлѣвшихъ остатковъ древности. Ваше изданіе наполнено такимъ великолѣпіемъ и роскошью, которыя слишкомъ рѣдко встрѣчаются и

подражать которымъ ни у кого не хватитъ охоты— такъ много надо положить на это труда».

Въ другомъ письмѣ, отъ 19 іюля 1895 года, профессоръ Кизерицкій, поздравляя А. В. Звенигородскаго съ возведеніемъ его въ званіе «почетнаго доктора» Страсбургскаго университета, прибавлялъ: «Это возведеніе вполнѣ заслуженно, какъ у немногихъ, и я сильно радуюсь вашему «докторству»... Оставайтесь для насъ на много, много лѣтъ образцомъ Мецената. Такой человѣкъ, какъ вы, есть нѣчто драгоцѣнное для всего человѣчества, и по нынѣшнему времени рѣдкій представитель идеальности»...

В. С. Голенищевъ.

Консерваторъ египетскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, египтологъ В. С. Голенищевъ, писалъ А. В. Звенигородскому 20 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Въ вашей книгѣ все совершенно, особенно таблицы, которыя такъ живо напоминаютъ оригиналы. Вы много потрудились, но за то и результатъ получился блестящій. Вы съ гордостью можете сказать, что еще никто до васъ такъ роскошно и такъ совершенно не издавалъ своихъ коллекцій! Научный міръ вамъ долженъ быть глубоко признателенъ, какъ за возможность ознакомиться съ вашими эмалями, такъ и за ту щедрость, съ которою вы раздаете ваши сочиненія»...

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

Членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Н. П. Игнатьевъ, въ телеграммѣ отъ 20 мая 1894 г., изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Примите горячую мою благодарность за вашу роскошную книгу. Изданіе великолѣпное».

К. С. Веселовскій. Академикъ, бывшій непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ, К. С. Веселовскій, писалъ А. В. Звенигородскому 21 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга: «Изданіе вашего единственнаго въ своемъ родѣ собранія византійскихъ эмалей поразительно великолѣпно. Такой роскошной и изящной книги еще никогда не было до сихъ поръ на Руси. Оно сразу заняло видное мѣсто въ ряду самыхъ знаменитыхъ библіографическихъ драгоцѣнностей и шедевровъ, а самому несравненному собранію вашему эмалей доставило нынѣ всемірную извѣстность».

А. Н. Стюрлеръ. Состоящій при Государѣ Императорѣ генералъ-адъютантъ А. Н. Стюрлеръ, въ письмѣ отъ 22 мая 1894 года, изъ Царскаго Села, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Въ вашемъ художественномъ, великолѣпномъ изданіи все—и умъ, и знаніе, и превосходное изложеніе, и созданіе въ полномъ смыслѣ артистическое. Сколько все это стоило труда, да и денегъ не мало израсходовано, по всей вѣроятности! Хотя вы съ особою похвалою отзываетесь (въ «Предисловіи») о вашихъ сотрудникахъ, тѣмъ не менѣе честь и слава вамъ, и вамъ одному. Я запоемъ читаю текстъ и не могу оторваться отъ интереснаго изложенія».

Князь А. К. Имеретинскій. Членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ князь А. К. Имеретинскій, въ телеграммѣ отъ 13 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Отъ всего сердца благодарю за дорогую память и съ благодарностью принимаю вашу драгоцѣнную и интересную книгу».

Бывшій военный министръ, почетный членъ Академіи Наукъ, генералъ-адъютантъ графъ Д. А. Милютинъ, писалъ А. В. Звенигородскому 25 мая 1894 года, изъ Крыма: «Одно уже имя автора текста, проф. Кондакова, служитъ полнымъ ручательствомъ въ томъ, что изданіе ваше составитъ важный вкладъ въ науку археологіи и въ исторію искусства. Что же касается внѣшняго вида изданія, какъ въ отношеніи художественномъ, такъ и типографскомъ и переплетномъ, то можно смѣло сказать, что это верхъ совершенства, un chef d'oeuvre. Такое изданіе приноситъ большую честь какъ главному руководителю столь сложнаго дѣла, такъ и всѣмъ его сотрудникамъ и исполнителямъ. Великолѣпное ваше изданіе займетъ на любой всемірной выставкѣ одно изъ первыхъ мѣстъ». *Графъ Д. А. Милютинъ.*

Писатель объ искусствѣ, М. П. Соловьевъ, въ письмѣ отъ 25 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Роскошнѣе вашей великолѣпной книги у насъ ничего доселѣ издано не было. Съ вашей стороны для книги была оказана царская щедрость, и по ней можно судить, съ какою любовью вы относились къ расточеннымъ драгоцѣнностямъ пышной Византіи, ограбленной «просвѣщенными мореплавателями» Венеціи и благородными рыцарями Франціи и Прованса». *М. П. Соловьевъ.*

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, князь М. С. Волконскій, въ письмѣ отъ 26 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе полно интереса по со- *Князь М. С. Волконскій.*

держанію и въ высшей степени художественно по исполненію. Такія изданія рѣдки, не только у насъ, но и за границею, и надо надѣяться, что этотъ трудъ послужитъ прототипомъ для книгъ этого рода, издаваемыхъ въ нашемъ отечествѣ».

М. И. Чертковъ. Членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ М. И. Чертковъ, въ письмѣ отъ 28 мая 1894 года, изъ Кагарлыка (Крымъ), говорилъ А. В. Звенигородскому: «Всякому русскому лестно, что его соотечественникъ успѣлъ собрать такую неоцѣненную коллекцію и подѣлился своимъ сокровищемъ съ просвѣщеннымъ міромъ. Ничего подобнаго по совершенству изданія у насъ еще не появлялось. Честь вамъ и слава! Ваша изящная книга будетъ гордостью моей скромненькой библіотеки».

А. И. Нелидовъ. Русскій чрезвычайный и полномочный посолъ при Турецкомъ Султанѣ, А. И. Нелидовъ, въ письмѣ отъ 28 мая 1894 года, изъ Буюкдере, писалъ А. В. Звенигородскому: «Интересуясь спеціально византійскимъ искусствомъ, для изученія коего, по моему почину, основанъ здѣсь нашимъ правительствомъ Археологическій Институтъ, и занимаясь самъ собираніемъ остатковъ этого искусства, я съ особымъ удовольствіемъ и благодарностью принимаю вашъ драгоцѣннѣйшій подарокъ».

К. П. Побѣдоносцевъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, въ письмѣ отъ 29 мая 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Сердечно благодарю васъ за добрую память и за

присылку мнѣ великолѣпной вашей книги, которая будетъ и мнѣ пріятною объ васъ памятью. Здравствуйте».

Помощникъ командующаго главной квартирой, графъ А. В. Олсуфьевъ, въ письмѣ отъ 2 іюня 1894 года, изъ Абасъ-Тумана, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Кромѣ огромнаго интереса по содержанію, чудная, роскошная книга ваша представляетъ прекраснѣйшій образецъ типографскаго искусства; для меня же она имѣетъ еще и особое значеніе: вниманіе человѣка, съ которымъ связано воспоминаніе о поступленіи моемъ ко двору цесаревича Александра Александровича, четверть вѣка тому назадъ... Книга ваша употребила не мало времени, чтобы добраться до Абасъ-Тумана, гдѣ я уже третій годъ проживаю при великомъ князѣ Георгіѣ Александровичѣ». *Графъ А. В. Олсуфьевъ.*

Академикъ М. П. Боткинъ, въ письмѣ отъ 10 іюня 1894 года, изъ С.-Петербурга, писалъ А. В. Звенигородскому: «Наконецъ я получилъ ваше чудное изданіе. Я рѣшительно въ восторгѣ отъ него. Несмотря на то, что многіе листы я видѣлъ раньше, въ общемъ—они еще красивѣе. Приношу вамъ, дорогой Александръ Викторовичъ, мою искреннюю благодарность за такой чудный подарокъ. Это крупный вкладъ въ художественную литературу, давно не было такого. Я всѣ эти дни не могу оторваться отъ книги. То посмотрю на поверхность: какое чудное покрывало, ка́къ оно прекрасно нарисовано, какія симпатичныя краски, и ка́къ хорошо выткано,— *М. П. Боткинъ.*

то почитаю, то любуюсь на закладку, ка́къ она хороша и ка́къ хорошо придумана надпись, какой дивный переплетъ! Хвала вамъ, что не пожалѣли ни средствъ, ни времени; сердечно желаю полнаго успѣха, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я стремлюсь издать свои эмали и другія рѣдкости, но за вами трудно угнаться. Искренно и глубоко признателенъ, что упомянули мое имя въ «предисловіи»: это совершенно не заслуженно, но вы этимъ меня очень тронули. Н. П. Кондаковъ поработалъ надъ текстомъ, за это ему большое спасибо. А кажется, еслибы не было нашего глубокоуважаемаго В. В. Стасова, то не скоро бы мы увидали вашу книгу: онъ усердно работалъ надъ нею по цѣлымъ днямъ у себя въ Библіотекѣ, онъ давалъ вамъ много силъ и энергіи съ осуществленіемъ изданія. Ка́къ было бы хорошо, еслибы самыя эмали остались у насъ въ Россіи—покуда прощайте».

Баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

Членъ Совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ и директоръ Департамента внутреннихъ сношеній, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, въ письмѣ отъ 5 августа 1894 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше по истинѣ сказочное изданіе привело меня въ неописанный восторгъ. Почтенный Max Roozes, издавая свой обширный отчетъ о первой сессіи «de la Conférence du Livre», бывшей въ Антверпенѣ въ августѣ 1890 года, конечно и думать не могъ, чтобы уваженіе къ «Книгѣ» могло бы когда-либо получить столь блистательную, столь высоко совершенную осязательность, какъ въ настоящемъ изданіи вашемъ. Я не нахожу словъ, чтобъ выразить вамъ мою глубокую признательность

за этотъ даръ, который получилъ для меня еще бо́льшую цѣну, когда я прочелъ 7 страницу «Предисловія» и узналъ, что не всѣ экземпляры снабжены вашимъ портретомъ. Сознаю, что ничѣмъ не заслужилъ такой знакъ вниманія съ вашей стороны».

Графъ М. Н. Муравьевъ.

Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при датскомъ дворѣ, графъ М. Н. Муравьевъ, въ письмѣ отъ 25 августа 1894 года, изъ Копенгагена, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Драгоцѣнный трудъ вашъ послужитъ лучшимъ украшеніемъ моей библіотеки, и мнѣ лестно будетъ показывать иностранцамъ это изящное русское изданіе».

А. П. Боголюбовъ.

Профессоръ А. П. Боголюбовъ, въ письмѣ, изъ Парижа, отъ 7 октября 1894 года, украшенномъ превосходнымъ рисункомъ перомъ (фрегатъ на морѣ), говорилъ А. В. Звенигородскому: «Такого изданія я просто не видывалъ. Въ настоящее время у насъ (въ Парижѣ) въ Элисейскихъ поляхъ открыта выставка «Exposition du Livre», но ничего подобнаго тамъ не находится. Я самъ пошелъ получать посылку въ парижскую центральную таможню. Чиновникъ спрашиваетъ: «Что́ это за книга, и какое это изданіе? Русское или нѣмецкое»? — «Посмотрите, — говорю: — вотъ портретъ издателя и фамилія его русская». Свѣсили, обмѣрили матерчатую обложку, сообразили цѣнность кожи и картона, высчитали: 3 fr. 10 cent. Я хочу платить. «Да вѣдь это не для продажи»? — Конечно, нѣтъ, это подарокъ моему музею (Радищевскому, въ Саратовѣ)». — «А, такъ это то же, что дали нашимъ музеямъ и библіотекѣ, — ну, такъ съ этого мы по-

шлины не беремъ, а тѣмъ болѣе, ежели это отъ русскаго человѣка»... Дорого вамъ стоитъ ваша книга, но за то вы себѣ этимъ изданіемъ поставили прочный научный памятникъ...

М. М. Антокольскій.

Скульпторъ М. М. Антокольскій, въ письмѣ отъ 16 ноября 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я долженъ сказать, что не видалъ ничего подобнаго вашему чудному изданію. Это въ своемъ родѣ рѣдкій монументъ и вѣчный памятникъ вамъ. Я очень счастливъ, что вы удостоили меня сдѣлать владѣльцемъ экземпляра столь чуднаго рѣдкаго созданія».

А. И. Кояндеръ.

Русскій дипломатическій агентъ при дворѣ Египетскаго Хедива, генеральный консулъ А. И. Кояндеръ, въ письмѣ отъ 8 декабря 1894 года, изъ Каира, писалъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе—истинно царскій подарокъ, единственная по роскоши и изяществу книга; это великолѣпный памятникъ, воздвигнутый книгопечатному искусству, подобнаго которому мнѣ не удавалось еще видѣть. Я буду, конечно, хранить его какъ драгоцѣнность».

И. Я. Гинцбургъ.

Скульпторъ И. Я. Гинцбургъ, въ письмѣ отъ 13 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я безконечно благодаренъ судьбѣ за то, что я познакомился съ вами. Узнавъ васъ, я почувствовалъ къ вамъ такое уваженіе и привязанность, какъ къ самому дорогому человѣку. Книга ваша — это теперь мое богатство, моя гордость, потому что никогда не думалъ бы я, что

буду обладать такой чудесной художественной драгоцѣнностью. Въ минуты отдыха отъ работы, отъ непріятностей, я открою книгу и буду осторожно ее разсматривать, и духъ геніальной старины Византійской, и необыкновенное изящество тѣла этого духа меня возвысятъ и какъ воодушевленіе подѣйствуютъ на мое художественное стремленіе».

Сенаторъ Д. А. Ровинскій, въ письмѣ отъ 13 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я просто пораженъ роскошью и необыкновеннымъ художественнымъ исполненіемъ вашего драгоцѣннаго изданія. Не говоря уже о превосходно выполненныхъ хромолитографіяхъ, титулахъ и рисункахъ, и о грандіозномъ общемъ видѣ монументальнаго переплета, — каждая мельчайшая подробность въ немъ изумляетъ своимъ изяществомъ. Съ какимъ вкусомъ, напримѣръ, вызолочены обрѣзы книги съ цвѣтными бортиками, какъ прелестно выполнены парчевая закладка и драгоцѣнная шолковая рубашка! И при всемъ этомъ, такая кропотливая отдѣлка мельчайшихъ подробностей не только не нарушаетъ цѣльности общаго характера «памятника», но еще сильнѣе выдвигаетъ впередъ его строго-византійскій стиль. Низко, низко кланяюсь вамъ!» *Д. А. Ровинскій.*

Хранитель библіотеки Музея Христіанскаго Искусства при С.-Петербургскомъ Университетѣ, С. А. Жебелевъ, въ письмѣ отъ 15 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Счастливый обладатель вашей книги долженъ гор- *С. А. Жебелевъ.*

диться такимъ сокровищемъ, подобнаго которому никогда не было, да и врядъ ли будетъ».

И. В. Помяловскій.

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета, И. В. Помяловскій, въ письмѣ отъ 15 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Великолѣпная коллекція эмалей, которою по справедливости вы можете гордиться, нашла себѣ достойное опубликованіе въ изданномъ вами трудѣ профессора Кондакова: по изяществу исполненія, по единственной въ своемъ родѣ роскоши, соединенной съ рѣдкимъ вкусомъ, изданіе это смѣло должно быть поставлено въ немногочисленный рядъ европейскихъ художественныхъ изданій, долженствующихъ служить красою каждой библіотеки. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ благодарность за истинно-меценатское вниманіе ваше къ моему недостоинству, вниманіе, долженъ смиренно сознаться, мною незаслуженное, но тѣмъ болѣе для меня дорогое: драгоцѣнный даръ вашъ я считаю щедрымъ признаніемъ моей скромной ученой дѣятельности».

К. Ѳ. Феттерлейнъ.

Библіотекарь С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки, К. Ѳ. Феттерлейнъ, въ письмѣ отъ 15 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «При взглядѣ на вашу книгу, радостнѣе бьется сердце каждаго библіографа. Я съ интересомъ постоянно слѣдилъ за постепеннымъ ростомъ вашего изданія, и знаю очень хорошо, съ какими трудностями вамъ приходилось бороться, сколько непріятныхъ часовъ вамъ довелось пережить и какія траты были съ нимъ связаны. И

вотъ, книга готова per tot discrimina rerum, и вполнѣ соотвѣтствуетъ невыразимому труду и работѣ, и денежнымъ затратамъ великолѣпное изданіе первоклассное! Какъ любитель книгъ, я просмотрѣлъ его съ величайшимъ вниманіемъ отъ A до Z, и всякій разъ я глубоко радуюсь при взглядѣ на него. И что книга эта такъ часто бывала въ моихъ рукахъ, доказывается тѣмъ, что я показывалъ ее каждому изъ многочисленныхъ посѣтителей Библіотеки, нашихъ и иностранныхъ, и всегда обращалъ ихъ вниманіе на красоту всей внѣшности, а также высокое качество бумаги, совершенство печати, изящные заглавные листы, великолѣпные инициалы, и—the last not the least—на превосходные таблицы, печатанныя «червоннымъ золотомъ». И всѣ, кто только видѣлъ эту книгу, выражали лишь одно изумленіе и восторгъ, и совершенно справедливо, потому что въ теченіе всей моей долгой 35-лѣтней практики мнѣ никогда не случилось видѣть что-нибудь подобное, а я много видѣлъ на своемъ вѣку, и здѣсь, и въ чужихъ краяхъ. Изданіе ваше не нуждается въ похвалахъ, оно говоритъ само за себя!—Ваше имя навсегда самымъ тѣснымъ и славнымъ образомъ соединено съ исторіею книжнаго дѣла».

Управляющій Экспедиціею заготовленія Государственныхъ бумагъ, Р. Э. Ленцъ, въ письмѣ отъ 16 января 1895 года изъ Спб., говорилъ А. В. Звенигородскому: «Не помню, чтобъ мнѣ когда-либо случалось видѣть книгу, столь роскошно и изящно изданную, какъ ваша, и я поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ. Все здѣсь въ совершенной гармоніи: *Р. Э. Ленцъ.*

переплетъ, обертка, заложка, украшенія, печать, и, не на послѣднемъ мѣстѣ, текстъ. Такимъ образомъ, ваше изданіе является не только торжествомъ типографскаго и переплетнаго дѣла, но громкое имя автора текста обезпечиваетъ за сочиненіемъ высокое научное значеніе».

Х. Х. Гиль.

Нумизматъ и археологъ, Хр. Хр. Гиль, въ письмѣ отъ 18 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше чудное изданіе вызываетъ изумленіе всѣхъ, кто имѣлъ случай его видѣть»...

С. А. Давыдова.

С. А. Давыдова, въ письмѣ отъ 22 января 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорила А. В. Звенигородскому: «Не нахожу словъ выразить мой восторгъ при видѣ вашего chef d'oeuvre'а искусства, труда, настойчивости и вкуса. Я давно знакома съ вашей дѣятельностью и имѣла возможность видѣть, какъ постепенно подготовлялись рисунки и текстъ. Всѣмъ этимъ я любовалась безконечно, и когда книга ваша была готова, я была въ полномъ восторгѣ отъ ея красоты въ общемъ и въ мельчайшихъ деталяхъ. Теперь же, получивъ ваше чудное изданіе, я могу еще болѣе оцѣнить вашъ трудъ и вмѣстѣ ваше вниманіе, найдя, въ присланномъ мнѣ экземплярѣ — вашъ портретъ. Примите же выраженіе моей сердечной благодарности».

Графиня П. С. Уварова.

Предсѣдательница Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества, графиня П. С. Уварова, въ письмѣ отъ 26 января 1895 года, изъ Москвы,

говорила А. В. Звенигородскому: «Великолѣпіе вашего изданія превышаетъ все то, что́ видано до сихъ поръ; прелесть и изящество таблицъ такое, что отъ нихъ трудно оторваться, а имя Н. П. Кондакова отвѣчаетъ намъ за текстъ. Вамъ будетъ, конечно, благодаренъ весь ученый міръ. Вѣрьте, что вы возвели себѣ этимъ изданіемъ наивѣрнѣйшій и крѣпчайшій памятникъ».

А. И. Кирпичниковъ.

Профессоръ Новороссійскаго Университета, А. И. Кирпичниковъ, въ письмѣ отъ 27 января 1895 года, изъ Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Немало видалъ я на своемъ вѣку роскошныхъ и изящныхъ изданій, и ожидалъ большого изящества и роскоши отъ вашей книги. Но ничего подобнаго тому, что́ вами осуществлено, я не видалъ и не ожидалъ! Я не могу отойти отъ вашей книги, отрываюсь только на минуту, чтобы хотя двумя словами (соотвѣтственныхъ словъ все равно не придумаешь) выразить вамъ свой восторгъ и благодарность. Я положительно чувствую себя счастливымъ, какъ давно не чувствовалъ, что попалъ въ число немногихъ счастливцевъ, получившихъ вашу необыкновенную, небывалую книгу».

А. Э. Мейштовичъ.

Помѣщикъ Ковенской губерніи, А. Э. Мейштовичъ, въ письмѣ отъ 29 января 1895 года, изъ имѣнія Поіостье (Ковенской губ.), говорилъ А. В. Звенигородскому: «Законченное во всѣхъ подробностяхъ, какъ картины Мейсоньэ, на ряду съ нимъ ваше прелестное изданіе останется навѣрное однимъ изъ лучшихъ произведеній искусства нашего столѣ-

тія, и я прельщаюсь мыслью быть однимъ изъ владѣльцевъ такой роскошной рѣдкости».

А. И. Косичъ. Командующій IV армейскимъ корпусомъ, генералъ А. И. Косичъ, въ письмѣ отъ 30 января 1895 года, изъ Минска, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше драгоцѣнное изданіе просто царскій подарокъ по своимъ неоцѣненнымъ достоинствамъ изящества, богатства и красоты, и по своему неоцѣненному вкладу въ научную сокровищницу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это рѣдкое, по благородству, употребленіе матеріальнаго достатка, и по тому священному огню, который не только никогда не угасалъ въ васъ, но ярко свѣтитъ на симпатичномъ поприщѣ человѣческихъ знаній. Исполать вамъ, дорогой!.. Мы всѣ оторваться не можемъ отъ прелести вашего сокровища».

И. Е. Забѣлинъ. Академикъ и археологъ И. Е. Забѣлинъ писалъ А. В. Звенигородскому 31 января 1895 года, изъ Москвы: «Ваше безпримѣрно-драгоцѣннѣйшее изданіе приводитъ въ неизъяснимый восторгъ каждое преданное наукѣ древностей сердце! Вы соорудили такой памятникъ, именно, русской археологической наукѣ, который на вѣки останется единственнымъ по художественному исполненію предметовъ древности, и по той не менѣе художественной и роскошной обстановкѣ, которая сопровождаетъ это великолѣпнѣйшее исполненіе. Отнынѣ изучающій византійскія эмали въ вашемъ изданіи пріобрѣтаетъ не снимки, болѣе или менѣе удачно исполненные, но, можно сказать съ восторгомъ, пріобрѣтаетъ самые подлинники въ живомъ ихъ видѣ»...

Представитель московской фирмы А. и В. Сапожниковы, В. Г. Сапожниковъ, въ письмѣ отъ 31 января 1895 года, изъ Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Сожалѣю, что не могу лично выразить вамъ чувства благодарности и уваженія, любуюсь на ваше «единственное» изданіе, еще болѣе мнѣ дорогое тѣмъ, что, несмотря на мое малое участіе въ украшеніи вашей книги, вы почтили меня вашимъ вниманіемъ». *В. Г. Сапожниковъ.*

Русскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Персидскомъ Шахѣ, Е. К. Бюцовъ, въ письмѣ отъ 9 февраля 1895 года, изъ Тегерана, писалъ А. В. Звенигородскому: «Сознаюсь, что, какъ цѣнителю изящнаго, вы доставили мнѣ вашею книгой истинное наслажденіе, какъ русскому же—дали мнѣ возможность сочувствовать той гордости, на которую рѣдкое по содержанію и по совершенству исполненія изданіе даетъ вамъ несомнѣнное право. Предметъ изданнаго вами труда самъ по себѣ представляетъ для меня большой интересъ». *Е. К. Бюцовъ.*

Профессоръ Кіевскаго Университета, В. Б. Антоновичъ, въ письмѣ отъ 14 февраля 1895 года, изъ Кіева, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Помимо высокаго научнаго интереса, который представляютъ какъ текстъ, такъ и рисунки книги, изящество изданія настолько поразительно, что я подобнаго ему не только никогда не видѣлъ, но и не могъ себѣ составить о немъ представленія»... *В. Б. Антоновичъ.*

Академикъ и заслуженный профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ, въ письмѣ отъ 18 февраля 1895 года, изъ *Ѳ. И. Буслаевъ.*

Москвы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе поразило меня столько же своимъ великолѣпіемъ, сколько и обогатило обиліемъ поучительнаго матеріала. Въ одномъ изъ своихъ писемъ вы удостоили назвать меня *своимъ учителемъ*. Съ гордостью принимаю этотъ титулъ, потому что могъ воспитать такого ученика, который далеко превзошелъ своего учителя»...

Д. В. Стасовъ. Присяжный повѣренный, Д. В. Стасовъ, въ письмѣ отъ 27 февраля 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ я постоянно зналъ о всѣхъ, даже мельчайшихъ вашихъ заботахъ по изданію вашей книги, изумлялся вашей настойчивости и слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за ходомъ вашего монументальнаго и—полагаю—единственнаго, совершенно безпримѣрнаго въ своемъ родѣ изданія, но когда оно появилось на свѣтъ, то я, какъ и всѣ люди, его увидавшіе, былъ просто изумленъ и пораженъ его красотой, изяществомъ и тою массою труда, знанія и вкуса, которые въ него вложены и которые дѣлаютъ величайшую честь человѣку, осуществившему это изданіе, и сохранятъ навсегда и вездѣ его имя между людьми, дорожащими искусствомъ и наукой. Не знаю, какъ и чѣмъ выразить вамъ чувства моей благодарности и искренняго уваженія къ вашей дѣятельности».

Д. В. Айналовъ. Профессоръ Казанскаго Университета, Д. В. Айналовъ, въ письмѣ отъ 20 марта 1895 года, изъ Казани, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваша книга

представляетъ настоящій chef d'oeuvre печатнаго дѣла, настолько же по украшеніямъ и ихъ выбору, насколько по внутреннему содержанію и по соотвѣтствію его съ украшеніями. Не говоря уже о томъ, что всѣ мельчайшія детали, печать, бумага, заглавныя буквы, исполненныя очень интересной гравюрой, чрезвычайно мягкой, а затѣмъ гравюра рисунковъ въ текстѣ, поразительная по техническому совершенству, и, наконецъ, рубашка, особенно закладка и самый переплетъ, исполненный въ высшей степени стильно и художественно съ технической стороны, не говоря уже объ артистической цѣнности композиціи рисунка, — все это, очевидно, служитъ предметомъ заботъ и исканій... Искренно благодарю васъ за такой подарокъ».

Профессоръ Новороссійскаго Университета, А. И. Деревицкій, въ письмѣ отъ 21 марта 1895 года, изъ Одессы, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Сдѣлать ваше несравненное собраніе византійскихъ эмалей доступнымъ изученію широкаго круга интересующихся искусствомъ лицъ, въ такомъ совершенномъ воспроизведеніи, какое дано въ вашемъ превосходномъ изданіи — задача, вполнѣ достойная просвѣщеннаго мецената и знатока искусства, каковымъ въ лицѣ вашемъ гордится русскій міръ. Не откажите же принять и мою слабую дань безграничнаго удивленія и горячей признательности». *А. И. Деревицкій.*

Редакторъ газеты «Новости», О. К. Нотовичъ, въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому, отъ 10 сентября 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ: «Ваша вели- *О. К. Нотовичъ.*

колѣпная книга у меня постоянно передъ глазами, соединяя въ моемъ представленіи двѣ величайшія цивилизаціи — классическую и современную, — и я горжусь обладаніемъ ею. Такія книги будятъ въ мыслящемъ человѣкѣ самыя разнородныя настроенія: скорбь о безвозвратно минувшемъ, примиреніе съ настоящимъ и надежды на будущее. И вы — творецъ-издатель этой столько замѣчательной книги! Въ этомъ и ваша заслуга и ваша награда»!

Е. М. Бёмъ.

Художница Е. М. Бёмъ, въ письмѣ отъ 17 октября 1895 года, изъ С.-Петербурга, написанномъ въ видѣ старинной грамоты, говорила А. В. Звенигородскому: «Вашъ драгоцѣнный даръ безконечно осчастливилъ меня! Не находя словъ, чтобъ выразить вамъ мою глубочайшую признательность, а также мое восхищеніе этимъ высоко-художественнымъ произведеніемъ, я рѣшаюсь, черезъ посредство прилагаемаго рисунка:

ГУСЛЯРЪ

спѣть вамъ, по старинному русскому обычаю

СЛАВУ!

славу, широко распространенную по всей Европѣ, этимъ

ЧУДОМЪ ИЗЪ ЧУДЕСЪ

по части художественныхъ изданій! Появленіе въ свѣтъ вашей книги о византійской эмали было настоящимъ праздникомъ для всѣхъ, кто близокъ къ міру искусствъ, и надо быть искренно признательнымъ тому, кто осуществилъ это дѣло, а также по-

ложилъ въ него столько любви и энергіи, сдѣлавъ подборъ изъ такихъ высоко-даровитыхъ сотрудниковъ, какъ достоуважаемые наши ученые и художники: В. В. Стасовъ, И. П. Ропетъ, В. В. Матэ и др. Вѣрно многіе и многіе присоединятъ свой голосъ, чтобы пропѣть

СЛАВУ, ВО ВѢКИ ВѢКОВЪ СЛАВУ

тому, кому и подобаетъ ее спѣть»!

С. В. Тарновская.

Въ письмѣ отъ 5 ноября 1895 года, изъ Кіева, С. В. Тарновская говорила А. В. Звенигородскому: «Положительно нахожусь въ затрудненіи, чтобы передать вамъ мое изумленіе и восторгъ при полученіи вашего прелестнаго изданія; но еще труднѣе мнѣ выразить всю силу моей глубокой, глубокой сердечной признательности за такое громадное незаслуженное мной вниманіе съ вашей стороны. Глубоко тронута тѣмъ, что вы сочли меня достойной быть собственницей такого обще-европейскаго сокровища. Мнѣ остается только добавить, что книга эта будетъ для меня и предметомъ гордости, удивленія и восхищенія, и по содержанію своему будетъ служить для меня источникомъ серьезныхъ, совершенно новыхъ еще познаній въ области мірового искусства. Насколько я позволю себѣ выразить свое личное впечатлѣніе, я должна сказать, что была поражена красотой и богатствомъ вашего изданія, просто не хочется оторвать отъ него глаза, съ какимъ-то благоговѣніемъ дотрогиваешься до него, а заботливость и усердіе, съ какимъ подобраны и подведены подъ главную мысль мельчайшія подробности, не можетъ

не вызвать восторженнаго восклицанія со стороны хотя бы и не спеціалиста, цѣнителя-знатока. Мнѣ никогда и не мечталось, чтобы такая книга принадлежала мнѣ лично, такъ какъ я сочла бы себя удовлетворенной, еслибы хоть издали удалось ее увидать, послѣ всего слышаннаго»...

М. Гинцбургъ.

М. Гинцбургъ, въ письмѣ отъ 9 апрѣля 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Если вся Россія и вся Европа любуются на вашу драгоцѣнную книгу, это чудо искусства въ витринахъ нашей и другихъ публичныхъ библіотекъ, то я, скромный человѣкъ, благодаря вашей щедрости, состою теперь въ числѣ тѣхъ немногочисленныхъ, избранныхъ вами, его обладателей. Только пламенная, безкорыстная любовь къ искусству, въ соединеніи съ другими необходимыми условіями, могла создать что-либо подобное — монументальное».

РУМЫНІЯ.

Начальникъ военной канцеляріи Короля Румынскаго, дивизіонный генералъ Владеско, въ письмѣ отъ 5 іюля (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Его Величество Король соблаговолилъ довѣрить мнѣ пріятное порученіе выразить вамъ всю глубокую его благодарность за любезную внимательность вашу, доставивъ ему, черезъ русскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, Н. А. Фонтона, превосходное изданіе вашихъ византійскихъ эмалей. Его Величество много любовался вашимъ великолѣпнымъ изданіемъ, дающимъ такое же высокое понятіе о древне-византійской эмали, по его содержанію, какъ и о нынѣшнемъ русскомъ искусствѣ, по его выполненію». *Король Румынскій.*

ТУРЦІЯ.

Константинопольскій патріархъ Анѳимъ, въ письмѣ отъ 18 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ Константинополя, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Любезно присланные вами, черезъ посредство посланника Высокой Порты въ Брюсселѣ, для великой Христовой Церкви, два экземпляра археологическаго сочиненія много-заслуженнаго господина профессора Н. Кондакова «Византійскія эмали», поступили уже въ число драгоцѣнностей какъ патріаршеской библіотеки, такъ и библіотеки нашего патріаршескаго богословскаго факультета въ Халки. Ваше драгоцѣнное изданіе увѣковѣчиваетъ не только издревле досточтимое византійское и восточное искусство, но также искреннее благочестіе, которымъ вы христолюбиво проникнуты, и въ силу котораго вы соблаговолили принести въ даръ святой Матери-Церкви вашу великолѣпную и достойную книгу. Мы сожалѣемъ, что Наша Церковь, по недостатку матеріальныхъ средствъ, лишена возможности собирать и спасать древне историческіе и священные предметы, относящіеся къ византійской и церковной исторіи;

Патріархъ Анѳимъ.

тѣмъ болѣе радуемся Мы, съ другой стороны, видя, какъ выходящіе изъ ряду вонъ люди, сколько по своему общественному положенію, такъ и по религіозно-радостному чувству, пламенѣютъ богоугоднымъ рвеніемъ и преслѣдуютъ эту цѣль, и при этомъ не жалѣютъ ни времени, ни денежныхъ средствъ, только стараются о томъ, чтобъ эти превосходные предметы сдѣлались извѣстны цѣлому свѣту, посредствомъ ихъ изданія. Вслѣдствіе того, благодаря васъ отъ всего сердца за драгоцѣнный вашъ даръ, Мы выражаемъ вамъ справедливую и истинно заслуженную хвалу за вашу заботу объ изданіи такихъ изумительныхъ вещей, съ такою необычайно дорогою и въ высшей степени художественною внѣшностью, и притомъ съ присоединеніемъ къ нимъ такой глубоко-ученой работы, какъ текстъ столь даровитаго и ученаго профессора Кондакова. Мы осѣняемъ ваше христолюбивое чело Нашими патріаршескими благопожеланіями и благословеніемъ. Пребываемъ вашимъ искреннимъ предъ Господомъ Богомъ богомольцемъ и благосклоннымъ къ вамъ».

Греческая Филологическая Академія.

Въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому, за подписью президента греческо-философскаго Силлога въ Константинополѣ, доктора Малліадеса, и генеральнаго секретаря того же учрежденія, Пантацидеса, отъ 19 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Константинополя, было сказано: «Драгоцѣнный и высоко-художественный экземпляръ книги ученаго профессора Кондакова о византійскихъ эмаляхъ, чрезвычайно солидной и роскошной, изданной вами съ необычайнымъ трудомъ и огромными затратами и подаренной намъ,

исправно полученъ, посредствомъ императорско-турецкаго посланника въ Брюсселѣ, превосходительнаго С. Каратеодори, Греческо-Филологическою Академіею. Наша Академія считаетъ за великую честь этотъ подарокъ рѣдкой и неоцѣненной книги, которая принесетъ вамъ навѣки нескончаемую славу. Она смотритъ также на этотъ подарокъ, какъ на почетное признаніе вами научныхъ заслугъ ея членовъ».

Патріархъ Герасимъ.

Патріархъ Іерусалимскій, Герасимъ, въ письмѣ отъ 12 сентября 1895 года, изъ Іерусалима, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Желаемъ тебѣ всякаго блага и отечески благословляемъ тебя о Господѣ! Хотя мы лишены благополучія знать тебя лично, высокій и многолюбезный сынъ Нашей Мѣрности, цѣлая троица истинныхъ свидѣтелей, во-первыхъ, нашъ высокочтимый и многолюбезный сынъ по духу, господинъ Стефанъ Каратеодори, затѣмъ твое высокопочтенное и истинно единственное по всѣмъ совершенствамъ твореніе твое, трактующее о «византійскихъ эмаляхъ», наконецъ, твое благочестивое дѣяніе — принесеніе экземпляра этого драгоцѣннаго творенія въ даръ Св. Гробу нашего Христа Спасителя, показали Намъ блестящую красоту твоей души. Поэтому, съ одной стороны, укрѣпляя тебя на пути евангельскаго совершенства, Мы, съ другой стороны, желаемъ, чтобъ достодолжная честь была оказана полезно трудящимся, и чтобы черезъ то были очевидно преподаны подкрѣпленіе и наставленіе также и другимъ, и чтобы благодать достопочтенной Матери-Церкви, въ образѣ драгоцѣннаго дара, была дарована твоей любезной главѣ, Мы признали за благо вручить тебѣ

истинную частицу драгоцѣннаго и животворящаго Древа, на которомъ Богочеловѣкъ и нашъ Спаситель распростеръ длани и чудесно совершилъ наше спасеніе.

«Препровождая къ тебѣ этотъ даръ, вмѣстѣ со свидѣтельствомъ его истинности, черезъ посредство его превосходительства, господина Стефана Каратеодори, Мы желаемъ, чтобъ онъ послужилъ тебѣ какъ благодать Божія, охраняющая отъ всякой злой напасти, укрѣпляющая во всякомъ добрѣ и всяческой добродѣтели, источникъ благодати и всякаго отъ Бога идущаго счастія. Аминь.

Святой Градъ Іерусалимъ.
Лѣта 1895, сентября 12.

Патріархъ Іерусалимскій пламенный богомолецъ во Христѣ.

Въ свидѣтельствѣ было сказано: «Наша Мѣрность во вниманіе къ высокимъ добродѣтелямъ и истинному благочестію высокочтимаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Императора Всероссійскаго и преданнѣйшаго сына Святой Матери-Церкви, Александра Звенигородскаго, и къ его ревностнымъ трудамъ по части христіанскихъ изысканій, даемъ ему наше благословеніе и даруемъ ему истинную частицу Святого Древа отъ Животворящаго Креста нашего Христа Спасителя, вложенную въ золотой крестъ, который Мы дозволяемъ ему, съ нашего благословенія, какъ кавалера Всесвятѣйшаго Гроба Господня, носить съ шеи на груди, для благодати, помощи и охраны отъ всякаго злаго случая».

Дано въ Святомъ Градѣ Іерусалимѣ.
Лѣта 1895, сентября 12.

Герасимъ, патріархъ Іерусалимскій.

Турецкій посланникъ въ Бельгіи, С. Каратеодори-Эфенди, въ письмѣ отъ 29 октября (10 ноября) 1894 года, изъ Брюсселя, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я горжусь тѣмъ, что вы даровали мнѣ вашъ безцѣнный бриллiантъ, и тѣмъ, что вы захотѣли оказать мнѣ эту честь. Я не перестаю восхищаться несравненнымъ памятникомъ, которымъ вы обогатили исторію византійскаго искусства. Не говоря уже о сущности книги, не знаешь, чему болѣе удивляться, тонкому ли вкусу, проявляющемуся здѣсь на каждой страницѣ, богатству ли его типографскаго выполненія, художественной ли любви, красотѣ и точности малѣйшихъ подробностей». *С. Каратеодори-Эфенди.*

ФРАНЦІЯ.

Въ письмѣ отъ 24 ноября (н. ст.) 1894 г. изъ Парижа, г. Ганото, министръ иностранныхъ дѣлъ, говорилъ совѣтнику русскаго посольства въ Парижѣ, Н. Н. Гирсу: «Казиміръ Перье, Президентъ Республики, съ величайшимъ интересомъ ознакомился съ этимъ великолѣпнымъ трудомъ, и поручилъ мнѣ просить васъ передать г. Звенигородскому выраженіе его живѣйшей благодарности».

Президентъ Республики Казиміръ Перье.

Отъ имени Президента Французской Республики, Феликса Фора, начальникъ особой его канцеляріи, Г. Блонъ, въ письмѣ отъ 29 іюня (н. ст.) 1895 года, изъ Парижа, сообщилъ А. В. Звенигородскому, что Президентъ Республики съ живѣйшимъ интересомъ разсматривалъ его «великолѣпное изданіе и поздравляетъ съ результатами, достигнутыми столько же съ точки зрѣнія внутренняго достоинства книги, какъ и со стороны художества и книжнаго издательства».

Президентъ Республики Феликсъ Форъ.

Парижская Академія Наукъ.

Парижская Академія Наукъ въ *двухъ* засѣданіяхъ разсматривала изданіе А. В. Звенигородскаго: въ первый разъ 28 сентября (н. ст.), по докладу члена Академіи и профессора Сорбонны, Ларрумэ, во второй разъ 30 ноября (н. ст.) 1894 года, по докладу члена академіи Шлюмбергера, и краткій отчетъ о нихъ былъ напечатанъ затѣмъ въ «Journal Officiel». Здѣсь было сказано: «Академія получила отъ А. В. Звенигородскаго экземпляръ изданнаго этимъ извѣстнымъ знатокомъ, великолѣпнаго труда (splendide travail) о византійскихъ эмаляхъ г. Н. Кондакова, одного изъ значительнѣйшихъ русскихъ византинистовъ. Теперь уже извѣстно, по крайней мѣрѣ по репутаціи, это изданіе, по своей матеріальной внѣшности столь изящное, столь роскошное, даже до малѣйшихъ подробностей: оно можетъ считаться въ числѣ роскошнѣйшихъ типографскихъ изданій послѣднихъ годовъ. Хромолитографическія таблицы столь совершенны, что можно подумать, что видишь самые оригиналы. Но у этого изданія есть еще другое важное значеніе: это именно, что со времени изслѣдованій Лабарта, только намѣтившаго путь, настоящее сочиненіе есть первое большое и общее изслѣдованіе о византійскомъ эмальерномъ искусствѣ, и что работа эта произведена мастеромъ по этой части (un maître en cette matière). Благодаря изслѣдованіямъ г. Н. Кондакова, одна изъ интереснѣйшихъ и характернѣйшихъ вѣтвей византійскаго искусства обладаетъ отнынѣ подробною монографіей. Первымъ поводомъ къ созданію этой книги было извѣстное количество превосходныхъ эмалей, принадлежащихъ г. Звенигородскому, но изслѣдованіе

г. Кондакова есть, въ сущности, нѣчто гораздо болѣе обширное: это полная исторія византійской эмали».

Е. Мюнцъ, членъ парижской Академіи Наукъ и библіотекарь парижской Академіи Художествъ (Ecole des Beaux-Arts), въ письмѣ отъ 10 октября (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Когда, дней десять тому назадъ, ваша книга была представлена Институту (Institut de France), вся наша «Академія Надписей» (Académie des Inscriptions) была единогласна въ своемъ восхищеніи (á été unanime á l'admirer)... Вы въ непродолжительномъ времени получите оффиціальную благодарность нашей Академіи Художествъ (Académie des Beaux-Arts) за экземпляръ, поднесенный ей вами. Я позабочусь о томъ, чтобъ ваша книга была помѣщена въ приличествующемъ ей мѣстѣ, и могу заблаговременно завѣрить васъ, что она часто будетъ призываема на совѣтъ археологами и художниками, посѣщающими наше учрежденіе».

Членъ той же Академіи, Шлюмбергеръ, писалъ А. В. Звенигородскому, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 1 декабря (н. ст.) 1894 года, про *второе* засѣданіе: «Президентъ Академіи Надписей, г. Поль Мейеръ, среди всеобщаго вниманія, высказалъ отъ себя нѣсколько словъ восхищенія и благодарности за чудесный даръ А. В. Звенигородскаго, и поручилъ мнѣ передать вамъ чувства живой благодарности Академіи. Положено Академіей: напечать, въ протоколахъ ея, извѣстіе объ этомъ засѣданіи и воспроизвести

его въ «Journal Officiel» и въ значительнѣйшихъ ученыхъ журналахъ».

Непремѣнный секретарь «Institut de France», графъ Анри Делабордъ, писалъ А. В. Звенигородскому, изъ Парижа, 30 марта (н. ст.) 1895 года: «Французская Академія приняла съ благодарностью ваше великолѣпное изданіе, представленное ей нашимъ сотоварищемъ г. Ларрумэ: онъ высказалъ Академіи весь интересъ и все значеніе этого изданія, всего болѣе относительно превосходныхъ эмалей вашей коллекціи. Книга ваша украситъ нашу библіотеку, и Академія поручила мнѣ передать вамъ ея благодарность».

Луврская Библіотека.

Генеральный секретарь Дирекціи Національныхъ музеевъ, Флоріанъ Травинскій, писалъ 4 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, А. В. Звенигородскому: «Ваше великолѣпное изданіе — настоящій художественный памятникъ, который создаетъ славу того, кто его задумалъ и кто наблюдалъ за его исполненіемъ. Мы всѣ здѣсь въ Луврѣ восхищаемся имъ, и наша Публичная Библіотека очень желала бы обогатиться этою книгою, единственною въ своемъ родѣ».

Музей Клюни.

Директоръ музея Клюни, Е. Саліо, въ письмѣ отъ 28 сентября 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я только что получилъ «Исторію византійскихъ эмалей, любезно принесенную мнѣ вами въ даръ. Вы сдѣлали мнѣ великую честь, предположивъ, что я оцѣню по достоинству все великое ху-

дожественное и научное значеніе этой книги; вы не ошиблись насчетъ высокаго моего уваженія и къ вашему изданію, мнѣ уже достаточно извѣстному, и къ вамъ, какъ владѣльцу столь драгоцѣнныхъ художественныхъ созданій, дѣлающему ихъ вполнѣ доступными для ученыхъ и знатоковъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 22 ноября того же 1894 г., Е. Саліо, благодаря еще разъ А. Звенигородскаго за свой собственный экземпляръ, а также за экземпляръ, принесенный въ даръ музею Клюни, говорилъ, что это «изданіе предпринято съ необычайною щедростью и доведено до совершенства съ изумительною заботливостью».

Парижская Національная Библіотека.

Директоръ Парижской Національной Публичной Библіотеки, Леопольдъ Делиль, писалъ А. В. Звенигородскому, 29 сентября 1894 года, изъ Парижа: «Издавая вашу великолѣпную книгу, гдѣ вы такъ хорошо дали ученому міру узнать драгоцѣнные памятники, находящіеся въ вашихъ коллекціяхъ, вы оказали громадную услугу археологіи и я позволю себѣ поздравить васъ съ этимъ».

Дирекція Національныхъ Музеевъ.

А. Кёмпфенъ, директоръ Національныхъ Музеевъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ письмѣ своемъ, изъ Парижа, отъ 1 октября 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Спѣшу благодарить васъ, отъ моего имени, а также отъ имени Дирекціи Музеевъ, за великодушную рѣшимость вашу обогатить нашу библіотеку книгой, великолѣпно изданной и съ которою будутъ справляться, съ великою для себя пользой, всѣ тѣ, кого интересуетъ еще мало извѣстное до сихъ поръ византійское искусство».

Муниципальная Библіотека города Нанси.

Въ письмѣ изъ Нанси, отъ 3 октября (н. ст.) 1894 года, помощникъ мэра города Нанси, за отсутствіемъ самого мэра, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Имѣю честь передать вамъ благодарность муниципальнаго управленія города Нанси за вашъ истинно великолѣпный подарокъ. Книга эта, изданная роскошно, заключенная въ изумительный переплетъ и содержащая описаніе вашего чуднаго собранія, займетъ почетное мѣсто въ художественной залѣ нашей Муниципальной Библіотеки. Она будетъ тамъ храниться рядомъ съ другимъ большимъ изданіемъ, съ которымъ имѣетъ много сходства и которое также содержитъ описаніе другой знаменитой коллекціи: «Коллекція Шпицера».

Ваша книга будетъ для насъ драгоцѣнна въ разныхъ отношеніяхъ: по своему выполненію типографскому и фотолитографическому, она будетъ однимъ изъ алмазовъ нашей библіотеки; по своему содержанію, она призвана оказать намъ великія услуги, какъ въ нашей художественной школѣ, такъ и въ нашемъ словесномъ факультетѣ, въ которомъ профессоръ археологіи именно занимается византійскимъ искусствомъ».

Художественная Библіотека города Ліона.

Мэръ города Ліона, Гетрё, въ письмѣ отъ 6 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Ліона, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше великолѣное изданіе будетъ помѣщено, по вашему желанію, въ Художественной Библіотекѣ города Ліона, въ художественной галлереѣ. Мы принимаемъ этотъ подарокъ съ величайшею симпатіей»...

Директоръ «Ecole des Chartes», предсѣдатель «Академіи надписей», Поль Мейеръ, отъ 8 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше великолѣпное изданіе займетъ почетное мѣсто въ библіотекѣ нашего учрежденія и окажетъ очень большія услуги профессорамъ и студентамъ нашей школы». *Ecole des Chartes.*

Директоръ Сенъ-Жерменскаго Музея, Соломонъ Рейнахъ, писалъ А. В. Звенигородскому 10 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Сенъ-Жермена: «Мы получили ваше удивительное изданіе, памятникъ науки, роскоши и вкуса. Оно будетъ лучшимъ украшеніемъ нашей библіотеки, достойнымъ стать у насъ рядомъ съ «Жизнью Цезаря», въ переплетѣ съ французскимъ императорскимъ гербомъ, книгою, которую намъ принесъ въ даръ Наполеонъ III, въ день открытія нашего Музея». *Сенъ-Жерменскій Музей.*

Редакторъ журнала «Gazette des Beaux-Arts», Шарль Эфрусси, писалъ А. В. Звенигородскому, въ письмѣ отъ 15 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Слава великолѣпнаго вашего изданія византійскихъ эмалей достигла, какъ вы легко можете себѣ представить, и Парижа. На него у насъ здѣсь смотрятъ, какъ на *настоящее художественное событіе* (un véritable événement artistique)». Въ другомъ письмѣ, отъ 28 октября 1894 года, изъ Мартэ (въ департаментѣ Эны): «Ваше изданіе наполнено такой красотой и заключаетъ въ себѣ такую важность, что дѣйствительно одни избранники имѣютъ на него право. Это истинный памятникъ, воздвигнутый вами вкусу *Gazette des Beaux-Arts.*

и искусству. Позвольте поздравить васъ съ тѣмъ, что вы довели до конца это изумительное изданіе, гдѣ вы достигли всѣхъ совершенствъ, восхищая однихъ, поучая другихъ, изумляя всѣхъ, даже самыхъ разборчивыхъ и строгихъ».

Ecole Nationale des Beaux-Arts.

Директоръ французской Академіи Художествъ (Ecole Nationale des Beaux-Arts), скульпторъ Поль Дюбуа, писалъ А. В. Звенигородскому, 17 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Имѣю честь благодарить васъ, отъ имени администраціи нашей Академіи, за вашу столь важную книгу, которой достоинства будутъ живо оцѣнены художниками, археологами и любителями, для которыхъ открыта библіотека нашей Академіи».

Французская Школа въ Римѣ.

А. Жеффруа, директоръ Французской Школы въ Римѣ, въ письмѣ отъ 18 октября (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Примите всѣ наши благодарности. У вашей великолѣпной книги уже составилась своя репутація. Мы не преминимъ отдать ей справедливость въ «Mélanges d'archéologie et d'histoire», издаваемыхъ нашею школой».

Тулузская Академія.

Э. Меримэ, членъ Тулузской Академіи, отъ имени этого учрежденія благодарилъ, 9 ноября (н. ст.) 1894 года, А. В. Звенигородскаго, за принесенный имъ въ даръ экземпляръ великолѣпнаго изданія, «гдѣ самая глубокая наука получаетъ отъ искусства истинно достойное ея убранство, — этого шедевра, явившагося на свѣтъ благодаря общему сотрудничеству многихъ художниковъ, и содержащаго капи-

тальное изслѣдованіе знаменитаго петербургскаго профессора». Къ этому Меримэ прибавлялъ, что въ протоколахъ засѣданій Тулузской Академіи будетъ, по единогласному рѣшенію Академіи, съ почетомъ упомянуто о дарѣ г. Звенигородскаго.

Высшая Нормальная Школа.

Директоръ Высшей Нормальной Школы, Жоржъ Перро, писалъ А. В. Звенигородскому 26 ноября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Библіотека нашей школы получила ваше изданіе. Безъ сомнѣнія, это самая великолѣпная книга изъ всѣхъ, что́ у насъ есть. Мы всѣ восхищались, и выборомъ воспроизведенныхъ памятниковъ, и солидностью текста, и чуднымъ совершенствомъ таблицъ, и изумительною заботливостью о малѣйшихъ подробностяхъ. Я не могу вамъ разсказать, какъ мои товарищи, профессора, Школа и я тоже, вамъ благодарны за включеніе насъ въ число тѣхъ, кто, между большими европейскими библіотеками и учеными, получилъ эту книгу, великолѣпную изъ великолѣпныхъ».

Лилльскій Университетъ.

Л. Муа, деканъ Словеснаго факультета Лилльскаго Университета, въ своемъ письмѣ (имѣющемъ видъ орнаментированнаго адреса), изъ Лилля, отъ 1 декабря (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Факультетъ, въ полномъ своемъ составѣ, поручаетъ мнѣ выразить вамъ свою признательность за ученый и великолѣпный трудъ, доставленный мнѣ вами; впрочемъ нашъ факультетъ, первый во всей Франціи, открылъ курсъ русскаго языка. Ваше изданіе будетъ храниться на почетномъ мѣстѣ въ большой залѣ Совѣта, вмѣстѣ съ предметами,

сохраняющими память о самыхъ дорогихъ событіяхъ нашей университетской жизни».

Французская Академія въ Римѣ.

Директоръ Французской Академіи въ Римѣ, Гюльомъ, писалъ А. В. Звенигородскому 16 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Рима: «Имѣю честь заявить вамъ о полученіи драгоцѣнной книги, принесенной вами въ даръ библіотекѣ Французской Академіи въ Римѣ, и выразить вамъ нашу благодарность. Но я хочу также высказать вамъ все мое восхищеніе отъ этого великолѣпнаго изданія. Все несравненно въ вашей книгѣ: и воспроизведеніе оригинальныхъ памятниковъ, точно также какъ и текстъ, служащій имъ поясненіемъ. Это сущее чудо, и въ отношеніи искусства и науки, искусства типографскаго. Примите всѣ мои поздравленія. Не могу также промолчать про то, какъ я былъ тронутъ, найдя въ книгѣ вашъ портретъ: онъ не только даетъ намъ представленіе о высокомъ и великодушномъ дарителѣ, но еще является работой оплакиваемаго нами Фердинанда Гальяра, который принадлежитъ къ числу славъ Французской Академіи въ Римѣ, гдѣ онъ завершилъ годы своего ученія».

Association pour l'encouragement des études grecques en France.

Секретарь общества: «Association pour l'encouragement des études grecques en France, à l'Ecole des Beaux-Arts», въ Парижѣ, П. Жираръ, писалъ отъ имени своего общества А. В. Звенигородскому 12 января (н. ст.) 1895 года, изъ Парижа: «Получивъ въ свое владѣніе вашу чудную книгу, которой иллюстраціи, типографское исполненіе и переплетъ дѣлаютъ столько чести вашему вкусу, просвѣщенному

въ отношенiи къ искусству и вашему горячему рвенiю въ отношенiи къ наукѣ, бюро «Ассоцiацiи» поручаетъ мнѣ выразить вамъ свою глубокую благодарность и высказать, какъ она высоко цѣнитъ этотъ вашъ даръ, который будетъ у насъ считаться однимъ изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ нашихъ сокровищъ».

Journal des Débats.

Консерваторъ Луврскаго Музея (отдѣленiе новой скульптуры), Андрэ Мишель, писалъ въ «Journal des Débats» 29 октября 1894 года: «Прибывшее недавно въ Парижъ сочиненiе «Исторiя и памятники византiйской эмали» есть великолѣпная книга, роскошно обернутая въ шелковыя ткани и украшенная всѣми чудесами современнаго типографскаго и переплетнаго искусства — по рисункамъ петербургскаго архитектора Ропета. Дѣло идетъ о драгоцѣнномъ и совершенно исключительномъ памятникѣ. воздвигнутомъ на пользу наукѣ и во славу одной особенной коллекцiи, собственникомъ ея, однимъ русскимъ любителемъ. Этотъ любитель—Александръ Звенигородскiй, а коллекцiя его—собранiе византiйскихъ эмалей. Текстъ написанъ ученымъ, высоко компетентнымъ, г. Кондаковымъ, ученымъ профессоромъ С.-Петербургскаго Университета и консерваторомъ Императорскаго Эрмитажа». Далѣе, послѣ быстраго и симпатичнаго обозрѣнiя книги, Андрэ Мишель прибавляетъ: «Что насъ заставляетъ говорить обо всемъ этомъ съ полнѣйшимъ сочувствiемъ и искреннимъ восхищенiемъ, это то, что, читая «Предисловiе» г. Звенигородскаго, чувствуешь, что ни человѣческая гордыня, ни глупое чванство нисколько не

участвовали въ памятникѣ, воздвигнутомъ г. Звенигородскимъ. Имъ руководили единственно благороднѣйшій патріотизмъ и трогательнѣйшее желаніе быть полезнымъ. Русскіе археологи вообще, и между ними всего лучше г. Кондаковъ взяли себѣ задачей растолковать намъ исторію перекрещиваній европейскаго искусства съ художественными созданіями Востока: у этихъ русскихъ ученыхъ находятся подъ руками драгоцѣннѣйшіе матеріалы для подобной исторіи, и нѣкоторые изъ наиважнѣйшихъ вопросовъ, касающихся нашихъ среднихъ вѣковъ, тѣсно съ нею связаны. Никогда библіографія этого предмета еще не обогащалась, да и впослѣдствіи никогда, конечно, не обогатится книгою, подобною той, о которой мы говоримъ».

L'art. Эмиль Молиньэ, профессоръ Высшей Нормальной и Луврской школы, консерваторъ Луврскаго Музея (отдѣлъ среднихъ вѣковъ, эпохи Возрожденія и новаго времени), редакторъ журнала «L'art», напечаталъ въ этомъ журналѣ (книга 15 ноября 1894 года) обширную рецензію изданія А. В. Звенигородскаго, и здѣсь, между прочимъ, говорилъ: «Богатый русскій любитель искусства, г. Звенигородскій, составилъ совершенно единственное собраніе византійскихъ эмалей, и потомъ великодушно рѣшился подѣлиться съ археологами своими счастливыми пріобрѣтеніями. Изданный имъ нынѣче, на трехъ языкахъ, томъ полонъ роскоши истинно-царской, и если я, на свою долю, признаюсь откровенно, что не вездѣ и не во всемъ согласенъ съ авторомъ текста, проф. Кондаковымъ, то тѣмъ не менѣе

вѣрно то, что настоящее изданіе можетъ считаться совершеннымъ по части воспроизведенія предметовъ искусства, по части печати и добросовѣстности въ выполненіи даже самомалѣйшихъ подробностей. Византійскому искусству отдается здѣсь торжественнѣйшій почетъ, и можно было бы пожелать, чтобы какой-нибудь интеллигентный меценатъ воодушевился настоящимъ примѣромъ, и далъ бы намъ «Полное собраніе» всѣхъ памятниковъ византійскаго царства съ достовѣрными датами—ихъ такъ много дошло до насъ. Г. Звенигородскій началъ дорогу; станемъ надѣяться, что не далекъ тотъ день, когда ему явятся подражатели». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе того, въ чемъ Э. Молиньэ недоволенъ текстомъ проф. Кондакова. Онъ упрекаетъ этотъ текстъ: *во-первыхъ*, въ томъ, что онъ слишкомъ суровъ и не довольно популяренъ, лишенъ почти всегда обобщеній; *во-вторыхъ*, въ томъ, что проф. Кондаковъ не указалъ на то, что, кромѣ принесенія эмали въ Европу съ Востока, такимъ образомъ, что въ восточной Европѣ она появилась во II или III вѣкѣ, въ западной Европѣ, и особенно въ Галліи, въ IV и V вѣкѣ; въ Италіи—въ VI вѣкѣ, въ странахъ Скандинавскихъ—въ VI или VII вѣкѣ,—что кромѣ того, эмаль выработывалась въ Галліи гораздо ранѣе всего этого восточнаго нашествія; но ея произведенія должны быть принимаемы наравнѣ съ эмалями египетскими и греческими, т.-е. принимаемы за такія произведенія; *въ-третьихъ*, Э. Молиньэ обвиняетъ проф. Кондакова въ томъ, что онъ находитъ эмаль на одномъ переплетѣ Миланскаго собора (стр. 78), тогда какъ тамъ нѣтъ «ни единаго атома эмали»,

и въ этомъ случаѣ проф. Кондаковъ впалъ въ ошибку потому, что послушался Лабарта, который и тутъ ошибся, какъ во многихъ другихъ случаяхъ; далѣе, *четвертый* упрекъ тотъ, зачѣмъ проф. Кондаковъ не поименовалъ у себя въ текстѣ самаго достопочтеннаго изъ существующихъ нынѣ памятниковъ византійской эмали: это хранимой въ Пуатьѐ мощехранительницы, съ частицею св. Древа отъ Креста Христова, присланной императоромъ Юстиномъ св. Радегондѣ (при этомъ Э. Молиньэ заявляетъ, что этотъ памятникъ былъ уже дважды изданъ); *въ-пятыхъ*, Э. Молиньэ говоритъ, что не согласенъ признать принадлежность знаменитаго *Paliotto* церкви св. Амвросія въ Миланѣ концу XI или началу XII вѣка, потому что это, какъ онъ говоритъ, несомнѣнный памятникъ карловингской эпохи— къ чему рецензентъ прибавляетъ, что проф. вообще недостаточно знакомъ съ техникой и стилемъ западнаго искусства и его памятниками съ датами несомнѣнными. «Но, продолжаетъ Э. Молиньэ, все это лишь легкія пятнышки, на которыя я вовсе не желаю особенно упирать, коль скоро посмотришь на всю громадную работу проф. Кондакова, которая, притомъ же, знакомитъ насъ со столькими новыми памятниками, имѣющими занять наипочетнѣйшее мѣсто въ исторіи эмальнаго дѣла. Наконецъ, я особенно укажу на IV главу, которая вся замѣчательна и описываетъ коллекцію эмалей г. Звенигородскаго: это собраніе, безъ сомнѣнія, совершенно единственное нынче, и является представителемъ полихромнаго византійскаго искусства, оставляющаго далеко за собою все, что только наши миніатюристы

создали самаго совершеннаго и гармоничнаго. Въ этомъ собраніи надо было бы указывать на каждую вещь изъ тѣхъ, что̀ чудесно воспроизведены на таблицахъ въ краскахъ съ безконечною заботливостью: и это, начиная съ круглыхъ медальоновъ Христа и Богоматери, или разныхъ святыхъ (они— интереснѣйшіе образцы изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ перегородчатыхъ эмалей)—и кончая тѣми орнаментами, что̀ украшаютъ фоны святыхъ иконъ, истинными chefs d'ouevre'ами техники и колорита. Здѣсь, включая сюда и цѣлую серію серегъ, неоцѣненное собраніе археологическихъ данныхъ, а также образцовъ для нашихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Тутъ есть обломки вѣнчиковъ, которые, подъ руками нашихъ ху́дожниковъ, могли бы превратиться въ великолѣпныя женскія украшенія. Мое перо безсильно разсказать то впечатлѣніе, что̀ производитъ эта орнаментистика. Не знаю, какая участь ждетъ въ будущемъ эти достопочтенные остатки византійскаго искусства X вѣка, уцѣлѣвшіе отъ византійскаго крушенія, но вѣрно то, что, благодаря щедрости и просвѣщенной ревности ихъ счастливаго обладателя, археологи и художники уже отъ сихъ поръ могутъ пользоваться этимъ собраніемъ памятниковъ, столько же достопримѣчательныхъ по своей рѣдкости, какъ и по величію своего стиля. Это чудная страница, прибавленная г. Звенигородскимъ къ византійской исторіи, и всѣ любители искусства будутъ ему безконечно благодарны».

Gazette des Beaux-Arts.

Шарль Диль, профессоръ университета въ Нансй, напечаталъ въ «Gazette des Beaux-Arts» (февраль

1895 года) обширную критическую статью, гдѣ, между прочимъ, говоритъ: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась въ свѣтъ изумительная книга (un volume admirable), до того высоко-изящная, что даже, не читая текста, каждый библіофилъ былъ бы счастливъ, еслибъ могъ дать ей почетнѣйшее мѣсто въ своемъ книжномъ собраніи. Заглавіе ея: «Исторія и памятники византійской эмали», Н. Кондакова. Она роскошно заключена въ изящный переплетъ, котораго штампы были нарочно награвированы для нея; ей служитъ нѣжной и мягкой оболочкой богатая шелковая матерія съ ткаными узорами. Когда же раскроешь книгу, увидишь, что она и внутри не менѣе чудесна, чѣмъ снаружи. На каждомъ шагу—новое изумленіе. Заглавный листъ—это хромолитографированный рисунокъ въ самомъ чудномъ византійскомъ стилѣ; заставки передъ предисловіемъ и передъ каждою главою, а также и виньетки послѣ каждой изъ нихъ (culs-de-lampe), всѣ бордюры и орнаменты, въ краскахъ, вдохновлены самыми замѣчательными памятниками византійскаго искусства; въ концѣ книги 31 хромолитографическія таблицы, исполненныя съ изумительнымъ совершенствомъ, проводятъ передъ нашими глазами драгоцѣнную и истинно единственную серію византійскихъ эмалей; а если я прибавлю, что текстъ напечатанъ съ роскошью истинно царскою, что многочисленные рисунки иллюстрируютъ его, что изящныя заглавныя буквы въ краскахъ (во французскомъ и нѣмецкомъ текстахъ) разцвѣчаютъ каждую страницу, что все, до малѣйшихъ подробностей, выполнено съ безупречнымъ совершенствомъ, наконецъ, что ничто тутъ

не забыто, даже «закладка», составленная изъ ленты, вытканной изъ золота и шелка,—мнѣ остается только сказать еще, что этотъ томъ не былъ пущенъ въ продажу, и что издатель предоставилъ самому себѣ великолѣпное право раздать, по своимъ особеннымъ предназначеніямъ, всѣ экземпляры отъ перваго до послѣдняго. Собраніе древнихъ византійскихъ эмалей А. В. Звенигородскаго — рѣшительно единственное. Мысли и намѣренія собственника его превосходно высказаны въ «Предисловіи», а мы, съ своей стороны, не можемъ достаточно воздать всю честь той мысли, которая вдохновила подобное твореніе, и съ достаточною горячностью поблагодарить г. Звенигородскаго за тотъ несравненный памятникъ, который онъ воздвигнулъ въ честь византійскаго искусства». Далѣе, послѣ подробнаго изложенія состава книги, проф. Диль говоритъ: «Одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ числѣ великолѣпныхъ орнаментальныхъ предметовъ, изслѣдуемыхъ и описываемыхъ проф. Кондаковымъ со всею ученостью знатока, занимаютъ нѣкоторыя пьесы коллекціи г. Звенигородскаго, заключающія художественное значеніе и интересъ еще болѣе высокіе, чѣмъ все остальное: я разумѣю тѣ «вѣнчики» для образовъ, покрытые эмалью, которые являются истинными чудесами оригинальной и деликатной орнаментаціи, истинными шедеврами полихромнаго золотыхъ дѣлъ мастерства, достойными вдохновлять нашихъ современныхъ брилліантщиковъ; то же самое надо сказать про рамки для образовъ, эти чудные образцы техники, колоритности и стиля: изъ нихъ можно получить хотя нѣкоторое понятіе объ утонченныхъ великолѣпіяхъ, достигнутыхъ Ви-

зантіей по части декоративнаго искусства. Тутъ проявляются такая свободная грація рисунка, такая несравненная гармонія красокъ, такое совершенство техники, которыя безсильно передать перо... Нельзя достаточно оцѣнить изумительную ученость проф. Кондакова, проявившуюся на каждой страницѣ текста, его глубокое знаніе памятниковъ, остроумныя и глубокомысленныя соображенія, высказываемыя имъ на каждомъ шагу». Но проф. Диль не всегда и не во всемъ безусловно согласенъ съ проф. Кондаковымъ. «Этотъ послѣдній, говоритъ онъ, «сильно любитъ опрокидывать принятыя мнѣнія, ронять признаваемыя несомнѣнными даты, съизнова пересматривать утвержденныя мнѣнія, и это, конечно, похвальная ревность и почтенное стремленіе. Но для этого требовалось бы иногда нѣсколько болѣе опредѣлительной точности.» (Такъ, напримѣръ, не вполнѣ удовлетворительны, по мнѣнію профессора Диля, доводы проф. Кондакова относительно исполненія всѣхъ эмалей Хахульской иконы «въ Константинополѣ ранѣе 1050 года», коль скоро одна изъ этихъ эмалей представляетъ византійскаго императора второй половины XI вѣка, и т. д.). «Но все это легкія пятна, на которыхъ я не желаю останавливаться. Важна же та крупная заслуга проф. Кондакова, что онъ указалъ общее направленіе византійскаго искусства. Вслѣдствіе стариннаго предразсудка, почти всѣ привыкли упрекать византійское искусство въ томъ, что оно съ раннихъ лѣтъ застыло въ условныхъ и неподвижныхъ позахъ. Книга г. Кондакова доказываетъ, напротивъ, что оно всегда сохраняло полную свободу, даже относительно религіознаго искусства,

что оно съ необычайною гибкостью умѣло находить новыя вдохновенія даже въ сюжетахъ, совершенно тождественныхъ. Конечно, г. Кондаковъ указываетъ на то, что много времени пройдетъ, прежде чѣмъ слишкомъ поверхностное пониманіе византійской иконографіи и предвзятыя мнѣнія уступятъ мѣсто здоровой критикѣ и настоящему историческому знанію», но,—заключаетъ проф. Диль,—«этотъ день придетъ, и мало къ тому будетъ средствъ столько дѣйствительныхъ, какъ чудный памятникъ византійскому искусству, воздвигнутый великолѣпною щедростью г. Звенигородскаго».

Revue archéologique.

Соломонъ Рейнахъ, директоръ Сенъ-Жерменскаго Музея, напечаталъ въ «Revue archéologique» 1895, Janvier—février, разборъ книги А. В. Звенигородскаго, гдѣ пишитъ, что этимъ великолѣпнымъ изданіемъ г. Звенигородскій пріобрѣлъ себѣ долговѣчныя права на благодарность ученыхъ. Книга эта, говоритъ онъ, своимъ матеріальнымъ исполненіемъ вполнѣ достойна той чести, которую ей сдѣлалъ императоръ Александръ III, принявъ посвященіе ея своему имени. Все въ ней, и хромолитографическія таблицы, и печатанныя червоннымъ золотомъ виньетки, и великолѣпный портретъ г. Звенигородскаго, гравированный Гальяромъ, но оставшійся недоконченнымъ, все вмѣстѣ дѣлаетъ эту монографію, столько интересную саму по себѣ, однимъ изъ роскошнѣйшихъ изданій нашего времени. Я бы даже охотно пожаловался на то, что это изданіе слишкомъ изящно—до него едва осмѣливаешься дотрогиваться... Профессоръ Кондаковъ выказалъ, какъ въ введеніи,

такъ и въ комментаріяхъ, глубокое знаніе своего предмета. Не знаю только, не повела ли его къ преувеличенію своей доктрины его постоянная забота объ оріентальномъ происхожденіи искусства, тѣмъ болѣе, что мы обладаемъ эмалями галльскими, которыя несомнѣнно старше подобныхъ же предметовъ, открытыхъ на Востокѣ. Авторъ думаетъ, вмѣстѣ съ Дюранти, что Персія и прилегающія къ ней страны, были родиной, откуда пошла эмаль. Мнѣ не кажется, чтобы онъ доказалъ этотъ тезисъ. Но если оставить въ сторонѣ эти трудные вопросы о происхожденіи, о которыхъ мы, можетъ быть, никогда не узнаемъ ничего вѣрнаго, всѣ, конечно, согласятся, что для *историческаго* періода эмали невозможно было бы найти лучшаго путеводителя, чѣмъ «Вступленіе» профессора Кондакова. Французскій переводъ читается легко».

La Nouvelle Revue.

Г-жа Жюльетта Аданъ, редакторъ журнала «La Nouvelle Revue», писала въ книгѣ его отъ 15 іюня 1895 года: «По просьбѣ всѣхъ ученыхъ, г. Звенигородскій издалъ чудную книгу, лежащую передъ моими глазами и заключающую въ себѣ полную исторію эмальнаго искусства, а вмѣстѣ и изящнѣйшіе образцы изъ собранія издателя. Чистѣйшій вкусъ, высшее пониманіе и глубочайшее знаніе предмета соединились съ огромными деньгами, употребленными на изданіе «Византійскихъ эмалей», для того, чтобы сдѣлать изъ этой книги сущее образцовое произведеніе... Нуженъ былъ бы цѣлый томъ, чтобы описать эту книгу. Въ ней чувствуешь глубокую ученость и властную любовь великаго искусства. Эта

книга о «Византійскихъ эмаляхъ» уже и теперь составляетъ для библіофиловъ рѣдкость. Можно себѣ представить, что̀ такое будетъ впослѣдствіи. Россія можетъ гордиться; это изданіе дѣлаетъ великую честь ученому меценату, ее задумавшему и осуществившему».

Поль Дюрьё, помощникъ консерватора Національныхъ Музеевъ, пишетъ въ октябрьской книгѣ журнала «Polybiblion» 1895 года: «Уже одно изложеніе плана г. Кондакова достаточно для того, чтобъ показать, какъ широко этотъ ученый трактовалъ свой сюжетъ въ книгѣ «Византійскія эмали» (слѣдуетъ описаніе книги). Эти краткія указанія могутъ дать понятіе о значительности изданія г. Звенигородскаго съ научной точки зрѣнія. Но надо еще указать на совершенно исключительную роскошь матеріальнаго выполненія. Попеченія объ этомъ томѣ, большомъ in 4^{0}, простирались до малѣйшихъ подробностей и это съ такой заботой о совершенствѣ, которая шла до послѣднихъ границъ возможнаго. Рисунки въ краскахъ—истинныя чудеса въ своемъ родѣ. Самый текстъ, оставляя въ сторонѣ иллюстраціи, украшенъ маленькими буквами, и каждый отдѣлъ книги начинается великолѣпными орнаментальными композиціями, отпечатанными въ краскахъ и съ золотомъ въ русско-византійскомъ стилѣ. Такое же художественное чувство дышетъ въ превосходномъ переплетѣ, сочиненномъ въ томъ же стилѣ и окружающемъ каждый отдѣльный экземпляръ. Даже тотъ кусокъ шелковой матеріи, вытканной по спеціальному рисунку, которая своими мягкими складками

Polybiblion.

облекаетъ переплетъ, даже оригинальная закладка— выказываютъ соединеніе учености и тончайшаго вкуса у великаго собирателя, все сообразившаго и все продумавшаго для совершенства своей книги. Мы можемъ еще прибавить: у того, кто съ княжескою щедростью далъ всѣ средства на изданіе, ни одинъ экземпляръ его не поступилъ въ продажу, такъ какъ г. Звенигородскій предоставилъ себѣ удовольствіе раздавать изданіе счастливымъ привилегированнымъ личностямъ». Приведя затѣмъ нѣсколько строкъ изъ «Предисловія» книги, г. Дюрьё кончаетъ такъ: «Авторъ настоящихъ строкъ имѣетъ право гордиться изданіемъ своимъ, доведеннымъ до конца. Опубликованіемъ своей великолѣпной книги онъ принесъ честь своему отечеству и оказалъ великую услугу наукѣ всего міра»...

Revue des Deux Mondes.

Г. Лафенестръ, членъ Академіи Наукъ (Membre de l'Institut), консерваторъ Луврскаго Музея, профессоръ въ Collége de France, говоритъ въ книгѣ 1-го октября 1895 года журнала «Revue des Deux Mondes»: «Это изданіе — одно изъ самыхъ великолѣпно напечатанныхъ, иллюстрированныхъ, переплетенныхъ, какія только можно увидать... его будутъ изучать съ пользою. И дѣйствительно, текстъ ученаго консерватора Эрмитажа есть истинная исторія того оригинальнаго и долговѣчнаго искусства, созданія котораго многія столѣтія оставались худо понятыми— византійской эмали. Чудные предметы, предоставленные разсмотрѣнію г. Кондакова, сдѣлались для него только счастливой оказіей дать намъ новый и болѣе полный этюдъ объ этомъ интересномъ сюжетѣ. Гла-

вы о техникѣ перегородчатой эмали, о ихъ значительности въ продолженіе среднихъ вѣковъ, о ихъ вліяніи въ центральной Европѣ, пополняются многочисленными таблицами, которыя воспроизводятъ передъ нашими глазами мастерскія произведенія изъ церквей и музеевъ Греціи, Россіи, Германіи, Италіи и проч. Переводъ г. Травинскаго ясенъ и изященъ».

Temps.

Писатель объ искусствѣ, Тьебо-Сиссонъ напечаталъ въ газетѣ «Temps» 31 октября (н. ст.) 1895 года, статью, гдѣ говорилъ: «До сихъ поръ о византійской эмали существовали только неопредѣленныя указанія въ изслѣдованіяхъ очень неполныхъ, лишенныхъ критическаго смысла и опирающихся на очень бѣдные документы. Мы знали, конечно, на основаніи исторіи и всяческихъ изображеній, въ миніатюрахъ рукописей и въ большихъ композиціяхъ на мозаикахъ, въ какомъ почетѣ была эмаль у византійцевъ, и какъ много они ее употребляли. Она возвышала у нихъ великолѣпіе одеждъ, богатство золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, величіе святыхъ иконъ. Плащи Θеодоры и Юстиніана, въ Равеннѣ, застегнуты эмальными аграфами; пряжки ихъ обуви также украшены эмалями. Эмальные орнаменты на золотѣ и серебрѣ мощехранительницъ, на металлическихъ переплетахъ молитвенниковъ, чередуются съ драгоцѣнными каменьями. Наконецъ, эмаль служила для всякаго рода поддѣлокъ, и во всѣхъ созданіяхъ роскоши она играетъ, если не первую роль, то по крайней мѣрѣ роль, равную роли драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ. Наши знанія этимъ ограничивались. Изученіе эмальныхъ предметовъ, происходящихъ изъ Визан-

тіи и хранимыхъ въ разныхъ ризницахъ или музеяхъ, могло бы научить насъ бо́льшему, еслибы только даты, приписываемыя, по преданію, этимъ предметамъ, не были въ большинствѣ случаевъ ошибочны. Количество же предметовъ, въ самомъ дѣлѣ достовѣрныхъ, очень ограниченно. Такимъ образомъ, мы и до сихъ поръ должны были бы удовольствоваться на счетъ византійской эмали простыми предположеніями, еслибы великолѣпное сочиненіе о византійскихъ эмаляхъ изъ собранія Звенигородскаго, написанное профессоромъ Кондаковымъ, не пролило новаго и живого свѣта на исторію и развитіе этой художественной формы, не только въ Византіи, но и въ странахъ, нѣкогда состоявшихъ подъ ея вліяніемъ, въ Грузіи, Мингреліи, Россіи. Это предпріятіе было не маловажно, и одна мысль заняться имъ дѣлаетъ большую честь смѣлому и терпѣливому собирателю, либеральному и богатому любителю, который взялъ на себя одного весь трудъ и всѣ расходы. По прихоти, столько же похвальной, какъ и безкорыстной, г. Звенигородскій пожелалъ, чтобъ профессоръ Кондаковъ, для довершенія своихъ прежнихъ изслѣдованій самымъ подробнымъ сравненіемъ, посѣтилъ музеи всей Европы и посвятилъ многіе мѣсяцы розысканіямъ въ кавказскихъ монастыряхъ. Изъ этихъ изслѣдованій произошла книга, изумительная, и по совершенно византійской роскоши переплета, и по великолѣпію хромолитографическихъ рисунковъ, и по богатству опубликованныхъ документовъ... Необыкновенно благородное употребленіе г. Звенигородскимъ его богатствъ слишкомъ рѣдко встрѣчается на свѣтѣ, и нельзя о немъ про-

молчать. Дай Богъ, чтобъ примѣръ г. Звенигородскаго нашелъ соревнователей. Что же касается до труда г. Кондакова, то мы не будемъ пытаться ни изложить сущность его содержанія, ни представить изъ него точное извлеченіе. Такое сочиненіе, какъ книга г. Кондакова, слишкомъ сложно, и, анализируя его, рискуешь впасть въ неточности. Мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ, что, описавъ эмали собирателя, и присоединивъ къ нимъ свои комментаріи, г. Кондаковъ попробовалъ представить исторію и вмѣстѣ критику византійскаго эмальнаго дѣла. Въ этомъ своемъ трудѣ онъ исправляетъ множество заблужденій, которымъ мы всѣ довѣряемъ по невѣжеству; онъ выставляетъ, на счетъ времени выполненія разныхъ самыхъ извѣстныхъ произведеній, мнѣнія, опирающіяся на факты, не подлежащіе сомнѣнію; наконецъ, онъ показываетъ, съ ясностью, превышающею всякія похвалы, какъ ошибочно было до сихъ поръ приписывать византійскому искусству неподвижность, которую опровергаютъ на всѣхъ пунктахъ—его созданія. И это потому, что судили о произведеніяхъ этого искусства гораздо менѣе по подлиннымъ предметамъ, чѣмъ по неловкимъ поддѣлкамъ, или по грубымъ копіямъ. Пусть будутъ устранены произведенія подозрительныя, и всѣ съ удивленіемъ увидятъ, что византійское искусство столько же свободно, сколько его признавали условнымъ, столько же гибко, какъ его воображали замерзшимъ. Это возстановленіе (réhabilitation), съ доказательствами на поддержку, кажется вѣроятнымъ и, конечно, будетъ окончательнымъ».

Bulletin critique. Состоящій при Версальскомъ Музеѣ, Андрэ Ператэ́, помѣстилъ въ «Revue critique» № 36, 25 декабря 1896 года, статью объ изданіи А. В. Звенигородскаго и здѣсь говоритъ: «Недавно издана книга, гдѣ типографское и хромолитографическое искусство проявили свои самыя крайнія попытки. Это книга полная учености, это этюдъ по части исторіи византійской эмали и описаніе совершенно единственной на цѣломъ свѣтѣ коллекціи византійскихъ эмалей. Владѣлецъ этихъ сокровищъ не захотѣлъ ревниво похоронить ихъ; этотъ вельможа-археологъ призвалъ восхищаться ими цѣлый сонмъ ученыхъ и художниковъ. Да онъ сдѣлалъ еще лучше, онъ вручилъ имъ эти сокровища. Потому что тѣ двѣсти счастливцевъ, которые получили выстеганную внутри коробку, гдѣ покоится великолѣпная книга, могутъ отъ сихъ поръ раздѣлять наслажденіе г. Звенигородскаго: это сущія эмали, со всею ихъ игрою свѣта и прозрачностью, переданными намъ этими непогрѣшимыми рисунками.

«Съ перваго же взгляда роскошь этого изданія придавливаетъ. Прелестная парчевая матерія, съ рисунками красными, бѣлыми, зелеными и золотыми, по зеленоватому фону, цвѣта оливковыхъ листьевъ, защищаетъ отъ нечистыхъ захватываній толстый переплетъ изъ бѣлой кожи, отпечатанный золотомъ и черной краской; заглавіе окружено рамками изъ чудныхъ византійскихъ мотивовъ. Обрѣзъ отчеканенъ изъ красныхъ и зеленыхъ листьевъ съ золотыми разводами. А закладка, широкая лента, сотканная изъ золотыхъ и серебряныхъ нитей, представляетъ стихъ изъ «Эрехоея» Эврипида:

«Разверни эти говорящіе листы, прославляющіе мудрыхъ».

«Прежде чѣмъ развернуть эти говорящіе намъ листы, потѣшимъ еще наши глаза великолѣпнымъ листомъ посвященія Государю Императору Всероссійскому Александру III и большимъ заглавнымъ листомъ, имѣющимъ видъ эмалеваго иконостаса, посрединѣ котораго возсѣдаетъ на тронѣ Богоматерь, а вверху благословляетъ Христосъ. Офортъ Гальяра, послѣдняя работа превосходнаго художника, представляетъ намъ элегантную и утоненную болѣзнью фигуру, глаза съ острымъ и кроткимъ взглядомъ. Этой одной гравюры достаточно для того, чтобъ сохранить имя Звенигородскаго на вѣки, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ наука и искусство не были ему обязаны долговѣчною благодарностью.

«Изъ одной страсбургской мануфактуры происходитъ эта толстая, звонкая, веленевая бумага, которая глубокимъ звукомъ звучитъ между пальцами; одна франкфуртская типографія, фирма Остерритъ, печатала книгу и хромолитографіи. Никогда еще, охотно вѣрю я, не бывало достигнуто такой, какъ здѣсь, точности въ сборѣ камней для оттискиванія рисунковъ въ краскахъ (repérage des planches en couleurs). Мудрено указать самомалѣйшую ошибку въ трудномъ наложеніи рядомъ цѣлыхъ серій тоновъ, чудесно соединяющихся съ великолѣпнымъ тономъ червоннаго золота. Лишь немногія изъ таблицъ большого каталога Шпитцера, выполненныхъ фирмой Лемерсьè, приближаются къ этому необычайному мастерству, и все-таки не равняются имъ».

Далѣе, разсказавъ вкратцѣ исторію происхожде-

нія книги, г. Ператэ продолжаетъ: «Г. Кондаковъ, нынѣшній великій спеціалистъ по части византійскаго искусства, не могъ надѣяться разрѣшить трудную проблему происхожденія эмалеваго искусства, но онъ, по крайней мѣрѣ, подвинулъ впередъ это разрѣшеніе. Онъ снова разсмотрѣлъ до мелочей, и съ новыми подробностями, предположенія ученаго историка перегородчатой эмали, Шарля Линаса. Онъ указалъ, на египетскихъ золотыхъ предметахъ, неоспоримые слѣды выемчатой эмали, и доказалъ, что перегородчатая эмаль, вопросъ о производствѣ которой не былъ еще довольно достовѣрно выясненъ, была тамъ замѣнена инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ камней и стекла. Онъ объяснилъ, ка́къ Финикія присвоила себѣ египетскія и азіатскія изобрѣтенія, развила ихъ и стала возить въ Европу. Онъ вкратцѣ собралъ вмѣстѣ и классифицировалъ древнѣйшія произведенія римской и варварской Европы вокругъ этого восточнаго очага, которому она такъ много обязана; и онъ заставилъ насъ заподозрить, въ первый разъ, какое громадное участіе могли имѣть русскія древности въ этомъ первомъ порывѣ эмальнаго дѣла. Азіатскія нашествія первыхъ вѣковъ нашей эры плодили развалины, но въ то же время производили благодѣтельныя напластованія на европейской почвѣ. Оставляя въ сторонѣ второстепенные производительные центры, г. Кондаковъ приходитъ къ Персіи, на которую онъ намъ указываетъ въ началѣ Среднихъ вѣковъ, какъ на вдохновительницу художественно-промышленныхъ производствъ даже до послѣднихъ предѣловъ Востока, благодаря несравненному богатству орнаментистики, заимство-

ванной отъ мотивовъ флоры и фауны. Коль скоро фаянсы Сузскаго дворца принимаются за прототипы перегородчатыхъ эмалей, невольно приходится согласиться, что нигдѣ невозможно было встрѣтить болѣе совершенные образцы; но необходимо признать, что мы не обладаемъ никакими первоначальными эмалями персидскаго происхожденія, и что по этой части слѣдуетъ, впредь до болѣе точныхъ опредѣленій, подвергать контролю гипотезы, впрочемъ очень соблазнительныя и подтверждаемыя самою серьезною ученостью.

«Истинно новою частью труда г. Кондакова является обширный этюдъ о произведеніяхъ византійской эмали, этюдъ критическій, прибавляющій къ уже составленному каталогу значительное количество неизвѣстныхъ еще предметовъ, и подвергающій строгому анализу памятники, глубокая древность которыхъ была признана всѣми. Съ нынѣшнихъ поръ придется, конечно, понизить на два вѣка время происхожденія *paliotto* собора св. Амвросія въ Миланѣ, и, повидимому, теперь, послѣ столь точнаго объясненія его надписи, доказано, что знаменитая *Pala d'oro* венеціанскаго собора св. Марка есть произведеніе начала XII вѣка, передѣланное и пополненное въ XIV вѣкѣ. Между многочисленными грузинскими эмалями, нѣкоторыя гораздо древнѣе по происхожденію, и здѣсь можно изучать (благодаря выразительнымъ гравюрамъ на деревѣ, которыми усѣянъ текстъ) разные фазисы византійскаго стиля въ XI и XII вѣкѣ. Пластинки съ переплетовъ, мощехранительницы, вѣнцы и кресты, составляютъ предметъ глубокихъ изслѣдованій; между ними изслѣдованіе лимбургской ста-

вротеки, этого chef d'oeuvre'a византійскаго эмалеваго дѣла, можетъ быть приведено какъ работа окончательная. Я понапрасну искалъ тутъ, и сожалѣю о томъ, описанія трехъ итальянскихъ крестовъ-мощехранительницъ, одного изъ Веллетри, другого изъ Гаэты, третьяго изъ Козенцы, которыми можно было еще недавно любоваться на Евхаристной выставкѣ въ Орвіето. Ихъ можно равнять, особливо третій, съ тѣмъ, чт̀о произвело самаго высокаго византійское эмалевое дѣло. Первый между ними, крестъ изъ Веллетри, давно извѣстенъ по книгѣ ученаго Борджіа («De cruce Veliterna»); крестъ изъ Козенцы, самый большой, украшенъ вправленными въ него медальонами, съ рубинами и изумрудами, по золотому филигранному полю. Одинъ изъ этихъ медальоновъ (на подножіи Распятія) представляетъ драгоцѣнное для христіанской иконографіи изображеніе престола, на которомъ является голубь подлѣ креста, увѣнчаннаго терніемъ, чаша и платъ, четыре гвоздя, копье и губа.

«Что касается эмалей коллекціи Звенигородскаго, это по большей части сущія дива. Двѣнадцать медальоновъ, снятыхъ съ большой иконы монастыря Джумати, сдѣлали бы честь богатѣйшему музею, и на эмальированныхъ вѣнцахъ и рамахъ проявляется необычайная гармонія линій и оттѣнковъ, достойная вдохновлять нашихъ лучшихъ орнаментистовъ. Какая жалость, признáемся въ томъ, что эта книга, которая столь нужна археологамъ, и которая могла бы сдѣлаться прелестнымъ совѣтникомъ для живописцевъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, какая жалость, что эта книга не существуетъ въ изданіи популярномъ, т.-е.

изданіи роскошномъ, но роскошномъ доступномъ! Впрочемъ, надо знать, что наши университеты и наши большія библіотеки получили отъ г. Звенигородскаго этотъ царскій подарокъ: тамъ найдутъ ее всѣ. А любитель, дарующій чужой странѣ, кромѣ своей, этотъ необычайный даръ, заслуживаетъ трогательной благодарности».

Академикъ Гюставъ Шлюмбергеръ писалъ А. В. Звенигородскому, 6 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «У меня недостаетъ словъ, чтобы высказать вамъ мое восхищеніе вашею книгой, этимъ сокровищемъ искусства и науки. Нужны были бы особая бумага, особое перо, особыя слова, чтобы высказать вамъ все мое восхищеніе. Не могу оторваться отъ этого тома, въ самомъ дѣлѣ поразительно-прекраснаго по изобрѣтательности и полнаго знанія, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстнаго... Все превосходно въ этой великолѣпной книгѣ: и рисунки, и переплетъ, и даже «закладка» тончайшей работы. Теперь примусь изучать, строка за строкой, объемистое и столько полное знанія изслѣдованіе проф. Кондакова». *Г. Шлюмбергеръ.*

Профессоръ Высшей Нормальной Луврской школы и консерваторъ Луврскаго Музея, Е. Молиньэ, въ письмѣ отъ 8 апрѣля (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я получилъ ваше великолѣпное изданіе о византійскихъ эмаляхъ вашего собранія; я и восхищенъ, и смущенъ этимъ чудеснымъ подаркомъ, и не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность. Оно будетъ для меня, какъ и для всѣхъ тѣхъ, кому придется заниматься византійскимъ ис- *Э. Молиньэ.*

кусствомъ, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ репертуаровъ; я увѣренъ, что археологи надолго сохранятъ воспоминаніе о той важной услугѣ, какую вы оказали имъ, издавъ въ свѣтъ самое превосходное собраніе эмалей, какое только бывало на свѣтѣ. Я также очень горжусь тѣмъ, что вы, поименовавъ меня въ «Предисловіи», присоединили меня къ тому изданію, надъ которымъ работали самые знаменитые ученые вашей страны: это большое дѣло—принадлежать къ ихъ числу въ такомъ трудѣ, который приноситъ величайшую честь ученымъ, писавшимъ текстъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тому человѣку, который такъ благородно употребляетъ свои богатыя матеріальныя средства на поощреніе ученыхъ занятій».

Э. Бабелонъ.

Хранитель кабинета медалей Парижской Національной Библіотеки, художественный писатель Бабелонъ, писалъ А. В. Звенигородскому, 28 сентября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Я только что получилъ великолѣпное изданіе, которое вы соблаговолили прислать мнѣ, и не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность. По своему содержанію, ваше роскошное изданіе интересуетъ меня въ высшей степени. Знаніе, выраженное тамъ вашимъ ученымъ сотрудникомъ, проф. Кондаковымъ, не оставляетъ уже болѣе никакой добычи на этомъ полѣ для другихъ, и совершенно истощаетъ предметъ. Но что̀ мнѣ сказать о формѣ? О всей декоративной части внѣшности, объ иллюстраціяхъ текста, о рисункахъ, о печати? Вы истощили всѣ средства современнаго искусства, и ваше изданіе создастъ вамъ совершенно особое мѣсто въ исторіи типографіи и литографіи.

Вотъ это-то и смущаетъ меня, когда я думаю, какъ благодарить васъ».

Директоръ канцеляріи французскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ксавье Шармъ, въ письмѣ отъ 29 сентября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Даже первый взглядъ на превосходную вашу книгу возбудилъ во мнѣ живой интересъ, и я глубоко благодарю васъ за то, что вы отгадали то наслажденіе, которое я здѣсь найду. Впрочемъ, трудно, даже помимо значительности текста, изобрѣсти форму, болѣе счастливую и болѣе достойную предмета, чѣмъ та, въ которую вы облекли эту исторію. Видъ вашей книги до того художественно роскошенъ, что онъ сразу поразилъ меня; но я еще болѣе сталъ восхищаться имъ по мѣрѣ того, какъ все основательнѣе изучалъ этотъ томъ. Спѣшу выразить вамъ мою благодарность за эту рѣдкую и великолѣпную книгу». *К. Шармъ*

Состоящій при дирекціи Музеевъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ж. Лафенестръ, въ письмѣ отъ 2 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Спѣшу поблагодарить васъ за великую честь, оказанную мнѣ вами, присылкою экземпляра вашего великолѣпнаго изданія. Зачѣмъ надо было, чтобъ за этой посылкой такъ быстро послѣдовало печальное извѣстіе о кончинѣ великаго Государя вашего, имя котораго сіяетъ на первой страницѣ вашей книги, такъ что книга эта сдѣлается для меня вѣчнымъ воспоминаніемъ злополучнаго дня?» *Ж. Лафенестръ*

Е. Мюнцъ. Членъ Парижской Академіи Наукъ и библіотекарь Парижской Національной Публичной Библіотеки, Евгеній Мюнцъ, въ письмѣ отъ 10 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я не хочу откладывать на долгое время своей благодарности вамъ, за присланный мнѣ великолѣпный томъ: это не только высоко-ученое сочиненіе, возсоздающее и пополняющее исторію византійской эмали, но также и шедёвръ типографіи, иллюстраціи и переплетнаго дѣла, ярко свидѣтельствующій о вкусѣ того мецената, которому мы обязаны его обнародованіемъ. Примите же искреннее выраженіе моей благодарности и мои поздравленія съ успѣхомъ, съ которымъ вы довели до конца это истинно-монументальное предпріятіе».

А. Перато. Членъ дирекціи Національныхъ Музеевъ, Андрей Перато́, писалъ А. В. Звенигородскому, 11 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Я съ глубокою радостью просмотрѣлъ вашу изумительную книгу: это памятникъ исторіи, искусства и вмѣстѣ драгоцѣнный камень, столько же чудный, какъ и сами эмали, столь превосходно тамъ описанныя и воспроизведенныя. Мнѣ кажется, точно я ихъ держу въ своихъ рукахъ, и я не могу вамъ разсказать, до какой степени я цѣню превосходный вкусъ, соединившійся здѣсь съ роскошью изданія. Гравюра же Гальяра, столько тонкая и прочувствованная, прибавляетъ несравненную цѣну изданію, высоко достойному его Императорскаго посвященія. Высокое научное значеніе текста вашей книги гарантировано именемъ профессора Кондакова».

Помощникъ консерватора въ Луврѣ, Андрэ Мишель, въ письмѣ отъ 12 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, писалъ А. В. Звенигородскому: «Я не перестаю любоваться вашимъ изданіемъ, этимъ несравненнымъ памятникомъ любви къ искусству, столько же просвѣщенной и ревностной, какъ щедрой и безкорыстной». *А. Мишель.*

Директоръ гражданскихъ построекъ и національныхъ дворцовъ по Министерству Общественныхъ работъ, Жюль Контъ, въ письмѣ отъ 18 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я только что получилъ великолѣпный и ученый томъ, котораго вы меня удостоили, и я не хочу откладывать даже на единую минуту выраженіе моей благодарности за это великолѣпное изданіе». *Ж. Контъ.*

Президентъ французскаго Совѣта Министровъ, Шарль Дюпюи, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 20 октября (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Выражая вамъ глубочайшую мою благодарность за присланную мнѣ вами книгу вашу, я чувствую необходимость высказать вамъ, что она будетъ для моей библіотеки однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ образцовъ сочиненій о художествѣ, изъ числа всѣхъ, какими она только обладаетъ». *Ш. Дюпюи.*

Консерваторъ Люксембургскаго Музея въ Парижѣ, Леонсъ Бенедитъ, писалъ А. В. Звенигородскому 23 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Мое восхищеніе отъ вашего несравненнаго изданія *Л. Бенедитъ.*

безпредѣльно. Эта книга столько же драгоцѣнна по услугамъ, которыя она несомнѣнно окажетъ наукѣ, какъ и по искусству, которое вы такъ щедро призвали для еще большаго возвышенія ея».

Г. Ганото́. Министръ иностранныхъ дѣлъ Г. Ганото́, писалъ А. В. Звенигородскому, 31 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Ваше великолѣпное изданіе дѣлаетъ великую честь вашимъ знаніямъ и вашему вкусу, и я спѣшу благодарить васъ. Я такъ поглощенъ работой въ настоящую минуту, что не могу посвятить ему все то время, котораго оно достойно, но я буду хранить его какъ драгоцѣнное воспоминаніе и какъ художественный памятникъ, достойный своего автора и содержанія».

П. Дюррьё. Консерваторъ Луврскаго Музея, Поль Дюррьё, писалъ А. В. Звенигородскому, 31 октября (н. ст.) 1894 года, изъ Парижа: «Позвольте выразить вамъ все восхищеніе, производимое во мнѣ красотой вашей несравненной книги, которой вы придали такой изумительный нарядъ (parure). Я очень былъ тронутъ, найдя здѣсь, въ самомъ началѣ книги, воспоминаніе о великомъ художникѣ, моемъ возлюбленномъ пріятелѣ, нашемъ дорогомъ и обожаемомъ Гальярѣ. Мнѣ кажется, что мысль выбрать нашего высокаго французскаго художника для того, чтобъ примкнуть ваше изображеніе къ вашему творенію, является чѣмъ-то въ родѣ деликатнаго символа единенія нашихъ двухъ націй».

Г. Ружонъ. Директоръ Отдѣленія изящныхъ искусствъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Г. Ружонъ,

въ письмѣ отъ 28 ноября (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я зналъ по репутаціи драгоцѣннѣйшую коллекцію византійскихъ эмалей, составленную вами съ такимъ вкусомъ и знаніемъ. Это объяснитъ вамъ, сколько вы мнѣ сдѣлали чести и удовольствія, приславъ мнѣ въ подарокъ экземпляръ этого великолѣпнаго изданія. Прошу васъ принять выраженіе моей искренней благодарности: я особенно былъ польщенъ тѣмъ, что я обладаю такимъ экземпляромъ, который украшенъ изящнымъ портретомъ, заказаннымъ вами нашему великому и незабвенному Гальяру».

Профессоръ Университета въ Нансі, Шарль Диль, въ письмѣ своемъ изъ Нансі отъ 11 декабря (н. ст.) 1894 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Спѣшу поблагодарить васъ за великолѣпную книгу, присланную мнѣ, и за любезное вниманіе къ немного нескромной просьбѣ, съ которою я рѣшился обратиться къ вамъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какъ мнѣ будетъ пріятно выразить въ печати все мое восхищеніе отъ этого великолѣпнаго и несравненнаго изданія, и считать себя счастливымъ, что, среди моихъ занятій византійскимъ искусствомъ, мнѣ привелось встрѣтить такого щедраго покровителя. Впрочемъ, я выражаю здѣсь только искреннее чувство всѣхъ тѣхъ, кто вамъ обязанъ этимъ томомъ, полнымъ чудной роскоши». *Ш. Диль.*

Французскій посланникъ при Бельгійскомъ дворѣ, А. Бурэ, въ письмѣ отъ 22 декабря (н. ст.) 1894 года, изъ Брюсселя, говорилъ А. В. Звенигород- *А. Бурэ.*

скому: «Ничто не могло сдѣлать столько удовольствія мнѣ, ученику по части археологіи, какъ ваша великолѣпная книга, которая будетъ брилліантомъ моей коллекціи. Впрочемъ вы знаете, что я надняхъ отправляюсь въ Грецію: какая соединится съ этимъ возможность для меня заняться волшебнымъ изслѣдованіемъ чудесъ византійскаго искусства въ такой странѣ, гдѣ воспоминаніе о немъ чтится наравнѣ съ національнымъ культомъ! Оттого-то я буду гордиться возможностью имѣть у себя дома это изящное твореніе, которое, даже по интересу своему въ глазахъ грековъ, привлечетъ и на мои дѣла частицу тѣхъ чувствъ, которыя оно имъ внушитъ».

Ж. Аданъ.

Писательница Жюльетта Аданъ, въ письмѣ отъ 15 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Парижа, говорила А. В. Звенигородскому: «Какъ мнѣ поблагодарить васъ за несравненное изданіе, только что полученное мною? У меня страсть къ превосходнымъ изящнымъ книгамъ, но я даже и во снѣ не могла себѣ вообразить подобной книги. Я до фанатизма обожаю византійскія эмали, но еслибы мнѣ сказали, что я вотъ сейчасъ буду обладать великолѣпнѣйшею ихъ коллекціею—я бы никогда не повѣрила. И все-таки, вы осуществили мое пламенное желаніе. Благодарю васъ, со всею моею признательностью и со всею моею высокою симпатіей».

Герцогъ Омальскій.

Герцогъ Омальскій, въ письмѣ отъ 25 сентября (н. ст.) 1895 года, изъ Шантильи, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Прошу васъ принять выраженіе моего восхищенія (admiration) вашей прелестной кни-

гой, недавно изданной. Позвольте мнѣ выразить вамъ мою благодарность за вашу присылку и за то удовольствіе, съ которымъ я помѣстилъ вашу «Исторію византійской эмали» въ книжномъ кабинетѣ въ Шантильи. Сожалѣю, что не могъ лично выразить вамъ мои чувства, и прошу васъ принять увѣреніе въ нихъ здѣсь на письмѣ».

Ксавье Барбьѐ де-Монто, въ письмѣ отъ 8 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Пуатьѐ, просилъ А. В. Звенигородскаго подарить ему его изданіе, ссылаясь на то, что онъ много занимался византійскими эмалями и открылъ въ ризницѣ собора въ Пуатьѐ и издалъ въ свѣтъ, со своимъ изслѣдованіемъ, превосходный эмалевый ковчежецъ, съ мощами, присланный византійскимъ императоромъ Юстиномъ св. Радегондѣ, въ Пуатьѐ.—Получивъ вскорѣ потомъ просимую книгу, Ксавье Барбьѐ де-Монто, въ письмѣ отъ 4 октября (н. ст.) 1895 года, изъ Ла-Туши, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Ваше изданіе истинно-великолѣпно, и я до сихъ поръ все еще въ изумленіи отъ него. Я поспѣшу заняться его чтеніемъ, что̀ будетъ для меня истиннымъ наслажденіемъ. Конечно, я здѣсь многому научусь».

Кс. Барбьѐ де-Монто.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Русскій министръ резидентъ при Его Высочествѣ Князѣ Черногорскомъ, К. Э. Аргиропуло, письмомъ 17 августа 1894 года, изъ Цетиньи, сообщалъ А. В. Звенигородскому: «Я воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы лично вручить Его Высочеству князю Николаю Черногорскому, отъ вашего имени, предназначенный ему экземпляръ, который онъ удостоилъ особеннаго вниманія, восхищаясь законченностью рисунковъ и печати. При этомъ Его Высочество поручилъ мнѣ передать вамъ выраженіе своего истиннаго удовольствія и благодарности». *Князь Черногорскій.*

ШВЕЙЦАРІЯ.

Князь-аббатъ Эйнзидельнскаго монастыря, Василій, въ письмѣ отъ 22 января (н. ст.) 1895 года, изъ Эйнзидельна, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Все соединяется въ вашемъ великолѣпномъ томѣ въ одно изящное гармоничное цѣлое, и драгоцѣнный переплетъ, и полное вкуса и блестящей техники художественное убранство, наконецъ и содержаніе, въ высокой степени интересное для искусства, для художественной промышленности и для археологіи. Соблаговолите же милостиво и дружелюбно принять мою и моего монастыря глубокопрочувствованную благодарность». *Князь-аббатъ Василій.*

Президентъ Бернскаго Художественнаго Музея, профессоръ Ауеръ, въ письмѣ изъ Берна отъ 3 марта (н. ст.) 1895 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Художественный Музей чувствительно благодаритъ васъ за присылку вашего великолѣпнаго и выходящаго изъ ряду вонъ изданія, и про- *Бернскій Художеств. Музей.*

ситъ васъ принять выраженіе его высокаго къ вамъ почтенія».

Администр. совѣтъ г. Женевы.

Президентъ Административнаго Совѣта города Женевы, въ письмѣ изъ Женевы, отъ 9 марта (н. ст.) 1895 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Административный Совѣтъ очень вамъ благодаренъ за принесенный вами ему въ даръ экземпляръ вашего богато переплетеннаго изданія; онъ оцѣняетъ весь интересъ и все значеніе этой книги, и я отъ лица его выражаю вамъ всю его благодарность за обогащеніе нашей библіотеки этою великолѣпною книгою».

ШВЕЦІЯ.

осланникъ отъ Швеціи и Норвегіи въ Россіи, Л. Рейтершёльдъ, въ письмѣ отъ 4 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Полученное мною изъ Стокгольма письмо извѣщаетъ меня о томъ, что вы великодушно принесли въ даръ нѣсколькимъ шведскимъ библіотекамъ по экземпляру вашего монументальнаго изданія о византійскихъ эмаляхъ. Я могу заявить вамъ, что благодарность вамъ моихъ шведскихъ соотечественниковъ очень велика. Но, послѣ того, я рѣшаюсь смѣло высказать вамъ то, что лежитъ у меня на сердцѣ. Въ Норвегіи, за это послѣднее время, развитіе эмалевыхъ работъ, въ произведеніяхъ золотыхъ дѣлъ мастерства съ національнымъ характеромъ, получило очень значительные размѣры. Еще прошлою осенью, Художественно-промышленный Музей въ Христіаніи спрашивалъ меня, можетъ ли онъ надѣяться получить однажды экземпляръ вашего изданія, такъ какъ обладаніе этимъ

Художественно-промышл. Музей въ Христіаніи.

увражемъ необыкновенно важно для того Музея. Я отвѣчалъ, что для меня это дѣло очень затруднительное, такъ какъ я не имѣю чести васъ знать. Теперь, видя щедрость, совершенно меценатскую, съ которою вы даете возможность общественнымъ учрежденіямъ разныхъ странъ пользоваться вашимъ изданіемъ, я подумалъ, что могу — не *просить* васъ о новомъ доказательствѣ вашей благосклонности къ представляемымъ мною странамъ, а *высказать* вамъ живѣйшее желаніе художественно-промышленнаго Музея въ Христіаніи».

Въ другомъ письмѣ, отъ 28 апрѣля (н. ст.) 1895 года, изъ С.-Петербурга, Л. Рейтершёльдъ говорилъ А. В. Звенигородскому: «Я право не знаю, какъ высказать вамъ нашу живѣйшую и глубочайшую благодарность за великую вашу щедрость относительно Христіанскаго художественно-промышленнаго Музея. Не могу скрыть моего великаго удовольствія въ томъ, что я былъ орудіемъ для выраженія вамъ желанія Музея, основаніемъ чему служило высокое покровительство ваше развитію искусства, безъ различія странъ, гдѣ оно проявляется».

Директоръ Художественно-промышленнаго Музея въ Христіаніи, Г. Гротъ, въ письмѣ отъ 16 мая (н. ст.) 1895 года, изъ Христіаніи, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Превосходное ваше изданіе будетъ, по драгоцѣнному содержанію своего текста и рисунковъ, равно по своему внѣшнему убранству, стоящему выше всякихъ похвалъ, полному вкуса и стиля, — истиннымъ украшеніемъ библіотеки нашего Музея. Оно останется навѣки прочнымъ памятникомъ,

свидѣтельствующимъ о художественномъ духѣ и щедрости того человѣка, который умѣетъ такъ благородно употреблять свои богатыя средства. Ваше изданіе будетъ приносить величайшую пользу именно нашей странѣ, гдѣ эмалевая техника достигла своеобразнаго крупнаго развитія и играетъ значительную роль въ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ. Книга эта навѣрное будетъ сильно способствовать, своею мастерскою передачею предметовъ вашей совершенно единственной въ свѣтѣ коллекціи, дальнѣйшему развитію превосходныхъ нашихъ работъ. Вашъ томъ публично выставленъ въ нашемъ Музеѣ и возбуждаетъ во всѣхъ кругахъ живѣйшія чувства благодарности и восхищенія, которыя наврядъ ли погаснутъ».

Посланникъ отъ Швеціи и Норвегіи въ Россіи, Л. Рейтершёльдъ, въ письмѣ 30 мая (н. ст.) 1895 года, изъ С.-Петербурга, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Прошу васъ принять искреннѣйшую мою благодарность за великолѣпное пріумноженіе моей библіотеки принесеннымъ мнѣ вами въ даръ образцомъ одного изъ совершеннѣйшихъ изданій нашего вѣка». *Л. Рейтершёльдъ.*

лѣдующія учрежденія и отдѣльныя лица увѣдомили А. В. Звенигородскаго, въ самыхъ краткихъ словахъ, о полученіи присланной имъ книги: «Исторія византійской эмали».

АВСТРІЯ.

1894. Библіотекарь Вѣнскаго Художественно-промышленнаго Музея, І. Фольнезисъ (10 октября) *); литераторъ, Л. Лепшій, въ Краковѣ (10 октября); Австрійскій Музей для искусства и промышленности, въ Вѣнѣ (18 октября); бургомистръ города Мерана, докторъ Вейнбергеръ (14 декабря).

1895. Чешскій Музей въ Прагѣ (8 января); оберъ-гофмейстеръ двора Австрійскаго Императора, князь К. Гогенлоэ-Шиллингфюрстъ, изъ Вѣны (10 января); путешественникъ къ сѣверному полюсу, графъ Гансъ Непомукъ Вильчекъ, изъ Вѣны (2 мая); баронъ Натаніель Ротшильдъ, изъ Вѣны (4 мая); министръ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія (25 ноября).

---

*) Всѣ числа по новому стилю, кромѣ Россіи и Сербіи.

БЕЛЬГІЯ.

1895. Лувенскій католическій Университетъ (1 апрѣля.

ГЕРМАНІЯ.

1894. Второй бургомистръ города Ахена Э. Эббингъ (7 апрѣля); докторъ медицины Б. Брандисъ, изъ Рингсдорфа (9 апрѣля); типографъ и хромолитографъ А. Остерритъ, изъ Франкфурта-на-Майнѣ (9 апрѣля); докторъ медицины, профессоръ Эрбъ, изъ Гейдельберга (22 апрѣля); профессоръ Ф. Краузъ, изъ Фрейбурга (14 мая); Э. Гуманнъ, археологъ, изъ Эссена (5 октября); докторъ Гремплеръ, писатель объ искусствѣ, изъ Бреславля (11 октября); Мюнхенская королевская Библіотека (19 октября); графъ Ф. Фицтумъ фонъ-Экштедтъ, оберъ-гофмаршалъ двора саксонскаго короля, изъ Дрездена (21 октября); Гейдельбергская университетская Библіотека (2 ноября); Техническая Школа въ Карлсруэ (2 ноября); великогерцогская Библіотека въ Дармштадтѣ (3 ноября); статсъ-секретарь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, баронъ А. Маршаль фонъ-Биберштейнъ, изъ Берлина (30 ноября); великогерцогская Баденская университетская Библіотека во Фрейбургѣ (1 декабря); королевская тюбингенская университетская Библіотека (4 декабря); великогерцогскій Веймарскій Музей (10 декабря).

1895. Докторъ Гозеусъ, ректоръ Страсбургскаго университета (24 января); директоръ Ткацкой Школы въ Ахенѣ, Н. Рейзеръ (3 октября); Тріерскій епископъ М. Феликсъ (21 ноября).

ГРЕЦІЯ.

1895. Національная Греческая Библіотека въ Аѳинахъ (1 іюля).

ИСПАНІЯ.

1895. Мадридская Національная Библіотека (8 мая); Національный Архивъ Торре де-Томбо въ Мадридѣ (11 мая); Библіотека Королевскаго Мадридскаго университета (16 мая).

ИТАЛІЯ.

1894. Секретарь по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ республики Санъ-Марино, Доменико Фатторн (25 ноября).

РОССІЯ.

1894. Графиня Н. Ѳ. Ниродъ, изъ С.-Петербурга (11 мая); директоръ Департамента Желѣзныхъ дорогъ, В. С. Сумароковъ, изъ С.-Петербурга (11 мая); дежурный генералъ при Его Величествѣ, П. А. Черевинъ, изъ Гатчины (13 мая); министръ Императорскаго Двора, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, изъ Гатчины (18 іюня); министръ Иностранныхъ Дѣлъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, изъ Вѣны (7 іюля); чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Аѳинскомъ Дворѣ, М. К. Ону, изъ Аѳинъ (16 іюля); чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Копенгагенскомъ Дворѣ, гр. М. Н. Муравьевъ, изъ Копенгагена (25 августа); совѣт-

никъ Императорскаго Россійскаго посольства въ Парижѣ, Н. Н. Гирсъ, изъ Парижа (7 октября).

1895. Директоръ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, И. И. Кабатъ, изъ С.-Петербурга (1 января); директоръ С.-Петербургскаго Учетнаго Банка, Д. И. Петрококино, изъ С.-Петербурга (1 января); литераторъ Э. Б. Кречманъ, изъ С.-Петербурга (16 января); Членъ Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, И. К. Ренаръ, изъ С.-Петербурга (16 января); г-жа К. фонъ-Закъ, изъ С.-Петербурга (17 января); предсѣдатель Совѣта Правленія С. Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка, Н. М. Полежаевъ, изъ С.-Петербурга (18 января); церемоніймейстеръ Императорскаго Двора А. М. Вонлярлярскій, изъ С.-Петербурга (20 января); докторъ медицины В. В. Сутугинъ, изъ С.-Петербурга (22 января); библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, И. Ѳ. Бычковъ, изъ С.-Петербурга (22 января); профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета Е. К. Рѣдинъ (23 января); городской голова въ Ростовѣ-Великомъ А. А. Титовъ (31 января); московскій фабрикантъ Н. Постниковъ, изъ Москвы (1 февраля); Императорскій С.-Петербургскій Университетъ (7 февраля); Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи (9 февраля); И. И. Шестовъ, изъ Москвы (9 февраля); секретарь Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, Н. И. Петровъ, изъ Кіева (11 февраля); секретарь Императорскаго Россійскаго посольства въ Нидерландахъ, А. Э. Берендсъ, изъ Гаги (14 февраля); Императорскій Новороссійскій Университетъ, въ Одессѣ (16 февраля); Я. В. Тар-

новскій, изъ Кіева (19 февраля); Московская Духовная Академія, въ Сергіевскомъ Посадѣ (20 февраля); Императорскій Варшавскій Университетъ (20 февраля); Императорскій Харьковскій Университетъ (23 февраля); Императорскій Университетъ св. Владиміра, въ Кіевѣ (1 марта); чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Стокгольмскомъ Дворѣ, И. А. Зиновьевъ, изъ Стокгольма (2 марта); Одесская Городская Дума (18 апрѣдя); Центральное Училище Техническаго рисованія Барона Штиглица въ С.-Петербургѣ (30 апрѣля); Императорскій Томскій Университетъ (1 іюля); проф. Новороссійскаго Университета, А. А. Кочубинскій, изъ Одессы (27 октября); Императорскій Александровскій Университетъ въ Гельсингфорсѣ (12 ноября); чрезвычайный и полномочный посолъ при Лондонскомъ дворѣ, Е. Е. Стааль, изъ Лондона (18 декабря).

СЕРБІЯ.

1896. Сербская Королевская Академія, въ Бѣлградѣ (26 іюня).

ФРАНЦІЯ.

1894. Библіотека Національнаго Института, въ Парижѣ (28 сентября); Мазариновская библіотека, въ Парижѣ (29 сентября); библіотека Луврскаго Музея, въ Парижѣ (17 октября); Ф. Мелй, изъ Мениль-Жермень въ Кальвадосѣ (31 октября); библіотека Французскаго Университета Сорбонны, въ Парижѣ (8 ноября).

ШВЕИЦАРІЯ.

1895. Историческій Музей въ Базелѣ (28 февраля).

ШВЕЦІЯ.

1895. Королевская Библіотека въ Стокгольмѣ (8 марта).

Витрина.

Въ началѣ 1895 года, въ Императорской Публичной Библіотекѣ устроена витрина, въ которой помѣщены всѣ три экземпляра изданія А. В. Звенигородскаго: русскій, французскій и нѣмецкій. Витрина эта, вышиною въ 6 аршинъ, стоитъ среди большой овальной залы бель-этажа Библіотеки и имѣетъ *три* фаса, сообразно *тремъ* языкамъ изданія. Она выполнена по рисункамъ архитектора И. П. Ропета, въ изящнѣйшемъ византійскомъ стилѣ, вся изъ темнаго рѣзного дуба, но нѣкоторыя части ея цвѣтныя. Высокій сквозной куполокъ весь серебряный. Шесть колонокъ, поддерживающихъ куполъ, цвѣтныя, съ золотомъ и серебромъ, и каждая со своимъ особеннымъ византійскимъ узоромъ. На трехъ фасахъ витрины, за зеркальными стеклами, расположены какъ полные томы каждаго изъ изданій цѣликомъ, такъ и отдѣльныя значительныя его составныя части, а именно: переплеты; обрѣзъ переплета; «закладка», тканая изъ золота и шелка; заглавные листы, боль-

шой и малый; посвятительный листъ Императору Александру III; главнѣйшіе рисунки изъ числа всѣхъ таблицъ и гравюръ изданія; наконецъ, шелковая тканая обертка книги и образцы тѣхъ шелковыхъ драгоцѣнныхъ матерій, тканыхъ изъ шелка, золотыхъ и серебряныхъ нитей, которыя вошли въ составъ переплета. Нижняя часть витрины, подъ зеркальными стеклами, вся рѣзная, и наполнена богатыми византійскими орнаментами. Наконецъ, на одной изъ сторонъ витрины, у колонокъ, помѣщена, на особомъ рѣзномъ пьедесталѣ византійской формы, небольшая сидячая статуэтка А. В. Звенигородскаго, вылѣпленная скульпторомъ И. Я. Гюнцбургомъ, и отлитая изъ бронзы въ Парижѣ, знаменитымъ отливщикомъ Тьебо. Она еще въ 1894 году подарена была А. В. Звенигородскимъ Императорской Публичной Библіотекѣ и помѣщена при витринѣ, по назначенію г. Директора Библіотеки и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Суммы, употребленныя на изданіе.

Все изданіе обошлось болѣе чѣмъ въ 120,000 р. Изъ нихъ главные расходы были слѣдующіе: А. Остерриту (во Франкфуртѣ) было уплачено за хромолитографическія и типографскія работы—свыше 51,000 р.; Гюбнеру и Денку (въ Лейпцигѣ) за переплетныя работы—свыше 15,000 рублей; фирмѣ А. Г. и В. Г. Сапожниковымъ (въ Москвѣ) за шелковыя работы—10,000 рублей. Витрина стоила около 2,000 рублей.

Изданіе А. В. Звенигородскаго «Исторія и памятники Византійской эмали» было признано въ Европѣ въ такой степени необычайнымъ и совершенно выходящимъ изъ ряду вонъ, что послужило поводомъ къ дарованію издателю цѣлой массы знаковъ почета и отличія.

Патріархъ Іерусалимскій Герасимъ препроводилъ къ нему Іерусалимскій золотой крестъ, съ частицею Животворящаго Древа, для ношенія на груди, со званіемъ «Крестоносца».

Городъ Ахенъ возвелъ его въ санъ почетнаго члена Ахенскаго городского Музея.

Страсбургскій Университетъ возвелъ его въ санъ доктора философіи (honoris causa).

Германское Палестинское общество возвело его въ санъ почетнаго члена Общества.

Греческая Филологическая Академія (Силлогосъ), въ Константинополѣ, возвела его въ санъ почетнаго члена Академіи.

Великогерцогскій Люксембургскій Институтъ возвелъ его въ санъ своего почетнаго члена.

Отъ разныхъ же правительствъ Европы, Азіи и Африки А. В. Звенигородскій получилъ слѣдующіе государственные знаки отличій:

Отъ Императора Австрійскаго—орденъ Франца Іосифа большого Креста.

Отъ Герцога Ангальтскаго—командорскій крестъ 1-го класса со звѣздою ордена Альбрехта-Медвѣдя.

Отъ Принца Луитпольда, регента королевства Баварскаго — орденъ св. Михаила 2-го класса, со звѣздою.

Отъ Великаго Герцога Баденскаго—командорскій крестъ 1-го класса, со звѣздою, ордена Церингенскаго Льва.

Отъ Короля Бельгійскаго—командорскій крестъ ордена Леопольда.

Отъ князя Болгарскаго—орденъ «За гражданскія заслуги» 1-й степени.

Отъ Принца Регента Брауншвейскаго—командорскій крестъ 1-го класса, со звѣздою, ордена Генриха-Льва.

Отъ Эмира Бухарскаго — орденъ Золотой Звѣзды 1-й степени.

Отъ Великаго Герцога Веймарскаго — командорскій крестъ 1-го класса ордена Бѣлаго Сокола, со звѣздою.

Отъ Короля Виртембергскаго—командорскій крестъ 1-го класса ордена Фридриха, со звѣздою.

Отъ Императора Германскаго—орденъ Прусской Короны 2-й степени, со звѣздою.

Отъ Великаго Герцога Гессенскаго—командорскій крестъ 1-го класса, со звѣздою, ордена Филиппа-Великодушнаго.

Отъ Князя Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго—золотую медаль «Bene Merenti».

Отъ Королевы-Регентши Голландской—командорскій крестъ ордена «Orange-Nassau».

Отъ Короля Греческаго—командорскій крестъ ордена Спасителя.

Отъ Хедива Египетскаго—ленту и звѣзду ордена Меджидіе 1-й степени.

Отъ Королевы Испанской—командорскій крестъ ордена Карла Третьяго (Carlos Terceros).

Отъ Короля Итальянскаго—орденъ Итальянской Короны большого креста.

Отъ Папы Льва XIII—большую золотую медаль съ портретомъ Папы.

Отъ Герцога Кобургъ-Готскаго—«Verdienstkreuz für Kunst und Wissenschaft».

Отъ Императора Китайскаго—орденъ Двойного Дракона 2-го класса, 2-ю степень.

Отъ Великаго Герцога Люксембургскаго—ленту и звѣзду «des Verdienstorden Adolphs von Nassau».

Отъ Великаго Герцога Ольденбургскаго—медаль «für Wissenschaft und Kunst».

Отъ Шаха Персидскаго—ленту и звѣзду ордена Льва и Солнца 1-й степени.

Отъ Короля Португальскаго—командорскій крестъ, звѣзду и цѣпь ордена св. Іакова отъ Меча.

Отъ Короля Румынскаго—орденъ-медаль «Bene merenti».

Отъ Герцога Саксенъ-Мейнингенскаго—командорскій крестъ 1-го класса, со звѣздою, des «Sachsen-Ernestinischen Hausordens».

Отъ Республики Санъ-Марино—командорскій крестъ ордена Санъ-Марино.

Отъ Короля Сербскаго—орденъ св. Саввы 1-й степени.

Отъ Короля Сіамскаго—золотую медаль за искусства «Buspa Mala» и портретъ короля.

Отъ Бея Тунисскаго — командорскій крестъ ордена Нишанъ Ифтихаръ.

Отъ Султана Турецкаго—звѣзду и ленту Меджидіе 1-й степени.

Отъ Правительства Французскаго—офицерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона.

Отъ Князя Черногорскаго — крестъ ордена Данилы второй степени, со звѣздою.

Отъ Короля Шведскаго—командорскій крестъ 1-й степени, со звѣздою, ордена Вазы.

Отъ Микадо Японскаго - звѣзду и ленту ордена Священнаго Сокровища 1-й степени.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 6 мая 1895 года напечатано: «Государь Императоръ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ по научно-художественной части, находящагося въ отставкѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Звенигородскаго, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать его, 6-го мая, согласно ходатайству Министра Народнаго Просвѣщенія, орденомъ св. Анны 1-й степени».

ДОПОЛНЕНІЯ.

БЕЛЬГІЯ.

Къ стран. 35. Писатель объ искусствѣ, Ф. де-Мели, напечаталъ въ февральской книжкѣ «Revue de l'art chrétien», 1895 года, очень обширный разборъ книги А. В. Звенигородскаго, въ которомъ онъ представляетъ нѣсколько пунктовъ своего разногласія съ профессоромъ Кондаковымъ, впрочемъ въ подробностяхъ очень второстепенныхъ, но вообще отзывается о книгѣ съ величайшей симпатіей и уваженіемъ. «Г. Звенигородскій, ученый русскій любитель, говоритъ онъ, впродолженіе многихъ лѣтъ посвятилъ себя исключительному собиранію византійскихъ и происшедшихъ отъ нихъ перегородчатыхъ эмалей; ныньче онъ не только въ великолѣпной книгѣ издалъ собранные имъ драгоцѣнные образчики этого производства, но пригласилъ проф. Кондакова сгруппировать интереснѣйшія византійскія эмали, объяснить ихъ, и приготовить такимъ образомъ исторію этой отрасли искусства. Этимъ онъ воздвигаетъ великолѣпный памятникъ своему отечеству—Россіи, искусство которой *Revue de l'art chrétien.*

31*

нѣкоторымъ образомъ происходитъ отъ византійскаго... Въ нашемъ быстромъ обзорѣ намъ невозможно разсказать всѣ открытія, сдѣланныя ученымъ авторомъ текста, проф. Кондаковымъ, и изложенныя имъ съ великимъ мастерствомъ; но многія между ними являются, покуда, только первыми вѣхами, изъ которыхъ даже мудрено извлечь въ настоящее время какіе бы то ни было выводы... Особенный интересъ представляетъ, для большинства читателей, извѣстіе о русскомъ посланникѣ на Востокѣ, Толочановѣ (посѣтившемъ имеритинскія церкви, на Кавказѣ, въ XVII столѣтіи). Извлеченія изъ его дневника, представленныя проф. Кондаковымъ, приводятъ насъ въ отчаяніе, зачѣмъ мы не знаемъ по-русски, и мы надѣемся, что который-нибудь изъ нашихъ друзей въ скоромъ времени передастъ читателямъ нашего журнала полный текстъ Толочанова, эти быстрыя описанія, которыя ставятъ живьемъ, передъ глазами ученыхъ, сокровища, теперь уже исчезнувшія и потому тѣмъ болѣе безконечно-интересныя... Въ текстѣ проф. Кондакова проходятъ передъ нами, сопутствуемые ученою-критикою, и миланскій кивотъ (Paljotto), много разъ описанный, но все со словъ предшественниковъ и никогда не въ собственномъ новомъ изученіи, проф. же Кондаковъ близко разсмотрѣлъ его и опрокинулъ много иллюзій; проходитъ передъ нами и венеціанскій золотой кивотъ (Pala d'oro), но проф. Кондаковъ и передъ нимъ не приходитъ въ тотъ глубокій экстазъ, который не даетъ разсматривать подробностей: у него къ этому кивоту нѣтъ никакого особаго почтенія, точно также, какъ у меня не было почтенія къ сіенскому рели-

кварію, который всѣ относили ко времени Карла Великаго, съ византійскими эмалями VIII вѣка, и который оказался *сборнымъ* художественнымъ памятникомъ XII, а потомъ XVIII вѣка. Я не могу послѣдовать за всѣми подробностями остроумной диссертаціи проф. Кондакова, мнѣ достаточно указать на всю ея значительность... Двѣнадцать медальоновъ XI вѣка, изъ коллекціи г. Звенигородскаго, изумительны во всѣхъ отношеніяхъ. Они принадлежатъ великому періоду искусства... Конечно, мы не дошли еще до того момента, когда можно будетъ заявить, что исторія византійской эмали завершена. Но всплывшіе теперь документы такъ важны, что уже возможно выводить изъ нихъ многія значительныя соображенія... Если А. В. Звенигородскій искалъ документы, нужные для его книги, по цѣлой Европѣ и въ Азіи, то онъ пожелалъ также, чтобъ и *рамка* соотвѣтствовала *картинѣ*. Буквы подписей подъ таблицами взяты изъ Остромирова евангелія, г. Ропетъ сочинилъ заглавный листъ, нарисовалъ переплетъ совершенно во вкусѣ эпохи, далъ рисунки для изумительныхъ шелковыхъ матерій, нарочно по заказу вытканныхъ въ византійскомъ стилѣ; одна изъ нихъ служитъ книгѣ оболочкой; даже самая «закладка» сущій маленькій chef d'oeuvre. И если г. Звенигородскій благодаритъ въ «Предисловіи» всѣхъ своихъ помощниковъ за ихъ содѣйствіе въ дѣлѣ, такъ превосходно имъ веденномъ, то и работники науки могутъ теперь точно также воздать ему великую благодарность за то, что онъ прибавилъ въ наукѣ новую главу, мало извѣстную, и, такъ сказать, до сихъ поръ недоступную ученымъ, Западной Европы».

ГЕРМАНІЯ.

Корол. Высшая Технич. школа въ Ахенѣ.

Къ стран 55. Ректоръ высшей Технической Школы въ Ахенѣ, Инце, въ письмѣ изъ Ахена отъ 9 декабря (н. ст.) 1895 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Отъ имени Высшей Школы, считаю своею обязанностью высказать вамъ искреннѣйшую благодарность за принесенный вами ей въ даръ экземпляръ вашего изданія. Это сочиненіе имѣетъ неоцѣненное значеніе для преподаванія въ нашей Высшей «Школѣ».

Книга Франца Бока.

Къ стран. 93. На послѣднихъ страницахъ сочиненія Франца Бока, появившихся въ печати уже послѣ отпечатанія настоящей книги, мы встрѣчаемъ, сверхъ того, что было нами выписано изъ сочиненія Бока, еще слѣдующія интересныя и важныя мысли и оцѣнки знаменитаго германскаго археолога, по поводу собранія эмалей и книги А. В. Звенигородскаго. Нѣкоторыя стороны этихъ эмалей изслѣдованы Фр. Бокомъ совершенно самостоятельно и вновь. «Драгоцѣннѣйшую часть этой коллекціи составляютъ, безспорно, тѣ одиннадцать большихъ круглыхъ медальоновъ, которые изображены на таблицахъ и изслѣдованы въ сочиненіи. Они всѣ имѣютъ одни и тѣ же размѣры: 8 центиметровъ въ діаметрѣ, и окружены толстымъ жгутомъ изъ жемчужинъ...

«Въ общемъ, красочная гамма этихъ эмальныхъ медальоновъ представляетъ намъ *девять* съ полною достовѣрностью обозначенныхъ тоновъ»...

Въ своемъ изслѣдованіи о медальонѣ съ изображе-

ніемъ Богоматери, профессоръ Кондаковъ находилъ, что «строгое эмалевое письмо не могло передать дѣвственный обликъ Богородицы въ требуемой мягкости, и что рисунокъ здѣсь сухъ и рѣзокъ, самая миніатюрность чертъ сообщаетъ непріятную ужимку тому, въ чемъ контуръ рисовальщика долженъ былъ-бы выразить кротость и молчаливую преданность». Въ противуположность этому, Францъ Бокъ высказываетъ, что «въ отношеніи композиціи, въ глаза сразу бросается та глубокая разница, которая существуетъ между изображеніями Богоматери и прочихъ священныхъ личностей въ изданіи г. Звенигородскаго. Въ чертахъ лица Вседержителя и прочихъ изображеній, рисуется серьезная, почти грозная строгость, эффектъ, вовсе не происходившій единственно только отъ зрачковъ, косо поставленныхъ въ углу глаза. Напротивъ, лицо молодой Дѣвы Маріи полно необыкновенной, благодатной миловидности; одежды даютъ очень мало видѣть той іерархической строгости, которая такъ рѣзко высказана на прочихъ медальонахъ. Золотыя линіи, идущія тамъ исключительно параллельно и прямо, рядомъ одна съ другою, а потомъ сталкиваются группами изъ острыхъ угловъ, движутся здѣсь съ изящной непринужденностью и живостью. Но нельзя не назвать въ изображеніи Богоматери поднятую лѣвую руку—безусловно неудачною»...

«Является вопросъ: для какой орнаментальной цѣли служили во время оно эти 11 медальоновъ, и можемъ-ли мы считать это число ихъ полнымъ? Профессоръ Кондаковъ отвѣчаетъ на такой вопросъ, на стран. 255, что эти медальоны украшали нѣкогда раму большой иконы, представлявшей архангела Га-

вріила и хранившейся въ церкви Джуматскаго монастыря въ Гуріи. Кондаковъ даетъ, на стр. 256 рисунокъ 91, превосходную гравюру на деревѣ, вѣрно представляющую это величественное созданіе, съ обозначеніемъ всѣхъ недостающихъ частей. На этой гравюрѣ еще явственно видны всѣ 11 эмалевыхъ медальоновъ собранія г. Звенигородскаго...

«Что же касается времени происхожденія этихъ медальоновъ, то мы, вмѣстѣ съ профессоромъ Кондаковымъ, думаемъ, что они безспорно должны быть отнесены ко времени процвѣтанія византійскаго производства, концу X-го, и, позднѣйшее, началу XI-го вѣка. Въ доказательство этому служатъ композиція и безупречное техническое выполненіе этихъ превосходныхъ произведеній. То же самое подтверждаютъ и большія характерныя буквы, выполненныя черною эмалью. Напротивъ, по малой мѣрѣ подлежитъ еще вопросу, къ одному ли времени съ указанными одиннадцатью эмалевыми медальонами принадлежатъ: большая стоячая фигура Гавріила и прочее орнаментальное убранство этого художественнаго произведенія. Но когда станешь ближе разсматривать расположенный полосами характеристическій растительный орнаментъ, выполняющій въ легкомъ углубленіи фонъ иконы, а равно высоко развитые лиственные орнаменты, выпукло украшающіе внѣшній бортъ и прежде окружавшіе упомянутые выше большіе медальоны, наконецъ также и довольно неумѣлую, жесткую позу большой фигуры архангела Гавріила, то невольно приходишь къ заключенію, что это изображеніе въ своей общности, вмѣстѣ съ характерными, лишь по частямъ сохранившимися подписями въ нижнихъ рам-

кахъ, принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ и было выполнено въ Гурійскомъ монастырѣ Джумати около конца XII-го вѣка. Если принять эту гипотезу, можно присоединить къ ней, далѣе, предположеніе, что эмальированные медальоны, лѣтъ на 200 болѣе древніе, заимствованы, вѣроятно, отъ какого-нибудь другого литургическаго предмета, и только впослѣдствіи употреблены на рамку и украшеніе упомянутой иконы»...

Въ своемъ «Заключительномъ словѣ» (Schlusswort) Францъ Бокъ говоритъ: «Послѣ того, какъ труды г. Звенигородскаго, и въ научномъ, и въ типографскомъ, и въ орнаментальномъ отношеніи заслужили всеобщее одобреніе, въ итальянской печати раздался недавно голосъ, впрочемъ мало компетентный, который непостижимымъ образомъ выразилъ недовольство внѣшностью изданія г. Звенигородскаго. Въ декабрѣ 1895 года, въ газетѣ «Archivio storico dell'arte» появилась статья Адольфа Вентури, профессора въ «Regia Università degli studi di Roma», которая, правда, съ похвалою отзывается о научномъ значеніи этого капитальнаго изданія, но, что касается до внутренняго и внѣшняго роскошнаго и стильнаго убранства великолѣпной этой книги, то односторонній рецензентъ, повидимому, ровно ничего тутъ не понимаетъ. При обсужденіи изданія г. Звенигородскаго, итальянскій профессоръ доходитъ даже до такой ораторской фразы: «Это—созданіе капитальное (opera magistrale), которое могло осуществиться только при дружномъ соединеніи, для одной и той же цѣли, любительства и науки, богатства и знанія. Жаль только, что пышное убранство книги свидѣтельствуетъ не о слиш-

комъ-то высокомъ вкусѣ, и что византійское искусство употреблено тутъ на службу театральнымъ эффектамъ. Для того чтобы создать что-нибудь хорошее, еще недостаточно бросать деньги полными горстями». Любопытно замѣтить, что то, о чемъ всѣ безъ исключенія критики великолѣпнаго изданія отзывались съ высшими похвалами, показалось предосудительнымъ римскому профессору: это именно то, что изданіе, самымъ роскошнымъ образомъ разукрашенное въ отношеніи типографскомъ и хромолитографическомъ, соотвѣтствуетъ также и своимъ переплетомъ высокоразвитому искусству византійцевъ времени императора Константина Порфиророднаго, такъ какъ, повидимому, г. профессоръ никогда не видалъ, до сихъ поръ еще, недостигнутаго великолѣпія византійскихъ книгъ, украшенныхъ миніатюрами, а также и родственныхъ имъ по формамъ западноевропейскихъ кодексовъ XI-го вѣка, а поэтому онъ и пытается ниспровергнуть то, чего вовсе не понимаетъ. Только этимъ путемъ можно объяснить мнѣніе новаго критика, что убранство книги не доказываетъ особенно хорошаго вкуса.

«Этотъ презрительный приговоръ заслуживаетъ рѣшительнаго отпора.

«Г. Звенигородскій не пожалѣлъ никакихъ трудовъ, ни издержекъ на то, чтобъ для внутренняго и внѣшняго достойнаго убранства изданія, недостижимо превосходнаго, пріобрѣсти самыхъ даровитыхъ художниковъ: они были призваны, какъ извѣстные спеціалисты, для украшенія самымъ художественнымъ образомъ обширнаго ученаго текста, и имѣли всего болѣе въ виду самыя совершеннѣйшія византій-

скія миніатюры и переплеты, преимущественно XI-го вѣка. Наиболѣе уважаемыя фирмы по части типографскаго, хромолитографическаго и переплетнаго дѣла получили почетное порученіе: осуществить своими работами рисунки даровитыхъ художниковъ. Послѣ четырехлѣтнихъ усердныхъ работъ, соединенными усиліями ихъ создано такое произведеніе, которое, по единодушному признанію своей и иностранной печати, стоитъ, при исходѣ XIX-го столѣтія, какъ нѣчто совершенно несравненное. И вотъ, такому-то, всѣми превознесенному изданію, удостоенному, ради великой основательности его содержанія и превосходства его внутренняго и внѣшняго убранства, высшихъ почетныхъ наградъ со стороны всѣхъ коронованныхъ главъ западной Европы, и въ томъ числѣ Его Величества Итальянскаго Короля Гумберта, чей-то единичный голосъ изъ-за горъ пробуетъ приписать недостатокъ хорошаго вкуса, и прибавляетъ къ тому, что византійское искусство пошло здѣсь на службу театральнымъ эффектамъ.

«Да будетъ предоставлено обладателямъ великолѣпнаго этого изданія рѣшить, гдѣ надо искать недостатка хорошаго вкуса, на сторонѣ ли великодушнаго мецената и кружка даровитыхъ художниковъ и художественно-ремесленныхъ производителей, посвятившихъ въ теченіе многихъ лѣтъ лучшія силы свои выполненію этого произведенія, или же на сторонѣ рецензента, кажется никогда еще невидавшаго ни роскоши византійскихъ рукописей съ миніатюрами, ни великолѣпія греческихъ переплетовъ раннихъ среднихъ вѣковъ. Если бы, случайно, профессоръ Вентури изучалъ исторію миніатюръ ранняго средневѣковья и зо-

лотые переплеты греческихъ и латинскихъ художниковъ, украшенные драгоцѣнными эмалями, то онъ навѣрное не сказалъ бы той пустѣйшей своей фразы, что въ изданіи Звенигородскаго «византійское искусство пошло на службу театральнымъ эффектамъ». Не говоря уже о томъ, что эта злобная выходка довольно понятно, кажется, скрываетъ недовольство человѣка, не принадлежащаго къ числу итальянскихъ ученыхъ, почтенныхъ принесеннымъ имъ въ даръ изданіемъ г. Звенигородскаго, — для него осталась совершенно темною идеальная задача г. Звенигородскаго, состоящая именно въ томъ, что превосходное и стильное убранство переплета должно указывать на то, какого богатства изящныхъ миніатюръ и орнаментовъ можно ожидать при просмотрѣ солиднаго текста.

«Хорошій вкусъ выражается въ томъ, когда драгоцѣнный рейвейнъ подаютъ въ золотомъ бокалѣ, а не въ оловянномъ кубкѣ; не назовутъ расточительностью того, что зажиточный знатокъ художествъ вставитъ въ дорогую раму драгоцѣнную картину великаго мастера—точно также нельзя осуждать достаточнаго библіографа за то, что онъ постарается, какъ только можно, возвысить и украсить богатыми миніатюрами и соотвѣтственнымъ переплетомъ ученое сочиненіе, котораго основа положена имъ.

«Если бы г. Звенигородскій истратилъ богатыя свои средства за карточнымъ столомъ или употребилъ на какой-нибудь спортъ, это можетъ быть назвали бы благородною страстью, но когда одаренный тонкимъ художественнымъ вкусомъ меценатъ съ радостью пожертвовалъ свои деньги на идеальныя цѣли, на поддержаніе и возвышеніе искусства и науки, и со

всѣхъ сторонъ всѣ старались заплатить ему за то благодарностью и признаніемъ его заслуги, вдругъ итальянскій рецензентъ, вдобавокъ ко всему совершающій измѣну противъ исторіи искусства, бросаетъ величавому созданію г. Звенигородскаго упрекъ въ недостаткѣ хорошаго вкуса и обвиняетъ его въ напрасной тратѣ денежныхъ средствъ!

«Si tacuisses, philosophus mansisses»!

(Еслибъ ты помолчалъ, ты остался бы философомъ).

Представитель художественнаго антикваріата И. и С. Гольдшмидта, Майеръ Штернъ, въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому, изъ Франкфурта-на-Майнѣ, отъ 20 мая (н. ст.) 1896 года, говорилъ: «Я никогда еще, во всю свою жизнь, не видывалъ ничего изящнѣе вашего удивительнаго изданія. Высочайшая роскошь соединяется здѣсь съ изысканно-тончайшимъ вкусомъ, а воспроизведеніе художественныхъ предметовъ просто поразительно по вѣрности оригиналамъ. Не говоря уже о вашемъ собраніи самомъ по себѣ, вы этимъ чуднымъ изданіемъ закрѣпили за собою безсмертное имя среди художественнаго міра. Я навсегда сохраню эту книгу, какъ драгоцѣнное свидѣтельство вашего ко мнѣ расположенія и какъ дорогое воспоминаніе». *Художеств. антикваріатъ Гольдшмитъ.*

ИТАЛІЯ.

Къ стран. 118. Адольфъ Вентури, профессоръ исторіи искусства въ «Regia Università degli studi di Roma», напечаталъ въ декабрьской книгѣ журнала «Archivio storico dell'arte», 1895 года, статью объ изданіи А. В. Звенигородскаго, гдѣ говорилъ: «Это — *Archivio storico dell'arte.*

изданіе капитальное (opera magistrale), которое могло осуществиться только при дружномъ соединеніи, для одной и той же цѣли, любительства и науки, богатства и знанія. Жаль только, что пышное убранство книги свидѣтельствуетъ не о слишкомъ-то высокомъ вкусѣ, и что византійское искусство употреблено тутъ на служеніе театральнымъ эффектамъ. Для того чтобъ создать что-нибудь хорошее, еще недостаточно бросать деньги полными горстями».

Nuovo Bollettino di Archeologia cristiana.

Къ стран. 118. Въ римскомъ журналѣ «Nuovo Bollettino di Archeologia cristiana», 1896, № 3, было напечатано: «Засѣданіе 8 декабря 1895. Монсиньоръ де-Вааль представилъ великолѣпный томъ, посвященный исторіи византійскаго искусства и изданный въ недавнее время русскимъ ученымъ археологомъ, профессоромъ Кондаковымъ, подъ заглавіемъ: «Исторія и памятники византійской эмали» (на французскомъ языкѣ). Онъ давалъ присутствующимъ любоваться роскошными иллюстраціями и представилъ подробное изложеніе всего сочиненія».

РОССІЯ.

Графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ.

Къ стран. 160. Русскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ, графъ Н. Д. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому, изъ Мюнхена отъ 11/23 іюля 1894 г. говорилъ: «Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ выразить вамъ мою искреннюю благодарность за присланный вами экземпляръ вашего въ высшей степени интереснаго изданія».

Къ стран. 160. Русскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Японскомъ дворѣ, М. А. Хитрово, въ письмѣ къ А. В. Звенигородскому, изъ Токіо, отъ 24 февраля (7 марта) 1890 года, говорилъ: «Ваше великолѣпное описаніе коллекцій византійскихъ эмалей — есть роскошное изданіе, счастливо пополняющее существовавшій до сихъ поръ пробѣлъ въ археологіи; оно является вмѣстѣ съ симъ безпримѣрнымъ памятникомъ роскошества въ русской библіофиліи»... *М. А. Хитрово.*

ТУРЦІЯ.

Къ стран. 181. Въ письмѣ отъ 5/17 апрѣля 1896 г., изъ Константинополя, Каратеодори-Паша говорилъ А. В. Звенигородскому: «Пріѣздъ князя Болгарскаго въ Константинополь и новыя обязанности, вслѣдствіе этого пріѣзда павшія на меня, помѣшали мнѣ благодарить васъ своевременно за неоцѣненный подарокъ — ваше чудное изданіе византійскихъ эмалей. Позднее выраженіе моей признательности не должно быть истолковано какъ равнодушіе съ моей стороны, и я надѣюсь вамъ это доказать. Но позвольте мнѣ, между тѣмъ, сообщить вамъ, что Его Королевское Высочество князь Фердинандъ, сдѣлавъ мнѣ честь посѣтить меня, увидѣлъ въ моей гостиной ваше изданіе и былъ имъ до такой степени пораженъ, что тотчасъ же выразилъ желаніе пріобрѣсти себѣ такой-же экземпляръ. Не имѣя, къ несчастію, возможности принести ему въ даръ книгу, на которой написано мое имя и которую я сохраню на всю свою жизнь, какъ драгоцѣнное воспоминаніе вашихъ дружескихъ *Каратеодори-Паша.*

чувствъ ко мнѣ, я счелъ возможнымъ пообѣщать ему, что сообщу вамъ о его желаніи. Уѣзжая, Его Высочество снова напомнилъ мнѣ самымъ любезнымъ образомъ мое обѣщаніе»...

Князь Болгарскій.

Къ стран. 181. Начальникъ Тайнаго кабинета Князя Болгарскаго, С. Добровичъ, въ письмѣ изъ Софіи, отъ 12 августа 1896 года, говорилъ А. В. Звенигородскому: «Только по возвращеніи Его Высочества изъ заграничнаго путешествія имѣлъ я возможность повергнуть къ стопамъ его драгоцѣнный даръ вашъ, книгу о византійскихъ эмаляхъ. Его Высочество былъ восхищенъ этимъ несравненнымъ изданіемъ, истиннымъ памятникомъ изящныхъ искусствъ, интересующимъ его въ высшей степени, и поручилъ мнѣ передать вамъ его искреннѣйшую благодарность»...

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

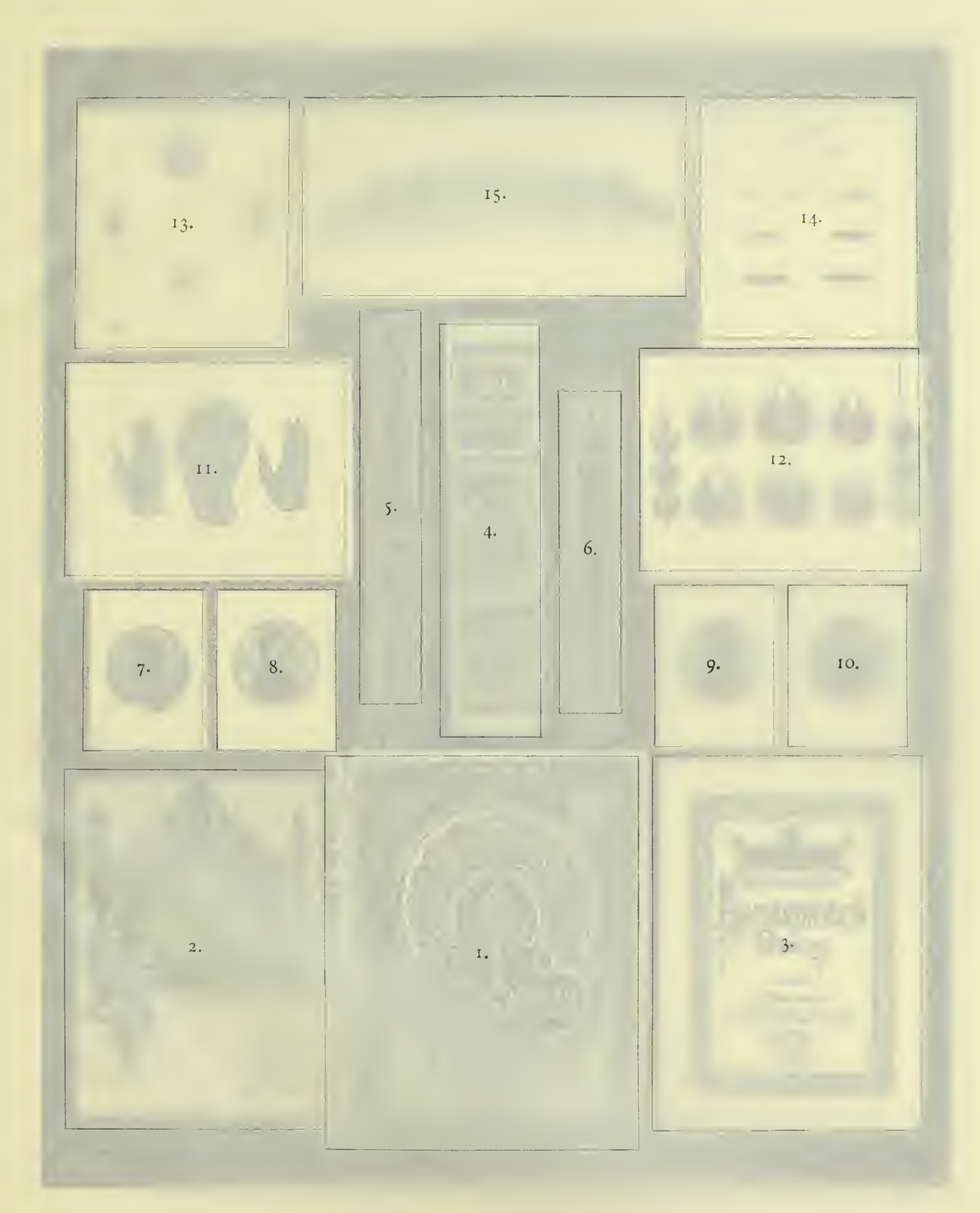

I.

Витрина Звенигородскаго въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ.

Съ акварели И. П. Ропета напечатано въ краскахъ въ литографіи А. Остеррита во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Византiйскiя
Эмали
собранiя
А. В. Звенигородскаго
1882
1894

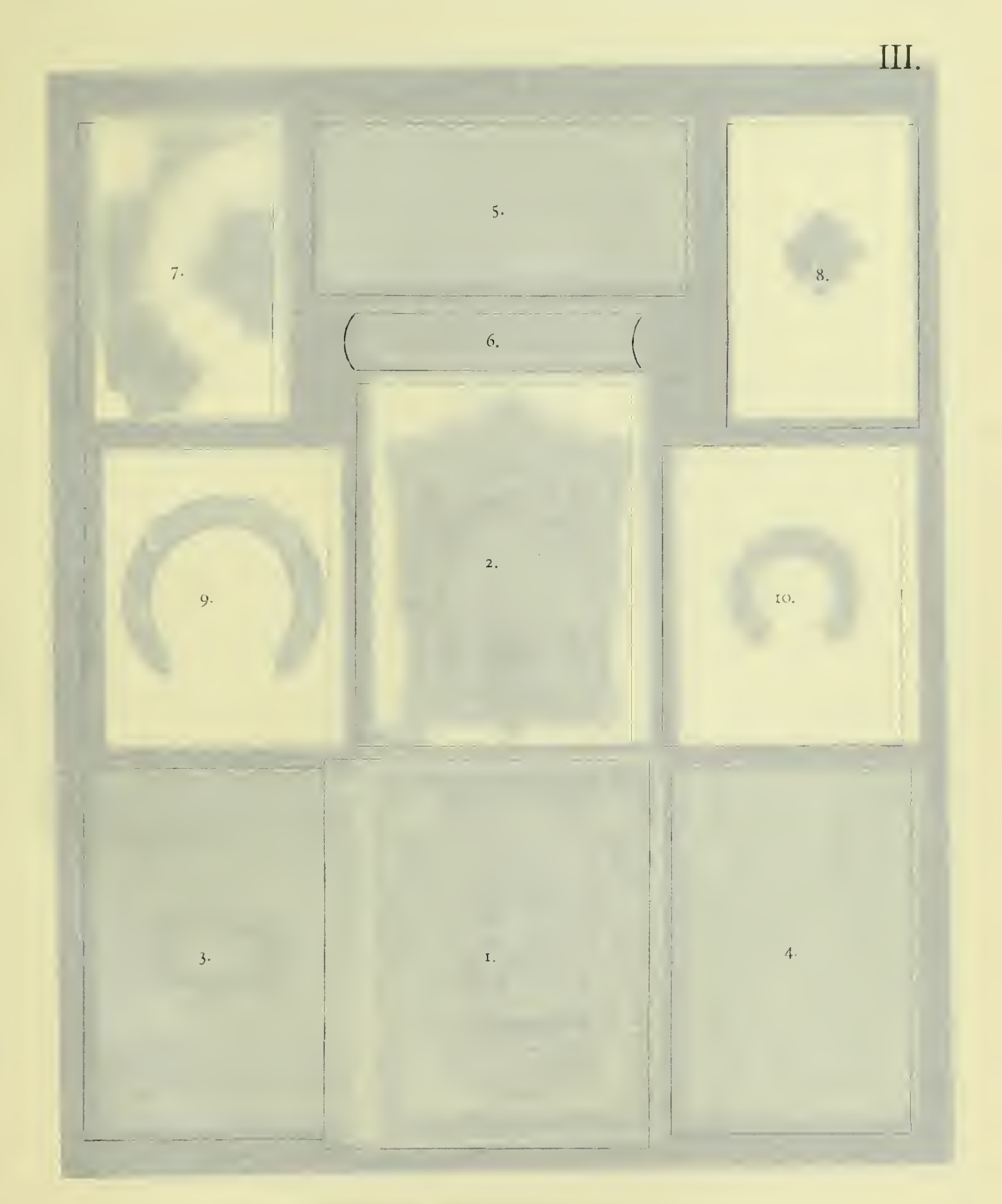
ВИТРИНА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

1. ПЕРЕПЛЕТЪ КНИГИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

2. Посвятительный листъ.—3. Малый заглавный листъ.—4. Спинка переплета.—5. Закладка (проектъ).—6. Закладка (исполненная).—7. Христосъ.—8. Богоматерь.—9. Св. Іоаннъ Креститель.—10. Св. Петръ.—11. Ликъ Богоматери.—12. Кіевскія серьги.—13. Малыя эмали.—14. Обломки эмалевыхъ фоновъ иконъ.—15. Кіевская діадема.

Гравировалъ на деревѣ В. В. Маттэ.

Его
Императорскому
Величеству
Государю
Императору
III
Александръ
Звенигородской
Собраніе
Звенигородскаго
Исторія и памятники
Византійской
Эмали
сочиненіе
Н. Кондакова
В. Матэ.

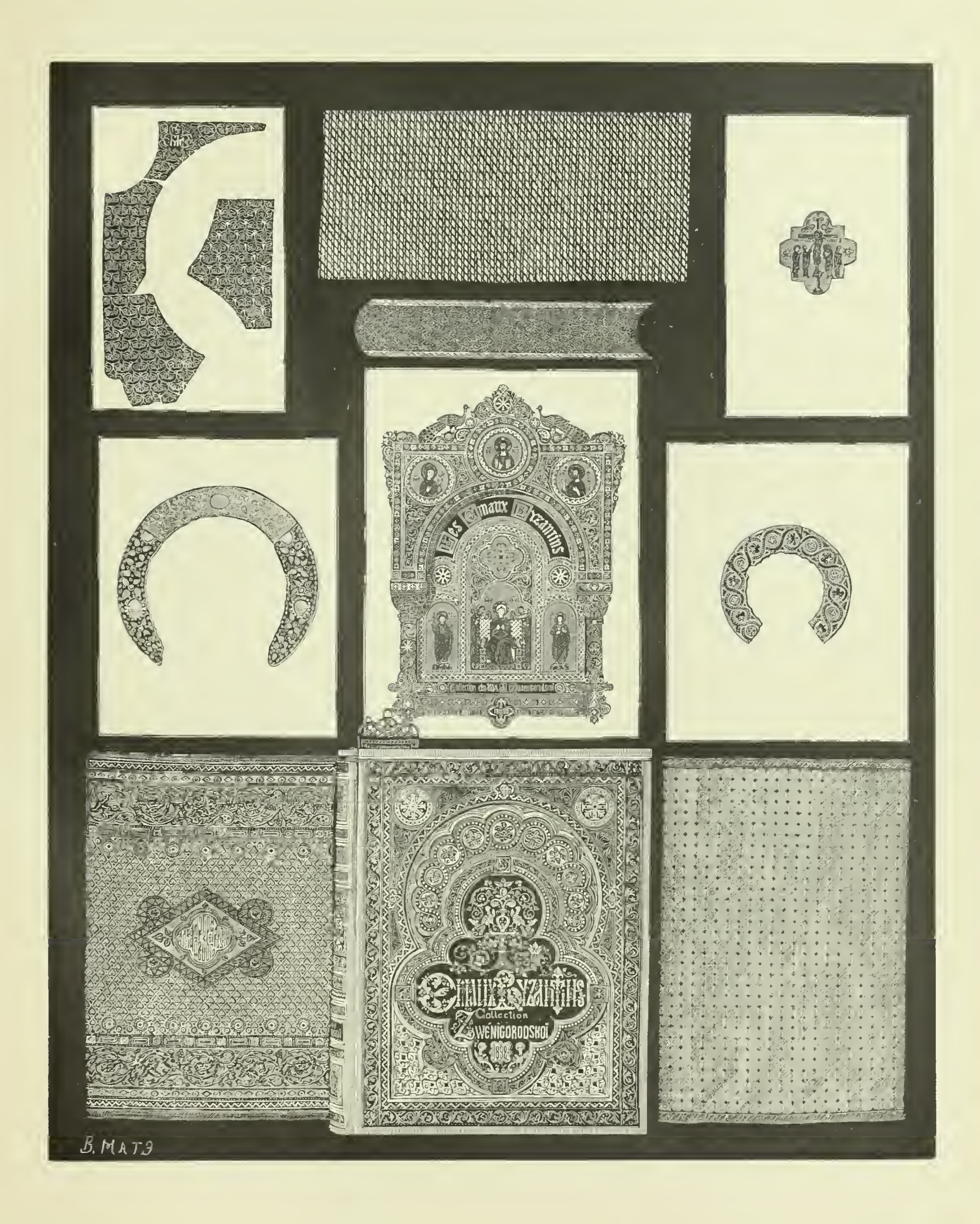

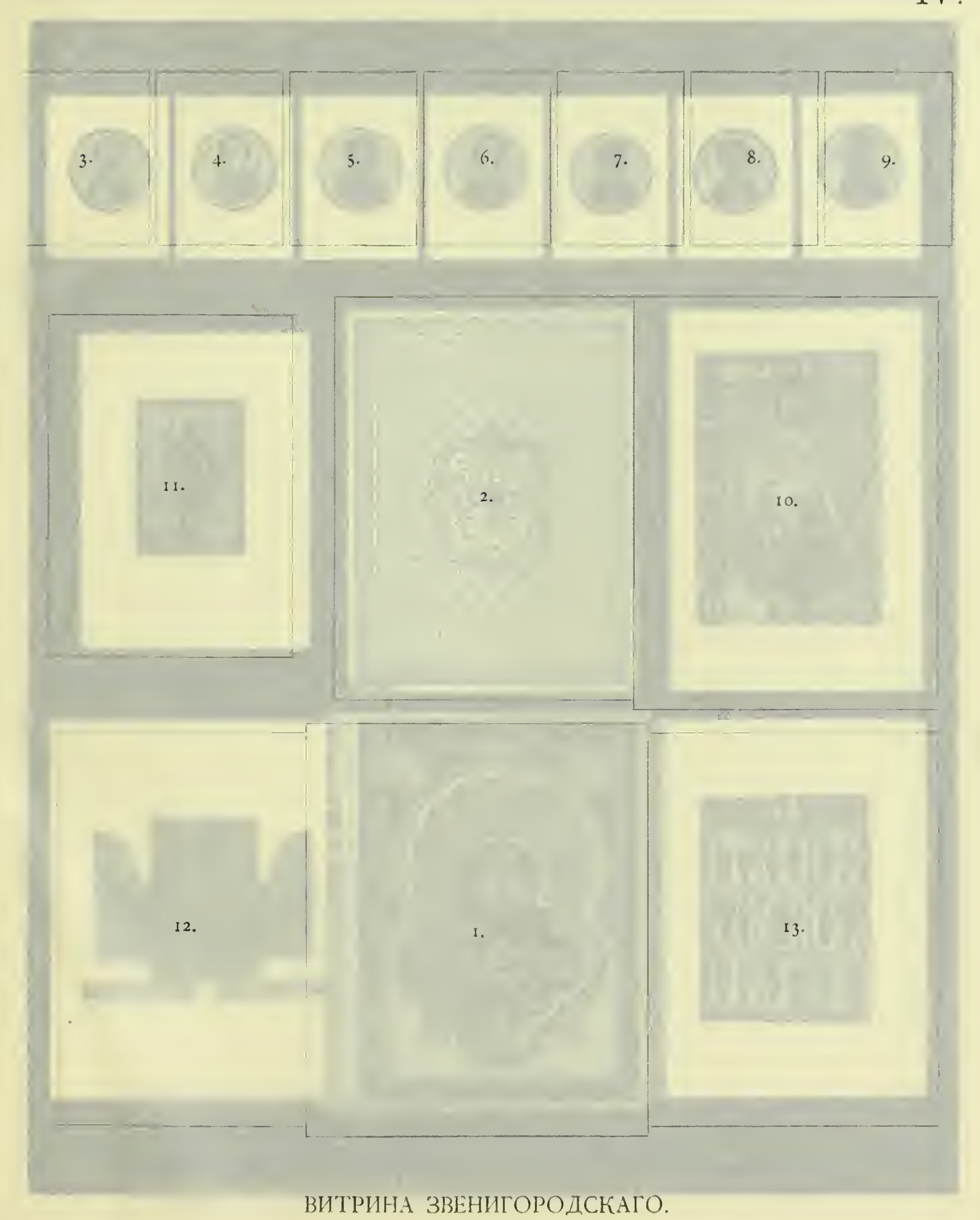
ВИТРИНА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

I. ПЕРЕПЛЕТЪ КНИГИ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

2. Большой заглавный листъ. — 3. Шелковая обложка переплета. — 4. Шелковая голубая матерія, употребленная внутри переплета. — 5. Цвѣтная съ золотомъ шелковая матерія, употребленная внутри переплета.—6. Обрѣзъ книги.—7. Обломки эмалеваго фона иконы.—8. Распятіе (эмаль).—9. Эмалевый вѣнчикъ иконы.—10. Эмалевый вѣнчикъ иконы.

Гравировалъ на деревѣ В. В. Матэ.

Collection
ZWÉNIGORODSKOÏ
В. МАТЭ

ВИТРИНА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

1. ПЕРЕПЛЕТЪ КНИГИ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

2. Задняя сторона переплета.—3. Св. Павелъ.—4. Св. Матѳей.—5. Св. Лука.—6. Св. Іоаннъ Богословъ.—7. Св. Георгій. — 8. Св. Димитрій. — 9. Св. Ѳеодоръ. — 10. Архангелъ Гавріилъ (икона Джуматскаго монастыря). — 11. Архангелъ Михаилъ (икона въ Венеціи). — 12. Хахульская икона.—13. Лимбургская ставротека.

Гравировалъ на деревѣ В. В. Матэ.

SWENIGORODSKOI
1898
ВМАТЭ

КНИГА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

1. Обрѣзъ книги. — 2. Закладка книги (неисполненный проектъ). — 3. Закладка книги, тканая изъ шелка и золота.—4. Шелковая матерія, тканая изъ шелка, золота и серебра, и употребленная внутри переплета книги.

Съ акварели И. И. Ропета печатано въ краскахъ въ литографіи А. Остеррита во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

ΔΕΛ
ΤΩΝ
ΑΝΑ
ΠΤΥC
COIMI
ΓΗΡΥΝ
ΑΝ
CΟΦΟΙ
ΚΛΕ
ΟΝ
ΤΑΙ
1892

1892
ΔΕΛΤΩΝΑΝΑ
ΠΤΥCCOIMI
ΓΗΡΥΝΕΝCΟΦΟΙ
ΚΛΕΟΝΤΑΙ.

КНИГА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

Рисунокъ перомъ, исполненный А. П. Боголюбовымъ, и приложенный при его письмѣ къ А. В. Звенигородскому, изъ Парижа, отъ 7 октября 1894 года.

Съ рисунка А. П. Боголюбова, гравировалъ офортомъ В. В. Матэ.

Незнаю какъ Васъ благодарить за чуд-
ный подарокъ который я получилъ отъ
Васъ для моего Радищевскаго музея
и безъ того уже обогащеннаго Ва-
шими художественными дарами.
Такого изданія я просто невидывалъ: въ настоящее время, у насъ
въ Елисейскихъ поляхъ открыта
выставка "Exposition du Livre" — но
ничего подобнаго тамъ не находится

Дорого отъ

Вамъ стоитъ но за то Вы себѣ
этимъ изданіемъ поставили проч-
ный научный памятникъ:

Алексѣй Боголюбовъ

КНИГА ЗВЕНИГОРОДСКАГО.

Рисунокъ акварелью, исполненный Елиз. Мерк. Бёмъ, и приложенный при ея письмѣ къ А. В. Звенигородскому, изъ Петербурга, отъ 17 сентября 1895 года.

Съ рисунка Е. М. Бёмъ печатано въ краскахъ въ литографіи т. Ильиныхъ, въ С.-Петербургѣ.

Заиграли гусли звонкія,
Заходили пальцы тонкіе...
Разносите людямъ славушку,
Что святая Русь великая
Не пуста стоитъ пустехонька,
Что на ней исконно водятся
Силы сильныя, могучія!
Славу поёмъ, честь воздаёмъ
Болярину Александру
Свету Викторовичу,
Слава во веки вековъ, слава!
Лит. А. Ильина С.П.Б.

